

Т. А. Шеркова

ЕГИПЕТ и КУШАНСКОЕ ЦАРСТВО

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Т.А.Шеркова

ЕГИПЕТ И КУШАНСКОЕ ЦАРСТВО

(торговые и культурные контакты)

Москва
«НАУКА»
Главная редакция
восточной литературы
1991

Ответственный редактор
Б. А. ЛИТВИНСКИЙ

Шеркова Т. А.

Ш49 Египет и Кушанское царство (торговые и культурные контакты). — М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. — 192 с.: ил.
ISBN 5-02-017088-7

Монография посвящена исследованию торговых и культурных взаимоотношений Египта и Кушанского царства, которые определяли одно из важных направлений связей Римской империи, Индии, юга Центральной Азии и территорий Средней Азии в первые века нашей эры. Выявлены основные предметы египетского производства, экспортировавшиеся на Восток, а также местные подражания египетским изделиям.

Научное издание

Шеркова Татьяна Алексеевна

ЕГИПЕТ И КУШАНСКОЕ ЦАРСТВО
(торговые и культурные контакты)

*Утверждено к печати Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

Редактор *Н. В. Барина*. Младший редактор *М. С. Грикурова*. Художник *Л. Л. Михалевский*. Художественный редактор *Э. Л. Эрман*. Технический редактор *Т. Г. Иванова*. Корректор *А. В. Шандер*

ИБ № 1660

Сдано в набор 09.07.90. Подписано к печати 20.12.90. Формат 60×90^{1/16}. Бумага типографская № 2. Вкладка отпечатана на мелованной бумаге. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 12,0+0,5 вкладки. Усл. кр.-отт. 13,01. Уч.-изд. л. 14,67. Тираж 1200 экз. Изд. № 6974. Зак. № 267. Цена 1 р. 90 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
103051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21
3-я типография издательства «Наука»
107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

Ш 0503010000-029
013(02)-91 47-91

ББК 63.3(0)3

ISBN 5-02-017088-7

© Главная редакция
восточной литературы
издательства «Наука», 1991

В этой книге рассматриваются торгово-экономические и культурные связи Египта и Кушанского царства в системе взаимодействий римского мира с Индией и сопредельными странами в первые века нашей эры. Многочисленные изделия античного ремесла и искусства, монеты и архитектурные детали, примеры заимствования греко-эллинистической строительной техники, технологии обработки различных материалов, форм керамических сосудов, мотивов мелкой пластики, иконографии и, наконец, объекты культурного синтеза послужили прецедентами ставшего традиционным подхода к изучению культурно-исторических контактов между этими регионами — с точки зрения воздействия культур эллинистического мира на культуры стран Востока. Особенно ощутим был этот вклад в различные сферы жизни народов, населявших территории большей части Средней Азии, юга Центральной Азии, Северной и Северо-Западной Индии, объединенных в государство Великих Кушан. Этот культурный импульс включал в себя в качестве существенных компонентов элементы культур восточноримских провинций и Египта. В свою очередь, эллинистический и римский мир испытали мощную струю воздействия индийской цивилизации, особенно со стороны индо-буддийской религии, философии и искусства. В немалой степени это явление можно связывать с Кушанским царством, которое сложилось ко времени наиболее интенсивных прямых контактов римского мира и Индии.

Активность Египта в осуществлении римско-кушанских связей была обусловлена рядом факторов. Установление прямых контактов с Индией посредством муссонного мореплавания в Красном море и Индийском океане превратило Египет в морские ворота Римской империи. Став политически зависимым от Рима, Египет тем не менее сохранил определенную самостоятельность в торгово-экономической сфере, основанной на частно-предпринимательской активности. В морской торговле эта страна, обладавшая богатыми ресурсами и высокоразвитыми ремеслами, приобрела приоритет. В целом же торговая восточная политика Рима основывалась на традиционных связях его азиатских и североафриканских владений с Востоком. В I в. н. э. Александрия египетская стала центром международной торговли, местом встреч представителей различных народов, своего рода посредником в реализации историко-культурных связей региона Средиземноморья с восточными странами, надолго закрепила за собой статус международного торгового и культур-

ного центра. С купцами, мореплавателями и путешественниками в Египет проникали не только диковинные товары, но и различные сведения об отдаленных территориях, их населении, обычаях и природе. Посещая их, выходцы из Египта выступали в качестве носителей и распространителей древней египетской культуры. Сильное ее воздействие, которое испытал античный мир, конечно, постепенно затухало по мере территориального удаления от него, тем не менее оно прослеживается и в кушанской культуре, точнее, в культурах народов, населявших Кушанское государство.

Проблемы взаимодействия Римской империи, Индии и сопредельных ей стран исследуются в мировой науке на протяжении почти двухсот лет, и, разумеется, в этих многотомных трудах так или иначе освещены контакты Египта и Кушанского царства. Однако они не стали предметом специального монографического исследования ни в египтологической, ни в антиковедческой, ни в индологической литературе, и вот почему. Письменные источники характеризуют более широкий диапазон связей — между Римской империей, Индией и Центральной Азией. Памятники же материальной культуры, чтобы стать добротным историческим источником, должны обладать такой существенной характеристикой, как их достаточность (и в смысле количества, и заключенной в них информации). Такое обеспечение материалом стало возможным лишь в последние два десятилетия в связи с крупномасштабными археологическими работами на памятниках кушанского времени в Средней Азии, Афганистане, Пакистане и Индии. Это обстоятельство в сочетании с необходимостью осмысления каждого из этих объектов, требующего скрупулезной работы, обусловило возможность уделить специальное внимание египетско-кушанским связям в достаточно полном объеме только в настоящее время. Совокупность данных памятников материальной культуры позволила обратиться к разработке новых направлений в изучении межрегиональных контактов — по выявлению механизмов культурных взаимодействий. Однако необходимо отметить, что многие выводы исследователей старой школы, не располагавших теперешней источниковедческой базой, выдержали проверку временем, и в определенных аспектах новые материалы лишь подтвердили правильность их выводов. И в этом непреходящее значение трудов предшественников. В полной мере это относится к фундаментальной монографии М. М. Хвостова, посвященной восточной торговле птолемеевского и римского Египта [Хвостов, 1907]. На основании детального анализа главным образом античных письменных источников автором были прослежены основные этапы, направления и содержание торговли Египта с Восточной Африкой, Аравией, Индией и Центральной Азией, выявлена его ведущая роль в транзитной торговле между регионом Средиземноморья и странами Востока после освоения муссонных путей в Индийском океане. В книге нашли отражение многие сложные, дискутируемые до

сих пор вопросы, которые являются слагаемыми проблемы торгово-экономических отношений Римской империи и Востока.

Сложность и многоплановость этой проблемы не позволяют в небольшом историографическом экскурсе подробно остановиться на изложении концепции того или иного исследователя, тем более что одной из задач этой книги является рассмотрение содержания торговых взаимодействий Египта и Кушанского царства в системе торгово-экономических отношений римского мира и Востока, что само по себе было бы невозможно без детального анализа существующих в литературе точек зрения относительно данной проблематики. Следует отметить, что наряду с работами, посвященными более частным вопросам, существуют труды, охватывающие проблему в целом, ставшие классическими.

Наряду с монографией М. М. Хвостова к ним принадлежат книга Е. Вармингтона [Warmington, 1974], впервые вышедшая в 1928 г., и труд М. Уилера [Wheeler, 1955], в которых дана цельная картина взаимодействия Римской империи и Индии. Обменными отношениям Египта и Индии уделено внимание крупного специалиста в области изучения экономической истории римского и византийского Египта А. Джонсона [Johnson, 1936]. Вопросы торговли и влияния восточных провинций и Египта на искусство Парфии и Индии подняты в работах М. И. Ростовцева [Rostovtzev, 1926; Rostovtzeff, 1932, Rostovtzev, 1932 и др.]. Морская и сухопутная торговля римского мира и Востока рассмотрена в серии работ В. Шоффа [Schoff, 1912 a, б; Schoff, 1914; Schoff, 1974], М. П. Чарльсворса [Charlesworth, 1924; Charlesworth, 1951], М. Рашке [Raschke, 1975; Raschke, 1978] и многих других авторов. Римско-кушанские связи отразились в трудах Б. Н. Мукерджи [Mukherjee, 1978; Mukherjee, 1980—1981; Mukherjee, 1982; Мукерджи, 1984]. В этих и многих других работах поднимаются и решаются вопросы о несбалансированности римско-индийской торговли, о натурализации римского экспорта, о причинах перемещения индийских рынков на север субконтинента, о роли римских монет в Индии, о возможном участии египетского (александрийского) чекана в международной торговле, о сходстве римского и кушанского чеканов. Для решения вопроса о торговых связях Египта и Кушанского царства положения этих исследований имеют принципиальное значение.

В литературе сложилось представление о своеобразии контактов Римской империи с северной по сравнению с южной Индией. Суть этой концепции охватывает не столько торгово-экономические, сколько культурные контакты. В этом направлении успешно работали и работают индологи [Coomaraswamy, 1927; Banerjea, 1941; Sedlar, 1980 и др.], в том числе советские [Бонгард-Левин, 1981; Бонгард-Левин, Карпук, 1982; Бонгард-Левин, Ильин, 1985; Bongard-Levin, 1987/1988], мероист [Берзина, 1982; Берзина, 1984; Берзина, 1986], специалисты по кушанской нумизматике [Göbl, 1957; Göbl, 1960; Göbl, 1965; Göbl, 1968;

Göbl, 1984; Зеймаль, 1963, Зеймаль, 1968; Зеймаль, 1974 а, б] и иконографии [Rosenfield, 1967; Taddei, 1965; Taddei, 1969]. Этим вопросам уделено внимание и в более общих работах. Приведенный перечень трудов касается и вопросов египетско-кушанских культурных связей, однако не исчерпывает их, как не исчерпывает приведенный перечень работ по данному кругу проблем. Настоящая книга посвящена анализу изобразительных памятников, свидетельствующих о воздействии египетской культуры на кушанскую, и выявлению механизмов, приходящих в действие при соприкосновении культур.

Материальные свидетельства кушано-египетских контактов нашли отражение главным образом в памятниках кушанской археологии; в Египте число находок среднеазиатского и индийского происхождения невелико. В публикациях и работах обзорного характера египетские материалы привлекаются с целью уяснить ареал их распространения за пределами Египта. В первую очередь анализу подвергается категория изделий мелкой пластики из египетского фаянса, широко распространенных как в Европе, так и на Азиатском континенте. Такие предметы, найденные на территории СССР, издавна привлекали внимание исследователей. Первый свод этих находок составлен русским египтологом Б. Тураевым [Touraieff, 1911]. По мере накопления материалов, полученных в результате археологических работ, усилился интерес к предметам египетского происхождения. Значительное их количество поставило перед учеными задачу не только систематизировать находки, но и выявить пути их проникновения за пределы Египта. Этим вопросам посвящены работы Б. Б. Пиотровского [1958], М. А. Коростовцева [1957], Б. А. Литвинского [1973], Б. Я. Ставиского [1975] и Е. Алексеевой [1972; 1975], в которых дана детальная классификация находок, рассмотрены этапы и пути их распространения. Наиболее ранние изделия происходят из Урарту (из слоев, датированных VIII в. до н. э.), куда они поступали через Ассирию [Пиотровский, 1958, с. 20]. В Северном Причерноморье египетские вещи появляются с VI в. до н. э. в связи с греческой колонизацией [Пиотровский, 1958, с. 21]. Их количество здесь увеличивается в эллинистический период, однако наибольшее число находок относится к римскому времени, когда они также наиболее многочисленны и на других территориях, в том числе в Азии. Этим временем датируются почти все изделия египетского происхождения, выполненные из фаянса или других материалов, найденные в Средней Азии. Появление здесь этих вещей связывают с оживлением контактов между Римской империей и Востоком, хотя их истоки уходят в глубь веков и относятся к ахеменидскому времени, о чем свидетельствуют находки как из Египта, так и из Средней Азии [Ставиский, 1975].

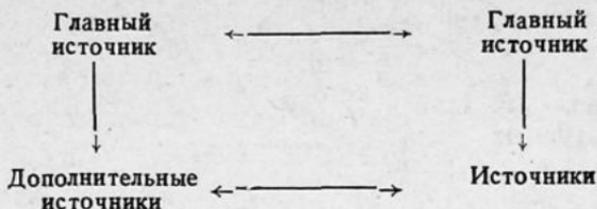
Изделия из египетского фаянса ставят перед исследователями и другие вопросы, например о местах их изготовления, причинах их отсутствия к югу от Гиндукуша; эти вопросы или

дискутируются, или не поднимаются вовсе. А ответы на них имеют существенное значение с точки зрения характеристики торговых путей и содержания торговли с различными территориями Центральной Азии и Индии. Эти материалы затрагивают и сферу культурных контактов.

Надо сказать, что в литературе достаточно внимания уделено не только публикациям различных египетских изделий, найденных на кушанских памятниках, но и анализу тех материалов, которые содержат информацию о воздействии некоторых идеологических воззрений Египта на кушанскую культуру. Однако этот аспект исследования является наиболее дискуссионным. Лишь на совокупности источников (а не на отдельных объектах материальной культуры) может быть определен уровень контактов, маркируемый привозными предметами, местными подражаниями им и объектами культурного синтеза, которыми располагает наука на сегодняшний день.

* * *

Источниковедческая база проблемы египетско-кушанских торговых и культурных контактов обширна. Она решается с привлечением памятников письменности и материальной культуры: нумизматики, археологии, изобразительного искусства, иконографии. Вместе с тем информация, заключенная в этих источниках, столь эпизодична, что составить достаточно полное представление об этих связях возможно лишь при комплексно-сопоставительном анализе источников. Необходимо также отметить, что для данной работы нельзя вычленить в качестве главного, ведущего один источник или категорию источников. В зависимости от конкретного предмета исследования на первое место выдвигается тот (или те) из них, который располагает наибольшей или даже исчерпывающей (по сравнению с другими) информацией. Так, например, при рассмотрении вопросов о торговом мореплавании в Красном море и Индийском океане основными источниками являются памятники письменности. Объекты материальной культуры в этом аспекте менее информативны. Напротив, при решении вопросов о кушанских культурных заимствованиях основной информацией располагают именно предметы материальной культуры. Изучение же хронологической и территориальной локализации индо-римской торговли основывается на совокупности письменных и вещественных данных, информативных в равной степени. Источники, которые при решении конкретного вопроса выступают в качестве дополнительных (обладают информацией, подтверждающей данные главного источника, но выраженной более лаконично, распространяющей, развивающей, уточняющей содержание главного источника), являются основой для следующей ступени исследования или иного аспекта. Таким образом, оперативное использование источников можно представить следующим образом:

Синтез данных используемых источников позволяет проследить содержание египетско-кушанских связей.

Памятники письменности. В эту категорию источников входят сообщения античных авторов, данные китайских династичных хроник и индийские тексты. Ни в одном античном источнике нет прямых упоминаний о Кушанском царстве, несмотря на то что их описания касаются тех территорий Индии, Центральной и Средней Азии, которые входили в состав Кушанского царства. Этому обстоятельству может быть дано два объяснения: либо эти труды относятся ко времени до сложения Кушанского государства, либо при описании этого региона авторы опирались на сообщения своих предшественников. Последнее в целом характерно для представителей александрийской научной школы римского времени, чьи сочинения являются наиболее информативными с точки зрения знаний в римском мире об историко-географической ситуации на этих территориях.

Наиболее ранние сведения о контактах Египта и Индии в римский период содержатся в «Географии» Страбона, написанной на рубеже нашей эры. В ней фиксируется становление римско-египетского торгового мореплавания в Индийском океане, сообщается о регулярности посещений Индии, но не южнее устья р. Инд. Однако Страбон отмечает, что лишь немногим его современникам довелось увидеть эту страну (Страбон XVII, 13; XV, 1, 26). Современная географу ситуация в Бактрии не нашла отражения в его труде. Руководствуясь сообщениями Аполлодора, Страбон дал описание этой страны времен расцвета Греко-Бактрийского царства в период успешных походов Менандра и Деметрия в Индию, а также упомянул о торговле индийскими товарами по судоходной Амударье (XI, XI, 1). Ссылаясь на более ранних авторов, Страбон охарактеризовал Бактрию в системе сухопутных дорог от Египта и Малой Азии до Китая и Индии.

Наиболее детальная информация о торговом мореплавании Рима в Индийском океане и об индийских портах содержится в «Естественной истории» Плиния Старшего, написанной в 70-е годы н. э. В источнике дана история развития морских контактов Египта и Индии и как современные автору описаны посещения Южной Индии. В данном контексте имеют значение сведения Плиния об интенсивности индо-римской торговли, о египетских

ремеслах, изделия которых вывозились за пределы Римской империи, а также об индийских товарах.

Особое место в изучении египетско-кушанских контактов отводится «Периплу Эритрейского моря» анонимного автора, как считается, купца из Александрии или Береники. Текст дошел до нас в двух списках, которые датируются соответственно X и XV вв. Дата оригинала вызвала длительную дискуссию среди исследователей, которая продолжается и по сей день. Одни относят этот источник к I в. н. э. [Шифман, 1978, с. 136—139; История Африки, 1979, с. 92—93], другие — к III в. н. э., хотя и считают, что некоторые его части относятся к первым двум столетиям нашей эры [Аравия, 1981, с. 64; Casson, 1984, с. 39; Casson, 1989]. Это итинерарий для египетских купцов и мореходов, посещавших Восточную Африку, Южную Аравию и Индию. В источнике дана исчерпывающая информация о предметах товарообмена, о наиболее благоприятном времени для совершения плаваний, о маршрутах, портах, стоянках, о международных и местных рынках — словом, это практическое пособие для деловых людей того времени, связанных торговыми интересами со странами Востока. Для историко-ситуативной интерпретации данные этого источника менее информативны, однако соответствующие пассажи все же привлекаются в исследованиях по кушанской истории и хронологии¹. Одни исследователи считают, что описываемые в соответствующих пассажах события в Скифии (район нижнего течения Инда) произошли в докушанское время, другие относят их ко времени уже сложившегося Кушанского царства.

Другой итинерарий, составленный торговыми агентами купца-«македонянина» Мая Тициана, побывавшими в Китае, был использован в «Географическом руководстве» Клавдия Птолемея (около 150 г. н. э.). Эти сведения древний географ почерпнул у Марина, жившего в начале II в. н. э. В литературе нет единого мнения о датировке этой поездки: одни исследователи относят ее к двум последним десятилетиям I в. до н. э., другие — к 50—70-м годам н. э. и, наконец, третьи — к рубежу I—II вв. н. э. (дискуссию см. [Пьянков, 1985, с. 125—129]). Применительно к данной работе важность этого источника состоит в том, что в нем описан Великий шелковый путь на всем его протяжении, в том числе центральноазиатский участок, и в частности bactрийские караванные дороги и стоянки.

Сведения о Северо-Западной Индии содержатся в «Жизнеописании Аполлония Тианского», составленном Флавием Филостратом во второй половине II в. н. э. Аполлоний Тианский, грек по происхождению, житель Ниневии (умер около 100 г. н. э.) совершил путешествие в Индию, чтобы приобщиться к мудрости брахманов. Для этого он преодолел путь из Ниневии через Зеугму, Ктесифон, Вавилон и далее в Индию, побывал в Таксиле, а затем вышел к Коромандельскому берегу Индостана. Отсюда на корабле он проплыл вдоль берегов субконтин-

нента и через Персидский залив попал в Вавилон. Добравшись до побережья Средиземного моря, Аполлоний Тианский посетил Грецию, Египет и Эфиопию. Цель путешествия наложила отпечаток на характер описаний. Если Страбон и Плиний в большей степени интересуются географическими сведениями, автор «Перипла» — торговлей, то здесь многие страницы посвящены описаниям священных индийских мест, религиозным представлениям индийцев. При этом чрезвычайно важны сообщения о том, что индийцы поклонялись греко-эллинистическим и египетским богам. Вместе с тем в «Жизнеописании» неоднократно упоминается о египетском мореплавании и египетской морской торговле с Индией.

Для рассмотрения египетско-кушанских контактов важны отрывки из сочинений таких античных авторов, как Дион Хрисостом, Плутарх, Арриан, Дион Кассий, Светоний. Ряд фактических данных содержат папирусы римского времени из Египта, а также эпиграфические памятники из Индии и Египта.

Некоторые интересные сведения по данной тематике содержатся в китайских письменных источниках, в первую очередь в «Истории Поздней династии Хань». В них говорится о завоеваниях кушан, о бактрийских купцах, о торговле кушан с Римской империей, даются описания Великого шелкового пути, имеется информация об Александрии и Египте, об александрийских фокусниках, диковинных товарах из Египта.

Менее информативны памятники индийской письменности, тем не менее и в них можно почерпнуть некоторые данные, например об организации морской и сухопутной торговли (Артхашастра, джатаки). В тамильской литературе имеются упоминания о яванах — пришельцах с Запада, об их прекрасных кораблях и первоклассных ремесленниках. В целом письменные источники характеризуют более широкий пласт контактов между античным миром и Индией. Применительно к египетско-кушанским контактам эти сведения конкретизируются лишь в сочетании с информацией, содержащейся в памятниках материальной культуры, которые детализируют содержание этих связей. Однако необходимо отметить, что в основном данные источников свидетельствуют об активности Римской империи в контактах с Кушанским царством, ибо если предметы римского происхождения на памятниках кушанского времени из Индии, Центральной и Средней Азии не являются уникальными находками, то на Западе не только кушанские, но и индийские и средне- и центральноазиатские вещи единичны. В их числе необходимо упомянуть статуэтку богини Лакшми из слоновой кости, найденную в Помпеях. Е. Дюринг-Касперс считает, что это изделие сатаваханских мастеров было привезено из Индии через Набатею [Düring-Caspers, 1981]. М. Уилер связывает его с Матхурой кушанского времени и датирует эту вещь концом 70-х годов н. э. [Wheeler, 1955, с. 163]. Интересна коллекция терракотовых портретов скифов, индийцев и других представителей вос-

точных стран, в том числе из Центральной Азии. Эти скульптурки найдены при раскопках кварталов иностранцев в Мемфисе [Petrie, 1909, с. 17, табл. XXVIII, 73, 78—81; Petrie, 1910, с. 46, табл. XLII, 136—138 (за пределами квартала иноземцев, в том числе скульптурка индианки; табл. XLII, 140)], что связывают с фактами проживания представителей различных народов в этом египетском городе в римское время.

Можно отметить, примеры воздействия индийской иконографии при воплощении египетских богов Сараписа [Kater-Sibbes, 1973, № 973] и Гарпократа, изображенных в «буддийской» позе [Taddei, 1969, с. 367]. Свидетельством непосредственных связей Кушанского царства с Северо-Восточной Африкой является клад кушанских монет из Эфиопии (о нем см. ниже). В свете этих фактов можно допустить, что индо-римские и римско-кушанские связи носили активный характер с обеих сторон, причем не только в торговых, но и в культурных контактах. Тем не менее основной акцент в этой книге делается на находках римско-египетских вещей на памятниках кушанского времени в силу их достаточности.

Изделия египетского происхождения из археологических комплексов кушанского времени представлены фигурными амулетами и бусами из египетского фаянса, стекла и минералов, статуэтками египетских богов, стеклянными сосудами, гипсовыми медальонами, тканями и тому подобными артефактами; одни были привезены в Центральную Азию в качестве товаров, другие могли принадлежать приезжим купцам, торговцам и иным лицам, прибывшим сюда. При этом копироваться на месте могли любые вещи, но кем и для кого они изготавливались? Однозначного ответа на этот вопрос быть не может. По-видимому, в глубинных районах Азии подражали привозным изделиям местные мастера. Но вместе с тем хорошо известно, что в Индии жили и работали прославленные ремесленники-яваны. Отсутствие аналогичных письменных свидетельств применительно к кушанским территориям не может скорее всего рассматривать эту ситуацию как прецедент, факт коренного отличия контактов Римской империи с Кушанским царством по сравнению с другими территориями не только Индии, но и других стран Востока. Проживание за границей лиц, причастных к торговле (в том числе и ремесленников, продукция которых шла непосредственно на рынок), было тем правилом, которым руководствовались не только римские подданные, но и индийцы, жившие долгое время в пределах Римской империи, в том числе и в Египте. Это подтверждается археологическими находками в египетском порту Левке Лимен, функционировавшем в первые века нашей эры.

Говоря о специфике контактов Римской империи с Кушанским царством (по сравнению с Южной Индией), мы вслед за М. Уилером имеем в виду распространение в Кушанском царстве не только изделий, но и идеологических представлений. В этом смысле симптоматично заимствование кушанами сюже-

тов и образов, присущих античности и культурам Восточного Средиземноморья римского времени, их иконографии для воплощения местных индо-иранских и индо-буддийских персонажей. Как этот уровень — уровень заимствования иконографии, — так и более высокий уровень — уровень заимствования каких-то представлений, отраженных в той или иной иконографии, — суть уровни культурных контактов. Последний маркирует как бы внутренний план межкультурных связей, который нацелен на выявление механизмов адаптации инокультурных явлений. Анализ источников в этом аспекте, хотя и более уязвим с точки зрения критики, тем не менее плодотворен, так как в конечном счете не только определяет результаты, последствия контактов, их историко-событийную канву (т. е. отражает внешний план контактов), но и позволяет реконструировать процессы культурных (социокультурных) взаимодействий, воздействий и заимствований.

Таким образом, вещественные свидетельства египетско-кушанских контактов можно сгруппировать следующим образом: египетские привозные вещи, местные подражания им и объекты культурного синтеза, которые в совокупности охватывают и торговые и культурные контакты Египта и Кушанского царства. Для установления характера и хронологических рамок египетско-кушанских связей важную роль играют нумизматические материалы.

Кроме того, известное сходство некоторых типов римских (в том числе александрийских) и кушанских монет, особенно в аспекте иконографии, позволяет использовать эти источники для изучения не только торгово-экономических, но и культурных связей между римским миром и Кушанским царством. Особое место в данном контексте занимают изображения египетского бога Сараписа на монетах Хувишки.

В книге используются и другие источники, главным образом изобразительные памятники — рельефы, скульптура и пр. Для выявления механизмов культурных заимствований в Кушанском царстве важны и данные этнографии народов Средней Азии и других сопредельных территорий. Они позволяют определить не только типологические ряды, но и рассмотреть заимствования как культурно-историческое явление, выявить инновации с учетом особенностей культуры — адепта.

Материальные свидетельства египетско-кушанских контактов подвергаются классификации и разностороннему анализу: типологическому, сравнительно-сопоставительному, иконографическому, региональному и пр. Синтез этих данных в сочетании с информацией письменных источников раскрывает содержание торгово-экономических и культурных взаимодействий. Вместе с тем дифференцированный подход к источникам позволяет избежать односторонности и умозрительности заключений при интерпретации совокупности источников и моделировании процессов культурных взаимодействий и заимствований.

В исследовательской литературе предпринимались попытки привлечь импорты, в том числе и египетские, для уточнения кушанской абсолютной хронологии с начальной датой правления Канишки от I до III в. н. э. Характерные для египетского ремесленного производства птолемеевского и римского времени фаянсовые изделия мелкой пластики обнаруживаются в археологических комплексах Северного Причерноморья, Восточного Средиземноморья и Месопотамии от II в. до н. э. до IV в. н. э., но преимущественно в рамках I—III вв. н. э., что характерно и для Средней Азии, где известны аналогичные находки. Распространение таких изделий на эти территории можно считать единым процессом, который завершился с прекращением их изготовления. Таким образом, среднеазиатские археологические комплексы, содержащие египетские изделия, могут датироваться лишь в достаточно широких пределах (и уточняться иными, входящими в тот же комплекс предметами). Прочие римско-египетские изделия относятся к периоду с I по IV в. н. э., причем значительная их часть датируется II в. н. э. К этому же времени относятся наиболее близкие аналогии из Египта, послужившие прототипами для местной, индо-иранской иконографии. Отсутствие критериев для установления хронологического соотношения в бытовании объектов и иконографии в Римской империи и Кушанском царстве (частичная синхрония или диахрония?) затрудняет их датировку в кушанских археологических комплексах. Существует мнение, что в лучшем случае они позволяют установить *terminus post quem* (Е. В. Зеймаль). И все же некоторые материалы, в первую очередь данные иконографии, как представляется, могут быть использованы при решении вопросов кушанской хронологии в общем контексте римско-индийских контактов и некоторых фактов истории Египта римского времени. Этот контекст позволяет рассматривать египетско-кушанские прямые торговые и культурные связи, как укладывающиеся в достаточно узкие хронологические рамки, а именно с рубежа I—II по III в. н. э.

Если придерживаться поздних датировок, то на примере связей между Египтом и Кушанским царством пришлось бы рассматривать затухание торговых контактов Римской империи с Индией. Между тем совокупность данных источников свидетельствует о том, что период существования Кушанского государства совпал с ее расцветом. Именно на памятниках кушанского времени в большем количестве, чем прежде, встречаются предметы римско-эллинистического искусства, элементы которого впитала кушанская культура. К тому же в письменных источниках трех первых веков нашей эры содержатся сведения о расцвете торговых контактов Римской империи со странами Востока, в том числе и с Индией.

Коль скоро речь заходит о распространении египетских ве-

щей на территориях Кушанского царства, то, разумеется, помимо материалов, происходящих из Египта и государства Великих Кушан, необходимо привлечение аналогий с других территорий, находившихся в орбите международного товарообмена. Таким образом, для сравнений, сопоставлений и составления картины распространения египетских предметов на Востоке привлекаются материалы от Восточного Средиземноморья до Восточного Туркестана и Китая, от степных районов территории СССР до южных границ Египта, Эфиопии, Южной Аравии, Индийского субконтинента и Шри-Ланки.

Основная задача работы — рассмотреть египетско-кушанские контакты как важнейшую составную часть римско-индийских и центральноазиатских взаимоотношений в первые века нашей эры. Для этого проводится анализ и синтез совокупности данных различных категорий исторических источников с учетом известных в литературе концепций по ряду аспектов, связанных с данной проблематикой. В дискуссионных вопросах позиция автора излагается в соответствующих историографических экскурсах. Принять или развить ту или иную точку зрения в ряде случаев дают возможность материалы, характеризующие собственно египетско-кушанские контакты. Кроме того, совокупность этих данных позволила впервые обратиться к моделированию процессов культурных заимствований из египетской, точнее, египетско-эллинистической культуры многоэтническим населением, объединенным в государство Великих Кушан.

Работа проделана в секторе материальной культуры Отдела истории и культуры древнего Востока Института востоковедения АН СССР. Автор приносит глубокую благодарность сотрудникам сектора, которые ознакомились с работой и высказали полезные советы и замечания в процессе подготовки рукописи. Автор признателен художнику Т. П. Удыма, выполнившей иллюстративный материал.

Глава I. ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ В КОНТЕКСТЕ ЕГИПЕТСКО-КУШАНСКИХ КОНТАКТОВ

§ 1. Посольства

Контакты Римской империи со странами Азии в первых веках нашей эры характеризуют кульминационный этап в процессе межрегиональных контактов, складывавшихся в рамках таких многоэтнических государств, как держава Ахеменидов и империя Александра Македонского. Сложение эллинистических государств на Востоке имело особое значение для дальнейшего развития этих связей, приведших к взаимопроникновению культур Востока и Запада, к возникновению сложных культурных симбиозов. Импульс античной цивилизации не угас вместе с Греко-Бактрийским царством, павшим под натиском кочевых племен. Он сохранился в виде питательной среды, обогащавшей местные культуры кушанского периода истории Индии, Средней и Центральной Азии. Контакты с Римской империей дали новый толчок для проникновения элементов культур античного мира, в первую очередь восточных провинций и Египта, которые, имея традиционные связи с Востоком, заняли лидирующее положение в торгово-экономических и культурных взаимодействиях с этими территориями. Таким образом, завоевание Восточного Средиземноморья и Египта с их ремесленными традициями и богатыми сырьевыми ресурсами послужило той реальной основой, на которой строилась восточная торговая политика Рима.

Ее концепция точно может быть определена словами Страбона о целях похода Элия Галла в Южную Аравию. Август имел намерение «сделать арабов друзьями или покорить их». Прознав об их несметных богатствах, он рассчитывал приобрести богатых друзей или одолеть богатых врагов (Страбон XVI, 4, 22). Политика и торговля шли рука об руку. Там, где не срабатывала сила оружия, появлялись посольства с ценными дарами. Прием этот был не нов. Лишь в силу известной политической расстановки сил Инд не стал Рубиконом для Александра Македонского, Селевк I должен был отказаться от идеи возрождения империи за счет присоединения территорий царства Маурьев, а римские императоры вынуждены были ограничиться «богатými друзьями» в Счастливой Аравии и Индии. Пути к их рынкам были проложены из завоеванного Египта.

Контакты Римской империи с Индией устанавливались и ре-

гулировались обменом посольств и миссий. Эта форма контактов была традиционной. Так, уже в индийской эпической литературе упоминаются посольства, направленные в Yavanaपुर (Яванпур, город яванов) и Antakhi (Антаки), которые идентифицируются соответственно как Александрия и Антиохия [Asthana, 1976, с. 153]. Индийские правители династии Маурьев поддерживали постоянные дипломатические отношения с эллинистическими государствами. Конфликт между Чандрагуптой и Селевком закончился подписанием мирного договора, согласно которому Селевк получил из Индии 500 боевых слонов, а Чандрагупта — территории к западу от Инда [Бонгард-Левин, Ильин, 1985, с. 209]. Сын Чандрагупты, Биндусара, принимал посольство Деймаха, прибывшего из Селевкидского царства в Паталипутру (Страбон II, 1, 9), а также Дионисия, направленного Птолемеем II Филадельфом из Египта (Ptol. VI, 58). Высказывалось предположение, что египетское посольство имело целью урегулировать торговлю с южноиндийскими государствами, подчиненными Маурьям [Межгосударственные отношения, 1987, с. 204—205].

В законах царя Ашоки неоднократно встречаются имена эллинистических правителей, в том числе Птолемея II Филадельфа (282—246 гг. до н. э.). В одном из законов говорится о распространении буддизма в эллинистических государствах, что рассматривается как следствие деятельности дипломатической миссии [Sedlar, 1980, с. 80], однако с таким выводом согласны далеко не все исследователи [Берзина, 1982, с. 24—25; Бонгард-Левин, Ильин, 1985, с. 593].

Судя по античным источникам I—III вв. н. э., в Римскую империю систематически приезжали послы из Индии и сопредельных стран. Однако характер и цели миссий не всегда ясны из-за краткости изложения и тенденциозности при освещении фактов. Авторы зачастую стремятся подчеркнуть авторитет римских императоров на международной политической арене того времени, с которыми пытаются завести дружбу правители самых отдаленных стран. Так, Светоний, восхваляя добродетели Августа, писал, что «слава о такой достойной умеренности побудила даже индийцев и скифов, лишь понаслышке нам известных, просить через послов о дружбе Августа и римского народа» (Светоний II, 21). Из сообщений римского историка II в. н. э. Луция Аннея Флора известно, что к Августу были направлены послы скифов и сарматов с просьбой о дружбе, а также серов и индов с богатыми дарами [Межгосударственные отношения, 1987, с. 267—268]. О частых индийских посольствах к Августу свидетельствуют эпиграфические данные [Хвостов, 1907, с. 355, примеч. 2]. У Страбона дважды упоминается о приезде индийских послов к Августу. В одном пассаже древний географ повествует о прибытии послов от царя Пандиона («или другого Пора») с дарами; в их числе был мудрец, который сжег себя в Афинах (Страбон XV, 1, 4). В другом месте Страбон пишет,

что его современник Николай Дамасский встретил в Антиохии трех индийских послов от царя Пора — владыки над 600 царями, который «высоко ставил честь быть „другом“ Цезаря, выражая готовность разрешить проход через свою страну, куда бы Цезарь ни пожелал идти, а также обещал содействие во всех его справедливых предприятиях...» (Страбон XV, 1, 27). Послы привезли с собой некоего Гермеса — человека от рождения без рук, Зерманохега, родом из Баригазы, который впоследствии подверг себя самосожжению. Среди даров перечисляются змеи, черепаха и куропатка.

При толковании этих пассажей был высказан ряд соображений относительно отождествления этих посольств. Так, М. М. Хвостов, а вслед за ним и другие исследователи склонны полагать, что речь идет об одном посольстве из южноиндийского царства Пандья, которое Август принимал на Самосе в 21 г. до н. э. [Хвостов, 1907, с. 355—356]. Г. Роулинсон, напротив, считал, что послы прибыли из Северной Индии. Царя Пора он отождествил с кушанским Куджулой Кадфизом [Rawlinson, 1916, с. 107—109]. О североиндийском происхождении послов писал и Е. Вармингтон, который изложил более развернутую аргументацию. Сравнивая и сопоставляя данные Страбона об индийских послах с соответствующими сообщениями других античных авторов, исследователь пришел к выводу: речь идет по крайней мере о четырех посольствах, два из которых происходят из Северной и Северо-Западной Индии: одно, встреченное Августом в Испании в 26—25 гг. до н. э., другое — на Самосе в 21 г. до н. э.

Основным аргументом в пользу североиндийского происхождения этих посольств, по мнению исследователя, служит перечень даров, а именно представителей фауны, обитавших в этом районе Индии, а также факт изложения письма царя на греческом языке, хорошо известном в Пенджабе. Соответственно посольства, привозившие в Рим слонов, драгоценные камни и жемчуг, о которых сообщают античные писатели, Е. Вармингтон связывает с южноиндийскими царствами Кера, Кола и Пандья [Warmington, 1974, с. 35—37]. По мнению М. Уилера, у Страбона речь идет о посольствах, одно из которых (о нем Страбон узнал от Николая Дамасского) происходит из Северо-Западной Индии, другое — из царства Пандья [Wheeler, 1955, с. 161—162].

Для локализации посольств, упомянутых Страбоном, особенно важна географическая локализация страны царя Пора (=Пандиона). Из контекста «Географии» следует, что речь идет о Северной Индии¹, достаточно хорошо известной по описаниям предшественников Страбона, эллинистических авторов, на которых он ссылается. Они значительно лучше были знакомы с Северной, чем с Южной Индией². Ситуация в целом мало изменилась ко времени, когда Страбон писал свой труд. Он и отмечает: «Наиболее замечательны среди рек — притоки Инда; страны, по которым они катят свои волны, нам известны; что же

касается прочих, то о них у нас больше неведения, чем знания» (Страбон XV, 1, 26). Сообщения о послых следуют за описанием народов, обитавших в Северной Индии, о строительстве флота Александра Македонского на Гидаспе (совр. Джелам, Пакистан), о флоре этого района (при этом специально оговаривается, что кораца, согласно Аристобулу, произрастает в Южной Индии). Царство Пора Страбон помещает между Гидаспом и Аксином, описывает его как обширную и плодородную страну с 300 городами. Далее следуют сообщения о положении каст, о брахманах, религиозных обычаях в Таксиле. В свете приведенных фактов становится ясно, что у Страбона говорится о послых, прибывших именно из этих мест.

Значительно проблематичнее историко-культурная локализация царства Пора. По этому поводу Е. Вармингтон высказал соображение, что имеются в виду монархи Пуру, отождествляемые им с греко-бактрийскими правителями, вытесненными юзджами в район среднего течения Инда и его притоков [Warmington, 1974, с. 35—37]. Это, однако, может быть принято на уровне предположения.

Такие же сложности вызывает отождествление посольств от различных азиатских народов, прибывавших к последующим римским императорам, о которых лаконично свидетельствуют античные авторы. Так, Дион Кассий сообщает о посольствах варварских правителей и индийцев, направленных к Траяну (цит. по [Warmington, 1974, с. 94—95]), одно из которых Е. Вармингтон считает кушанским. Иконографическая близость изображительных памятников Траяна и Канишки, а также появление титула «цезарь» в одной из надписей последнего позволили исследователю отнести данное посольство ко времени правления этого кушанского царя [Warmington, 1974, с. 94—96].

Античные авторы упоминают индийских, бактрийских и гирканских послов, направленных в Римскую империю в правление Адриана, Антонина Пия, Марка Аврелия, Септимия Севера, Аврелиана, Константина и Юстиниана [Reinaud, 1966, с. 240]. Бактрийских царей, приславших своих послов ко двору Адриана и Антонина Пия, Е. Вармингтон отождествляет с кушанскими правителями [Warmington, 1974, с. 99 и сл.].

Имеются сведения письменных источников о том, что Рим поддерживал военно-дипломатические отношения с Бактрией. Начиная с Августа римские императоры рассматривали бактрийцев как резерв и союзников в борьбе с Парфией. Бактрийцы обещали свою помощь в освобождении плененного Шапуром Валериана, а в триумфальной процессии Аврелиана в 274 г. среди народов, приславших воинов Зенобии, с почетными дарами выступали и бактрийцы [Tomaschek, 1896, с. 2812].

По делам торговли посланцы стран Востока посещали римские провинции. Бардесан сообщает об индийцах, которые приезжали в Сирию во времена Элагабала [Coomaraswamy, 1927, с. 67]. Дион Хрисостом (около 50—117 гг. н. э.) был очевидцем

присутствия в Александрии египетской, названной им космополитическим городом, представителей Бактрии, Скифии и Индии. В одном из своих обращений к александрийцам он отмечал: «Ведь я вижу среди вас не только греков и италийцев, не только людей, прибывших из ближайших стран: Сирии, Ливии и Киликии, не только эфиопов и арабов из более отдаленных регионов, но даже бактрийцев и скифов, персов и некоторое количество индийцев, которые все видят и нередко пребывают здесь вместе с вами» (Dio. Chrys. III, 40). Из контекста другой его речи явствует, что он имел в виду купцов, которые стекались со всего мира в Александрию. В ней говорится об александрийском торговом флоте, распространившем свое господство не только в Средиземном, но и в Красном море, проливах, а также во внешних водах Индийского океана. Александрия названа центром международной торговли, главным рынком, куда съезжались представители самых отдаленных земель и народов, где они не только обменивались товарами, но и знакомились с обычаями друг друга (Dio. Chrys. III, 36).

Без сомнения, среди упомянутых античными авторами выходцев из Скифии, Гиркании, Бактрии и Индии были и жители государства Великих Кушан.

В русле торговых и деловых связей представители различных этносов подолгу проживали не только в Александрии, но и в провинциальных городах Египта, а жители Египта, в свою очередь, поселялись или представительствовали за его пределами, в том числе в Индии.

§ 2. Торговые пути

Важнейшей артерией, по которой осуществлялись контакты Римской империи со странами Востока, являлся Великий шелковый путь от прибрежной части провинции Сирии через владения Парфии и Кушанского царства в Китай и Индию. С этой системой караванных дорог был связан и Египет (карта 1). Сведения о пути в целом и различных его отрезках содержатся в античных и китайских письменных источниках, которые дополняются, восполняются и уточняются данными материальной культуры. Сочетание информации, заключенной в источниках, позволяет не только проследить пространственные и хронологические характеристики путей, но и определить, какую роль они сыграли в осуществлении различных форм египетско-кушанских контактов.

В римское и византийское время изделия египетских мастерских распространялись вплоть до Китая [Seligman, Beck, 1938; Vivar, 1970; Берзина, 1977, с. 216, 232, примеч. 19—20; Ferguson, Keynes, 1978, с. 590]. Наиболее массовый материал, который встречается от Ближнего Востока до Китая и Индии,— это предметы мелкой пластики: фигурные амулеты, бусы, статуэтки из египетского фаянса и других материалов, демонстрирующие

устойчивый набор форм, характерный для I—III вв. н. э. Эти находки иллюстрируют сообщения письменных источников о направлениях торговых путей.

В метафорическом высказывании Страбона о целях географических познаний как нельзя лучше отразилось стремление античного мира завязать контакты со странами Востока: «Удачнее будет охотиться тот, кто знает лес, его качества, размеры; равным образом, только знающий страну правильно устроит лагерь, засаду или совершит путешествие» (Страбон I, 1, 17). Если проследить направленность внешней политики Птолемеев и римских императоров, то можно отметить, что значительные усилия их были предприняты в поисках путей в Индию, как через азиатские территории, так и по Индийскому океану.

В III в. до н. э. Египту принадлежал политический и торговый контроль над всем Восточным Средиземноморьем. В результате успешных военных действий при Птолемее II Филадельфе от Селевкидского царства отторглись стратегически важные территории, включающие приморские города Тир и Сидон с большими гаванями, Ливанские горы, где произрастал кедр, необходимый для строительства флота; на западном побережье Малой Азии к Египту перешел крупный торговый город Милет, связанный с системой восточных торговых путей. До начала II в. до н. э. Египет контролировал важный отрезок дороги в Индию, пролежавший через Рабат Аммон (совр. Амман) к Птолемаиде (Аккра) и финикийскому побережью [ИДМ, II, с. 333]. В правление Птолемея III Эвергета (246—222 гг. до н. э.) была предпринята попытка захватить и более восточные отрезки пути. Так, согласно Адулисской надписи, царь Египта покорил Месопотамию, Вавилонию, Сузиану, Персиду, Мидию и часть страны вплоть до Бактрии (цит. по [Хвостов, 1907, с. 311—315]) и, таким образом, установил контроль над Персидским заливом. Как считают, эти факты сильно преувеличены [Источниковедение, 1982, с. 175], однако примечательно, что впоследствии римские императоры неоднократно предпринимали попытки завоевать Месопотамию с выходом в Персидский залив.

В римское время из Египта в Переднюю Азию шли две дороги: одна вдоль побережья Средиземного моря (Страбон XVI, 1, 31; Plin. V, 68), другая — через Синайский полуостров в сторону Петры, расположенной на «дороге благовоний»³ (Страбон XVII, 1, 30; XVI, 4, 2), которая была связана с Вавилоном в Месопотамии (Страбон XVI, 4, 2), с Риноколурой и Газой на побережье Средиземного моря (Страбон XVI, 4, 24), Элой в заливе Акаба (совр. Эйлат; Страбон XVI, 1, 30), а также с ближневосточными городами Иерусалимом, Иерихоном, а также Пальмирой, ставшей во II—III вв. н. э. важнейшим партнером в торговле с Индией (Plin. VI, 144).

Южный путь, проходивший через египетские города Сарапий, Клисму и Антиною, соединялся с северным в районе Пелузия, где имеются свидетельства связей Египта с сирийской Антиохи-

ей⁴. Морская торговля осуществлялась и с другими городами Сирии. Из Лаодикеи в Александрию вывозилось вино, которое затем транзитом через Египет переправлялось в индийский порт Баригаду (Перипл 49). С Египтом был связан и Тир, одна из гаваней которой получила наименование «египетская» (Страбон XVI, 1, 22).

От прибрежных сирийских городов торговые караваны продвигались к Евфрату, к переправам на границах с Парфией. На протяжении I—II вв. н. э. пользовались переправой у Бамбики (= Эдесса = Гиераполь; Страбон XVI, 1, 27; Ptol. I, 11, 16). Далее путь проходил уже по пустынной местности до Скены, а затем в Селевкию и Ктесифон (Страбон XVI, 1, 16; Plin. VI, 122).

Связи Египта с Месопотамией были традиционными, и находки египетских изделий здесь значительны. Такая ситуация сохранилась и в римское время. Так, египетские фаянсы и подражания им встречены на ряде памятников: в комплексах II в. н. э. Пальмиры [Michalowski, 1960, с. 203, рис. 226; Michalowski, 1962, с. 221, рис. 253], в парфянских и позднепарфянских слоях Дура-Европос [Toll, 1946, с. 127; Toll, 1949, с. 126—129], Селевки [Yelvin, 1933, с. 33—64], Вавилона [Reuter, 1926, с. 166, 172, 194; Wetzel, Schmidt, Mallwitz, 1957, с. 35] и др. Известны они на территории Ирана, в прибрежной части Каспийского моря [Toshihiko Sono, Shinji Fukai, 1968, с. 32].

Из Месопотамии дорога шла в сторону летних резиденций парфянских царей, в Экбатаны (совр. Хамадан) через Керманшах и Раги (около Тегерана), а затем через Апамею и Гекатомпилы к Каспийским воротам в Гиркании (Страбон XI, 9, 1; XI, 13, 5—8; Plin. VI, 42—43).

Восточноиранский отрезок пути менее подробно описан у античных авторов, даже у Исидора Харакского, который специально посвятил свой труд парфянским стоянкам [Schoff, 1914; Древние авторы, 1940, с. 132]. Зато в китайских источниках говорится, что в Парфии находилось множество городов [Chavannes, 1907, с. 176 и сл.]. Только к востоку от Гекатомпил, на пути следования первого китайского посольства в Парфию, было встречено несколько десятков городов [Chavannes, 1907, с. 27; Вельгус, 1978, с. 141—142]. Парфия характеризуется как величайшее государство, в котором насчитывается более ста больших и малых городов. По р. Амударье живут торговцы и купцы, которые ведут морскую и сухопутную торговлю не только с соседними, но и с далекими странами [Вельгус, 1978, с. 157].

Селевкиды, а затем парфяне контролировали развитие коммуникаций и торговли. Дорога из Селевкии на Тигре в Бактрию проходила через левобережье р. Тигр, что привело к возникновению цепочки поселений. По крайней мере часть засвидетельствованного увеличения заселенности этой территории должна быть соотнесена с развитием караванной торговли [Adams, 1965, с. 61]. К числу таких новых парфянских городов

относятся Вологезы, город, основанный в 77 г. н. э. [Хвостов, 1907, с. 287].

Все античные авторы, давшие описание восточноиранского и центральноазиатского участков пути, отмечали, что от Капийских ворот дорога отклонялась на юго-восток, в страну ариев, и лишь затем поворачивала в сторону Бактрии. [Страбон XV, 2, 8; Ptol. VI, 10, 3; Древние авторы, 1940, с. 132], т. е. в обход Маргианы, хотя Птолемию было известно, что Бактриана на западе граничит с ней (Ptol. VI, 11, 1). Основная дорога, таким образом, проходила через Арию в Бактрию. Это подтверждают и китайские источники. Согласно «Истории Поздней династии Хань», южная дорога из Китая (через Восточный Туркестан) заканчивалась на западе в У-и-шань-ли (Арахозия, Дрангиана, Александрия-Арахозия=Ария античных авторов=совр. Герат). Отсюда дорога поворачивала на север, а потом на восток до Аньси (Парфии) [Chavannes, 1907, с. 175—176]. Из Арии в Индию можно было попасть двумя путями: через Дрангиану или через Бактрию (Страбон XV, 2, 8). По свидетельствам письменных источников, Бактрия являлась узловым центром на центральноазиатском отрезке Великого шелкового пути. Здесь пересекались ветви, ведущие в Китай, Индию и Иран (Страбон XV, 2, 8). Дорога в Китай подробно описана Птолемеем и в китайских источниках, между которыми исследователи усматривают расхождения и по-разному интерпретируют путь в Восточный Туркестан. На основании сообщений Птолея реконструируются в основном три направления на отрезке от Бактр до Стоянки торговцев (Ptol. VI, 1, 12; 13, 1; 13, 2): путь шел по Каратегину и Алайской долине (каратегинский вариант); через Самарканд и Фергану (северный путь в китайских источниках) и, наконец, через Памир (южный путь в китайских источниках) (подробно об этом см. [Неггманн, 1938, с. 101 и сл.; Зелинский, 1964 а, б; Йеттмар, 1986, с. 302 и сл.]).

Итоги этих многолетних споров подведены в последних работах советских исследователей Е. И. Лубо-Лесниченко [Лубо-Лесниченко, 1985, с. 92 и сл.] и И. В. Пьянкова [Пьянков, 1985, с. 132—136]. Е. И. Лубо-Лесниченко считает, что путь в Восточный Туркестан проходил через Вахан, Яркенд и Хотан. По мнению И. В. Пьянкова, в описании пути от Бактр до Стоянки торговцев Птолемей совместил данные о двух путях от Балха (=Бактр) до Иркештама: северный, через Самарканд и Фергану, и южный, через Каратегин и Алайскую долину. Основным был путь через Фергану. Памирская дорога, хотя и существовала при Птолее, в его труде не упомянута.

Реконструкция, предложенная И. В. Пьянковым, представляется достаточно убедительной. К тому же она хорошо иллюстрируется распространением египетских изделий (карта 2): они сконцентрированы в среднеазиатском Междуречье и очерчивают регион от Амударьи до Самарканда, затем до Ферганы и далее в Восточном Туркестане до Лоулани.

Другое направление связывало Бактрию с Индией. Путь шел от столицы Бактрии — Бактры, которая, согласно Страбону (XI, 8, 9) и Птоlemeю (VI, 18, 4), находилась в области паропамисадов. Здесь же в Ортоспанах упомянут город Каписа (Беграм) (Ptol. VI, 18, 4), лежащий на торговом пути, у подножия Гиндукуша, существовавший со II в. до н. э. В кушанских слоях двух смежных помещений «дворца» была обнаружена сокровищница, содержащая произведения искусства восточносредиземноморского происхождения, китайские лаки и индийскую резную слоновую кость [Haskin, 1954; Wheeler, 1955, с. 192—195]. Этот комплекс рассматривается как царский клад, составленный при вторжении Шапура I [Mac Dowall, Maddei, 1978, с. 262]. Он содержал предметы роскоши, поступавшие в качестве таможенных сборов на протяжении 100—150 лет [Rowland, 1971, с. 20—21]. Однако нельзя исключать, что эти ценные предметы привозили специально для местного правителя купцы.

Далее на юго-восток, куда поворачивала караванная дорога, в излучине Инда располагался город Таксила — резиденция местных правителей, подробно описанная Филостратом (2, 20). Парфянские и кушанские слои содержали предметы восточносредиземноморского происхождения [Marshall, 1951, I, с. 159; II, с. 605; Wheeler, 1955, с. 188—190]. Из Таксилы путь, разветвляясь, пересекал полуостров Индостан в направлении Палиботры на Ганге, Южной Индии и малабарского побережья.

Уже во II в. до н. э. контакты между Индией и Китаем осуществлялись через Бактрию, о чем сообщают индийские письменные источники [Ying-Shih Yü, 1967, с. 152—153]. Бактрийский отрезок пути описан у Птоlemeя (I, 17, 4) и в «Перипле» (64)⁵. Страбон (XI, 7, 3) и Плиний (VI, 52) засвидетельствовали торговлю с Индией по Амударье [согласно античной традиции (Ptol. VI, 9, 1), она впадала в Гирканское (=Каспийское) море]. Одна из переправ через Амударью со времени Греко-Бактрийского царства находилась неподалеку от Тахти-Сангина, где существовал храм Окса. В числе жертвоприношений здесь фигурируют объекты из резной слоновой кости, предметы эллинистического и греко-бактрийского искусства [Litvinsky, Pichikyan, 1983]. Вообще находки индийских изделий на территории древней Бактрии нередки [Ставиский, 1977, с. 170]. Индийские товары переправлялись вниз по Амударье через Бактрию к Каспийскому морю, а затем в Причерноморье⁶.

По этому торговому пути, сложившемуся задолго до первых веков нашей эры, на территорию Средней Азии из Северного Причерноморья могли поступать изделия античных ремесленников и египетские фаянсы, известные здесь в очень значительном количестве (сводки см. [Touraieff, 1911; Коростовцев, 1957; Пиотровский, 1958; Алексеева, 1975; Алексеева, 1982]). Встречаются они и в районах, прилегающих к юго-западному [Toshihiko Sono, Shinji Fukai, 1968, с. 32] и юго-восточному [Юсупов, 1986, с. 56] побережьям Каспийского моря, на территории исторической об-

ласти Маргианы [Литвинский, 1973, с. 138], вдоль течения Амударьи и ее притоков при обильном скоплении в Бактрии и Согде (карта 2). Вместе с тем среднеазиатские находки могут быть результатом караванной торговли Египта с Востоком по Великому шелковому пути, описанному выше⁷.

Широкое распространение египетских фаянсов, безусловно, было связано с функционированием караванных континентальных дорог, однако это было результатом скорее дистанционной по характеру торговли, чем проявлением непосредственных контактов с Египтом и Восточным Средиземноморьем⁸. Это может служить еще одним аргументом в пользу сложившегося у многих исследователей мнения о прерывистости Великого шелкового пути. Об этом свидетельствуют не только общие соображения относительно естественных трудностей и длительности пути, но и конкретные факты.

Парфянский барьер был реальностью, с которой приходилось считаться. Китайские источники ханьского времени сообщают, что Рим неоднократно пытался наладить контакты с Китаем и с этой целью направлял своих послов. Однако им не удавалось пройти через Парфию, которая была заинтересована в торговом посредничестве между Римом и Китаем [Бичурин, 1950, II, с. 226—227; Вельгус, 1978, с. 145, 152].

Китайцы уже в ханьское время знали о существовании Александрии египетской, что, несомненно, было связано с функционированием Великого шелкового пути. В «Истории Ранней династии Хань» встречается топоним «Лисянь», или «Лицзянь». П. Пельо отождествил его с Александрией (к чему независимо от него пришел и японский ученый К. Сиратори) и предположил, что первоначально китайцы услышали о Лисяне (Лицзяне) на территории Бактрии⁹.

Из сообщений китайских хроник ханьского времени и более поздних источников известно, что знаменитые александрийские фокусники впервые посетили Китай в 105 г. до н. э., причем в составе парфянского посольства [Вельгус, 1978, с. 142]. Китайский шелк вывозили в Римскую империю при Августе, однако не из Китая, а из Парфии, которая познакомилась с этим товаром благодаря подаркам китайских послов и вскоре начала закупать его не только для своих нужд, но и для торговли с Западом [Ying-Shin Yü, 1967, с. 165—166; Крюков и др., 1983, с. 126].

Для II и III вв. н. э. важна информация источников, свидетельствующих о расцвете Пальмиры и ее активности в торговле со странами Востока. Папирусы, эпиграфические памятники, а также изображения на рельефах информируют о направлениях торговых интересов пальмирцев, об охране караванных дорог, о проживании их за пределами Римской империи и провинции. Эти источники содержат данные о поездках пальмирцев в Вологезы, Спасину Харакс, Хатру и Сузы в Месопотамии [Rostovtzeff, 1932a, с. 107—115, 145—146; Seyrig, 1949, с. 228—230],

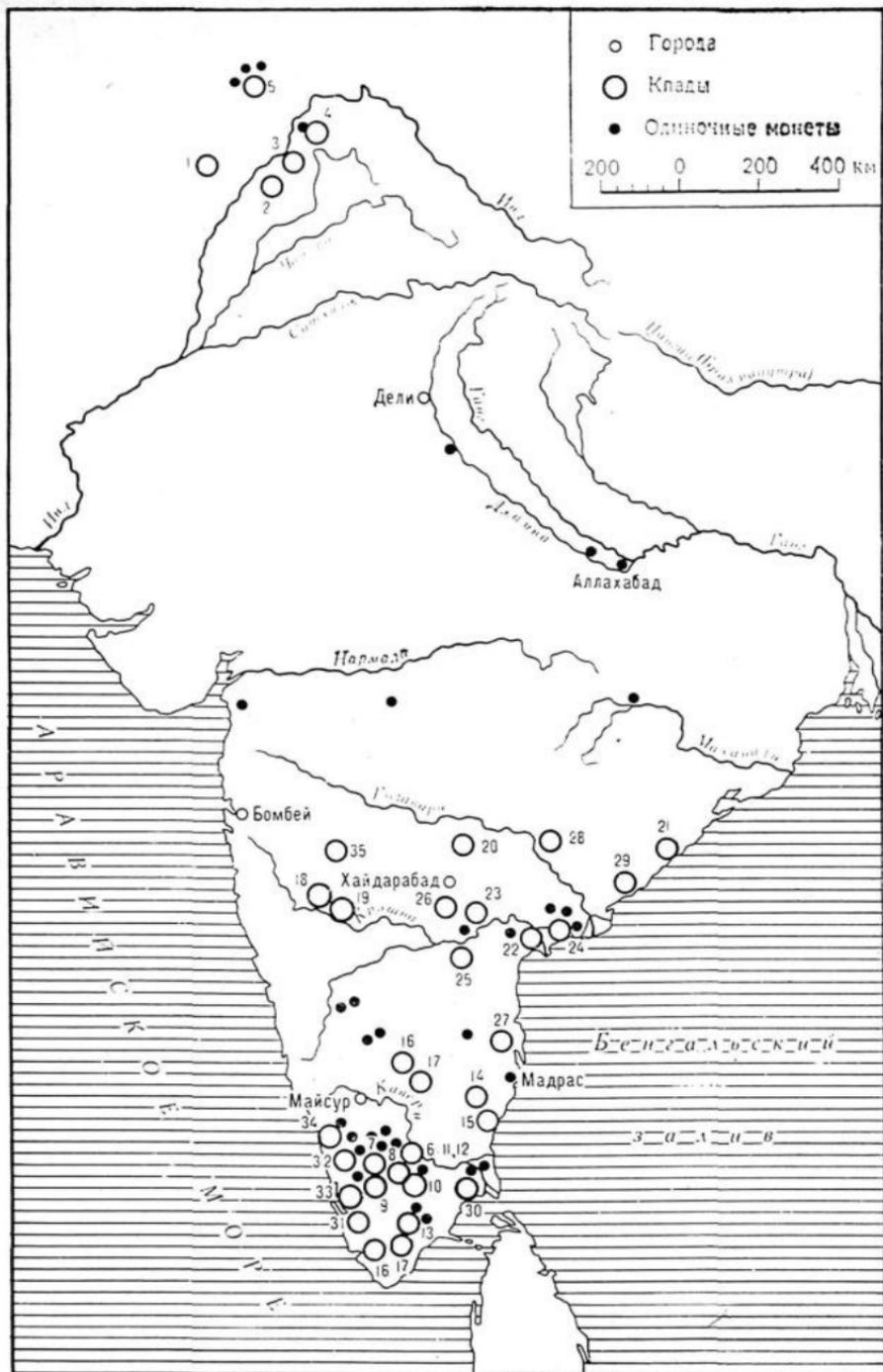
о посещении Маргианы [Masson, 1967, с. 239—247]. В парфянское и сасанидское время сирийцы-христиане основывали торговые поселения в восточных областях Ирана, Средней Азии, а позднее в Китае [ИДМ, III, с. 191]. Они организовывали резиденции в Северо-Западной Индии [Seyig, 1950, на западном побережье Индии [Пигулевская, 1951, с. 177]. Пальмирские купцы проживали в Коптосе, через который в Египет поступали товары из Индии, Южной Аравии и Восточной Африки.

В континентальной торговле активность пальмирских купцов, видимо, ограничивалась Месопотамией, которая, хотя политически и принадлежала Парфии, экономически и в культурном отношении тяготела к Восточному Средиземноморью (о находках римских монет в Месопотамии см. [Rodewald, 1976, с. 45—46]). Прямых сведений о преодолении всего Великого шелкового пути до Китая практически нет, за исключением сведений Птолемея о купце Майе Тициане и его торговых агентах. Однако происхождение этой торговой миссии дискуссионно, одни исследователи считают, что этот богатый купец жил в Сирии, другие — в Восточном Иране (о дискуссии см. [Raschke, 1978, с. 642]). Наряду с этим существует точка зрения об иранской этнической принадлежности его торговых агентов, что облегчило их продвижение через Парфию [Пьянков, 1985, с. 128]. В двух надписях 168 г. н. э. упоминается богатый италийский торговец шелком (без указания местонахождения этих надписей [Томсон, 1953, с. 440]), однако о подробностях его деятельности ничего не сообщается.

Судя по письменным источникам, китайцы по крайней мере до III в. н. э. не знали о существовании сухопутной дороги в Дацинь (Египет) (или не пользовались ею?). Согласно хронике III в. «Краткая история династии Вэй», «в прошлом говорили только о водном пути в страну Дацинь и не знали, что есть путь по суше». В III в. существовали три дороги на западе: две морем и одна по суше. Один из морских путей начинался на территории современного Северного Вьетнама, другой — севернее, в провинции Юньнань в Китае. Третий путь в Египет пролегал по Азиатскому континенту через Сирию (с изложением деталей путей, совпадающих с описаниями античных авторов) (цит. по [Вельгус, 1978, с. 148—149]). В качестве иллюстрации можно привести фрагмент «Повествования о Западном крае» (гл. 118) «Истории Поздней династии Хань», в котором речь идет о китайском посланце в Дацинь Гань Ине. Добравшись (в 97 г. н. э.) до Персидского залива (!), он узнал от местных моряков, что при попутном ветре путь займет три месяца, а при слабом ветре переезд через море может продлиться два года. Услышав это, посол отказался от рискованного путешествия. Посольство, как известно, не состоялось. Однако в данном случае важно другое: не была предпринята попытка продвинуться по суше¹⁰. Далее в главе сообщается о пути в Дацинь из Аньси через Персидский залив [Вельгус, 1978, с. 150].

В хрониках ханьского времени сообщается о приезде римлян в Китай. Так, в «Истории Поздней династии Хань» повествуется о прибытии в столицу Китая первого римского посольства, направленного Марком Аврелием [Chavannes, 1907, с. 185]¹¹. В интерпретациях исследователей этот факт рассматривался как акция ловкого римского купца, проникшего в Китай, который выдал себя за посла римского императора с целью получить китайские товары [Ying-Shih Yü, 1967, с. 159—160; Крюков и др., 1983, с. 127]. В источнике есть также сведения, что посольство прибыло в Китай через границы Жинань [Вельгус, 1978, с. 152], где проживали народы юэ, выступавшие посредниками в торговле Китая с Индией (район на севере Вьетнама), т. е. морем.

Еще раньше, в 120 г., в Китай приехали александрийские жонглеры-фокусники. Анализ текста гл. 116 «Истории Ранней династии Хань», в которой содержится это сообщение, позволил прийти к выводу, что они также прибыли морем [Вельгус, 1978, с. 106—107]. В «Истории Поздней династии Хань» речь идет о процветающей римско-индийской морской торговле [Бичурин, 1950, II, с. 228; Ying-Shih Yü, 1967, с. 154]. Эти сведения относятся к региону нижнего течения Инда (Шэньду) [Ying-Shih Yü, 1967, с. 184, 193]. Эта область, согласно тому же источнику, вела регулярную торговлю с Дацинь, и кушаны после ее подчинения стали «чрезвычайно богаты и полновластны» (цит. по [Mukherjee, 1980—1981, с. 25], см. также [Бичурин, 1950, II, с. 227]). О богатстве жителей Кушанского царства (в основном бактрийцев) повествует и Бардесан (154—222) в своем труде «Книга законов стран» [Мукерджи, 1984, с. 62—63; Пигулевская, 1979, с. 118—124]. Нельзя исключать, что одним из источников процветания государства Великих Кушан являлась международная морская торговля. К такому выводу позволяют прийти отрывки из китайской хроники, а также находки произведений искусства восточномедиземноморского происхождения на памятниках кушанского времени из Беграма и Таксилы. К этому следует добавить, что некоторые товары, упомянутые в «Перипле», обнаружены при раскопках на территориях, входивших в состав Кушанского государства (см. ниже). И еще один факт. Среднеазиатские находки римских монет, по мнению Е. В. Зеймалю, могут быть связаны с торговыми операциями на Великом шелковом пути, в частности на его «степном» участке, причем не непосредственно с Римом, а через население Восточной Европы, проживавшее на территории современной Украины, где зарегистрировано значительное количество римских монет I—III вв. н. э. [Зеймаль, 1983, с. 63—65, примеч. 43]. Однако нельзя исключать возможности распространения римских монет в Среднюю Азию через Индию, где они известны в большом количестве. Такие находки сконцентрированы в достаточно локализованной зоне среднего течения Инда (совр. Пакистан), где проходил отрезок караванного пути из Индии в Бактрию (карта 3).

Карта 3. Клады римских монет в Индии, Афганистане и Пакистане

Отсутствие римских монет к востоку от Месопотамии, в Иране, не только свидетельствует в пользу такого допущения, но и подтверждает вывод о дистанционном характере торговли на Великом шелковом пути¹². К вышесказанному следует добавить факты нахождения кушанских монет в Южной Аравии и Восточной Африке (см. гл. I, § 4), что не позволяет характеризовать государство кушан сугубо континентальным, не связанным с морской торговлей (ср., например, [Schoff, 1974, с. 29]).

Прямая торговля Кушанского царства с Египтом осуществлялась через порты Северо-Западной Индии, которые регулярно посещали египетские купцы и мореплаватели.

§ 3а. Муссонное мореплавание

Важной вехой в установлении контактов между Римской империей и странами Востока явилось регулярное торговое мореплавание в бассейне Индийского океана. Комплексное рассмотрение исторических источников, в которых отражены факты индо-египетской торговли, очерчивает довольно узкий хронологический отрезок, а именно рубеж и первые века нашей эры [Schoff, 1912, с. 146; Tarn, 1951, с. 416—418; Wheeler, 1955, с. 157; Sircar, 1960, с. 23—24; Nagain, 1962, с. 2—6]. Очевидная экономическая выгода морской торговли обусловила ее приоритет над караванным товарообменом. Переноса указанные датировки в плоскость политической истории, можно в конечном счете получить объективное обоснование роли морского пути в восточной египетской торговле. Политическая нестабильность на Азиатском континенте, с одной стороны, и назревшая необходимость в далеко уходящей на Восток торговле со стороны Рима — с другой, стимулировали на поиски приемлемых торговых магистралей. Это привело к освоению морского пути от египетских портов на Красном море до побережья Индостана. Индийские товары попадали в Египет задолго до рубежа нашей эры, однако индо-египетский товарный обмен носил нестабильный характер, причем неясно, в какой степени — морем, а в какой — сушей [Tarn, 1951, с. 366—368]. Регулярный характер эта торговля приобрела позже, в период ранней Римской империи.

Морская торговля между римским Египтом и Индией основывалась на открытии маршрута в северной части бассейна Индийского океана. Термин «муссон» происходит от арабского слова, означающего «сезон», «время года», что очень точно определяет систему ветров в этой части океана в течение года. Устойчивый юго-западный муссон, дующий в весенне-летний период, сменяется северо-восточным, господствующим осенью и зимой. Муссоны являются специфической особенностью Индийского океана в широтах к северу от о-ва Занзибар и обусловлены близостью и окружением сушей. Это приводит к годовым колебаниям атмосферного давления, которое увеличивается в холодное время

года от берега в глубь материка, а в теплое — в обратном направлении, что в конечном счете зависит от местонахождения солнца в тот или иной сезон [Майдель, 1900, с. 2—4, 7]. С июня по октябрь в северной части океана дует юго-западный муссон, достигающий максимальной силы в 5—6 баллов в июле—августе. В ноябре дует северо-восточный муссон, господствующий до марта. Преобладающей силы в 3—4 балла он достигает в декабре—январе. Переход от зимнего муссона происходит в апреле—мае с севера на юг и носит постепенный характер, в то время как летний муссон наступает повсеместно и резко, отличается большим постоянством и силой. Переходные периоды характеризуются штилями и слабыми переменными ветрами, являясь наименее благоприятным временем для плавания парусных судов. В период сезонных бумов муссоны достигают своего максимума в Аравийском море и Бенгальском заливе; летний в отличие от зимнего несет пасмурную, дождливую погоду со штормами, наиболее активными в Аравийском море. При этом западное побережье Индостана постоянно закрыто туманом, что затрудняло обсервации [Лоция, 1865, с. 98]. В непосредственной связи с господствующим направлением ветра находятся морские течения, скорость которых зависит от силы воздушных потоков, таким образом, и течения поверхностных вод носят муссонный характер. Температурный режим воздуха над северной частью Индийского океана не имеет резких изменений в зависимости от сезона. В летний период температура достигает плюс 27—28° [БСЭ, т. 17, с. 386].

Режим ветров в Красном море также носит сезонный характер, но обладает важными особенностями. Ветры имеют юго-восточное и северо-западное направления. С октября по июнь южный муссон охватывает две трети длины моря со стороны Баб-эль-Мандебского пролива; на остальном пространстве он действует лишь с января по май. Обратная картина наблюдается при действии северо-западного муссона, который дует восемь месяцев в северной части моря и лишь четыре — с июля по октябрь — в южной. Период господства северо-западного ветра сопровождается ясной погодой; юго-восточный муссон приносит туман и облачную погоду [Лоция, 1865, с. 4]. Течения в Красном море соответствуют направлению ветра. Большая скорость этих течений, а также сложные береговые условия (мели, рифы, особенно вдоль аравийского побережья) диктовали необходимость придерживаться фарватера и предпочитать дневные плавания для парусных судов [Лоция, 1865, с. 110], несмотря на высокие температуры воздуха. Режим ветров и течений должны были учитывать древние мореплаватели, отправляясь в далекое путешествие.

Традиционно начало использования муссонов связывается с именем греческого кормчего Гиппала¹³, упомянутого в «Естественной истории» Плиния и в «Перипле Эритрейского моря». Плиний выделил четыре стадии в развитии морских контактов

с Индией (Plin. VI, 96—106). Первая из них охватывает период каботажного плавания флота Александра Македонского от устьев Инда до устья Евфрата. Вторая приходится на время, когда наиболее надежным считался путь от мыса Сиагр в Южной Аравии до Паталы, преодолевавшийся с помощью ветра, «который там называют Гиппал». Третья стадия связана с прямыми плаваниями в индийский порт Сигерис и, наконец, четвертая — когда «наиболее выгодным» было выйти из Окелиса, а затем с помощью ветра Гиппала за 40 дней достичь Музириса (карта 1).

Вот что сказано о Гиппале в «Перипле»: «Все это вышеназванное плавание от Каны и Счастливой Аравии прежние (купцы) совершали более короткими переездами, от залива к заливу. Кормчий Гиппал, приняв в соображение расположение торговых пунктов и форму моря, первый открыл плавание прямо через море. С этого времени, по-видимому, и местный юго-западный ветер, дующий в Индийском океане с Океана в то самое время, как у нас дуют ежегодные (пассаты), по его имени стал называться Гиппалом. С этого времени и доныне некоторые — отправляясь прямо из Каны, другие — от страны Ароматов, плывут: одни, лавируя довольно долгое время, другие же в Баригази и Скифию, держась берега не больше трех дней, на остальное же время пользуясь для своего плавания попутным ветром; таким образом, они плывут открытым морем, в стороне от вышеназванных заливов» (Перипл 57).

Таким образом, ни Плиний, ни автор «Перипла» не дают достаточно точного указания на время деятельности этой полупрозрачной личности. М. Уилер даже отметил противоречивость в их сообщениях. Если в «Перипле» Гиппал вполне определенно называется первооткрывателем муссонов, то Плиний упоминает его деятельность только во второй из своих четырех стадий плавания с помощью муссонных ветров [Wheeler, 1955, с. 154]. Однако ситуация не покажется противоречивой, если учесть, что первая стадия Плиния охватывает период каботажного плавания (ср. Арриан 21, 1). Напротив, обнаруживается некоторое сходство в схемах развития навигационного искусства, отраженных в обоих источниках. Так, сообщение «Перипла» о том, что «плавание от Каны и Счастливой Аравии прежние (купцы) совершали более короткими переездами, от залива к заливу», т. е. каботажем, тождественно первой стадии Плиния, а упоминание в «Перипле» об открытии Гиппала соответствует второй, где речь идет об использовании ветра Гиппала.

Мнения исследователей по поводу начала использования муссонов античными моряками разделились. Одни предложили дату в пределах от 40 до 47 г. н. э. [Rawlinson, 1916, с. 109; Schoff, 1974, с. 8; Warmington, 1974, с. 41, 45], согласно другим, оно относится ко времени правления последних Птолемеев [Хвостов, 1907, с. 346; Otto, 1913, с. 1160—1161; Rostowtzev, 1926, с. 93; Tarn, 1951, с. 368—369; Wheeler, 1955, с. 156]. Эта точка зрения аргументировалась анализом греческих надписей времени Пто-

лемея Авлета (80—58 гг. до н. э.), в которых впервые упоминается должность «стратег Красного моря и Индийского океана». Сторонники более поздней даты оперировали сообщением Плиния о некоем Аннии Плокамусе, жившем во времена императора Клавдия (41—54), который при совершении плавания был отнесен северными ветрами от берегов Аравии до Шри-Ланки в двухнедельный срок (Plin. VI, 24). Следовательно, римским мореплавателям того времени ничего не было известно о муссонах: они оставались секретом южноаравийских моряков. Этот вывод опроверг М. Уилер, ссылаясь на находку двуязычной надписи (на греческом и латыни) из Восточной пустыни в Египте, обнаруженной в местности, примыкающей к караванной дороге между Коптосом и Береникой. Как явствует из текста, он был составлен от лица раба Публия Анния Плокамуса в 35-й год правления императора, которым, по мнению М. Уилера, может быть только Август (27 г. до н. э.—14 г. н. э.), значит, надпись относится к 6 г. н. э. Далее автор предположил, что и в надписи, и в пассаже Плиния речь идет об одном и том же персонаже, которого Плиний ошибочно относит ко времени Клавдия, а значит, открытие Гиппала произошло ранее правления этого императора. Регулярная торговля с Южной Индией начиная со времени Августа не являлась непосредственным результатом деятельности Гиппала, а была опосредована многолетней практикой античных мореплавателей, основанной на его открытии [Wheeler, 1955, с. 155—157]. Этот вывод согласуется с сообщениями античных авторов I в. н. э., которые упоминают плавания в Индию далеко не как событие века.

Во второй половине I в. н. э. существовало несколько маршрутов в открытом море, освоенных античными мореплавателями. Одни начинались в южноаравийских портах Счастливой Аравии или в Кане, другие — с мыса Ароматов (совр. мыс Гвардафуй) в Восточной Африке. Конечным пунктом являлись индийские порты, расположенные вдоль побережья Индостана. На этом пути мореплаватели терпели и неудачи. Одним из них был некто Диоген — «один из тех, кто совершает плавания в Индию». На обратном пути, «вторично проходя мимо Аромат», он был отнесен северным ветром значительно южнее нужного направления [Античная география, 1953, с. 294]. Вероятно, этот мореплаватель держал курс на Лимирику, находящуюся примерно на одной параллели с мысом Гвардафуй. Избрание этого пункта в качестве «стартового» едва ли было случайно. В руководстве по навигации в Индийском океане, написанном в XIX в. применительно к парусным судам, указывается, что при попутном ветре кораблю необходимо выйти на ту параллель, на которой расположен нужный порт Индии [Лоция, 1865, с. 98]. Вероятно, эта необходимость была подмечена и учитывалась уже античными моряками, и в этом ключе следует интерпретировать фразу из «Перипла» относительно деятельности Гиппа-

ла, который первым открыл плавание прямо через море, «приняв в соображение расположение торговых пунктов и форму моря» (разрядка моя.— Т. Ш.).

§ 36. Египетское мореплавание

Египетское мореплавание имело многовековую традицию, однако новшества в навигации, связанные с плаванием в открытом море, потребовали целого ряда усовершенствований в судостроении после открытия муссонов. Согласно многим античным авторам, прогресс в кораблестроении произошел при Птолемах. Это сказалось в первую очередь на значительном укрупнении размеров кораблей, вызванном необходимостью перевозить большие грузы. Открытое в боспорском Нимфее фресковое изображение, датируемое второй четвертью III в. до н. э., позволяет детализировать представления об устройстве и внешнем виде кораблей раннеэллинистического времени. В числе более трех десятков изображенных здесь парусных кораблей представлена триера «Исида» (рис. 1). Детали убранства, а также округлая форма киля указывают на египетское происхождение этого корабля. Судно это с тараном на носу и двумя рулевыми веслами по обеим сторонам кормы. Корабль двухпалубный. На верхней палубе в кормовой части изображен храмик, на месте мачты и паруса имеется символическое изображение птицы с трезубцем, которым она пронзает щиты. В носовой части также расположено какое-то легкое сооружение. На форштевне помещена голова мужского персонажа с бородой. На уровне нижней палубы в раме изображен Диоскур с протомой коня. Реконструкция размеров корабля (по количеству весел и пропорциям его элементов) дает основание допускать, что его длина достигала не менее 60 м и значительно превышает известные до сих пор размеры эллинистических триер. Исследовательница изображений из Нимфея Н. Л. Грач определяет это судно не только как военное, но и как торгово-дипломатическое, учитывая его значительные размеры [Грач, 1984, с. 81—88, рис. 1а].

Неизвестно, на каких кораблях совершали свое плавание из Египта автор «Перипла» и другие египетские купцы того времени: римских, греческих или египетских? По мнению Л. Кессона, известного специалиста в области истории кораблестроения, собственно египетских конструкций судов уже не существовало, они слились со средиземноморскими типами по крайней мере с конца II тысячелетия до н. э. [Casson, 1971, с. 22].

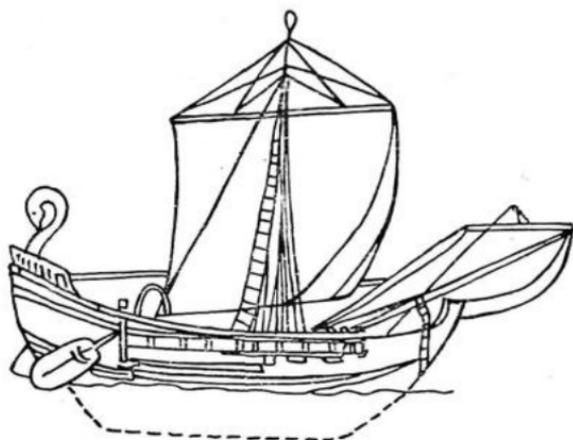
Упоминания египетских торговых кораблей, на которых плавали в Индию, имеется у Филострата: «По бокам его (корабля) они приделали скобы, коими обычно скрепляют судно, но борты и мечту подняли выше, а внутри понастроили множество рубок, какие бывают на палубах. Многочисленные кормчие, руководимые старейшим и мудрейшим, правят этим судном, а на носу его стоят доблестные начальники и искусные моряки: есть там

и паруса, и гребцы, есть и военная охрана от дикарей, обитающих на правом по входе берегу залива, ибо следует защититься в случае, ежели дикари эти нападут на мимо идущий корабль» (Филострат 3, 35).

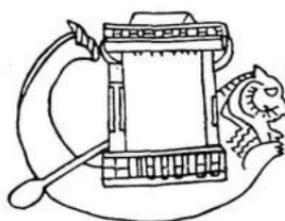
Недостаток изобразительного материала об устройстве египетского торгового судна первых веков нашей эры заставляет обратиться к многочисленным образцам средиземноморских торговых судов, которые, как и греческие, в конечном счете восходили к древнеегипетским, безусловно со значительными модернизациями (рис. I, 1).

На реверсе бронзового медальона Коммода передана сцена, происходящая в порту, где разгружаются торговые корабли [Rostowtzev, 1926, табл. XLVI, 3]. Они очень массивны, с высоко поднятыми кормой и носом, парус квадратный с треугольным марселем, сбоку от носовой части помещено больших размеров весло. Детально показаны веревки и реи, которыми удерживался парус. На корме одного корабля изображен Сарапис — покровитель мореплавателей. Целая серия торговых кораблей представлена на реверсах монет Нерона и Адриана. На мраморном путевом столбе из Рима, датируемом концом III — началом IV в. н. э., имеется изображение торгового судна. В районе Фьюмичино, где находился древний порт Клавдия, в результате раскопок был найден 22-метровый киль корабля [Cimino, Scialpi, 1974, с. 14—15]. В Остии сохранились мозаичные изображения торговых кораблей различных стран, посещавших этот порт. Рельеф из Остии 200 г. н. э. позволяет реконструировать торговое судно того времени [Haws, 1975, с. 33]. Эти примеры указывают на определенную близость морским кораблям, известным по рельефам в храме Хатшепсут в Дер эль-Бахри, которые принимали участие в экспедиции в страну Пунт. Спустя десять столетий после этого события Геродот так описал устройство египетских кораблей: «Грузовые суда египтяне строят из аканфа... Из этого аканфа изготовляют брусья локтя в два и складывают их вместе наподобие кирпичей. Эти двухлоктевые брусья скрепляют затем длинными и крепкими деревянными гвоздями. Когда таким образом построят (остов) корабля, то поверх кладут поперечные балки. Ребер вовсе не делают, а пазы законопачивают папирусом. На судне делается только один руль, который проходит насквозь через киль; мачту делают также из аканфа, а паруса из упомянутого выше папируса» (Геродот II, 96). Хотя историк дает описание речных судов, морские строились по тому же принципу. На это указывает и Плиний, который, однако, в качестве строительного материала для возведения корпуса корабля называет папирус¹⁴, а как недавнее усовершенствование рассматривает увеличение носовой и кормовой акростолей во избежание разворотов в узких каналах. Тоннаж таких кораблей, по Плинию, соответствовал 3000 амфор (Plin. VI, 24).

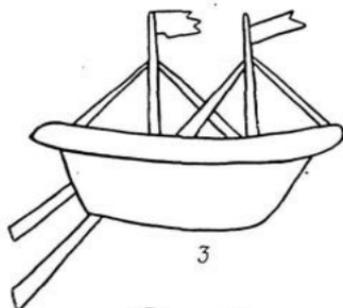
По сообщениям Тацита, существовали короткие, но широкие

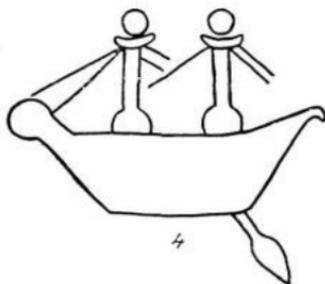
1

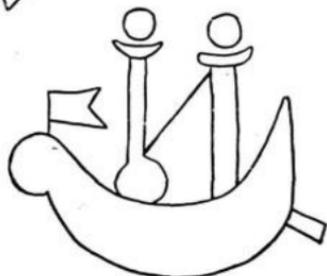
2

3

4

5

6

Рис. 1. Торговые корабли: 1) римский купеческий корабль II в. н. э. (по К. Гибсону); 2) индийский корабль из Санчи I в. до н. э. (по Р. А. Муркерджи); 3—6) изображения кораблей на монетах из Андхры II в. н. э. (по В. Шоффу)

в середине, с тупым носом и кормой корабля, «чтобы лучше переносить волнения на море», а также плоскодонные, «чтобы могли без повреждения садиться на мели» (Тацит II, 6).

Египетские торговые корабли были палубными, на что указывают изображения гребцов и сооружений в виде кабин почти на уровне бортов. Мачта устанавливалась в середине палубы, чуть ближе к носовой части, и крепилась к килю. Под нее часто на счастье клали монету [Casson, 1971, с. 232]. Иногда к ней примыкала другая, более короткая. Значительно устойчивее была мачта, состоящая из двух стволов, верхушки которых соединялись, а основания упирались в борта корабля [Digby, 1957, с. 733]. Жесткость сооружения достигалась применением брусков, соединяющих стволы, причем нижние были значительно длиннее верхних, что сокращало расстояние между стволами, которые, в свою очередь, были привязаны веревками к носу и корме [Digby, 1957, с. 733, рис. 533]. Корпус корабля по периметру опоясывался канатом, который также натягивался между носом и кормой, для чего вдоль всего корпуса и на самой палубе устанавливались вертикальные стойки, служившие ему опорой [Эллинистическая техника, 1948, с. 324].

Важнейшей деталью оснастки корабля был парус, укрепляемый веревками (каждая специального назначения) и двумя реями, более высокими, чем парус, но приблизительно равными длине судна (что было обусловлено необходимостью передвижения паруса во время плавания). На египетских кораблях устанавливался квадратный парус, изготовленный из папируса или холста. Нижний его край иногда оформлялся в виде подтреугольных или дуговидных вырезов для удобства обсервации происходящего в носовой части, что, однако, снижало скорость судна. Известны изображения римских торговых трехмачтовых кораблей [Casson, 1959, с. 146]. Дополнительные паруса устанавливались на корме (бизань) [Боголюбов, 1879, с. 57—58, фиг. VII] и на носу [Casson, 1971, с. 239, рис. 144, 146, 151, 154, 156]. Плиний сообщает о парусах в передней и задней частях корабля как о рискованных новшествах (Plin. XIX, 5). Было известно два типа треугольных парусов, один из которых, марсель, был заимствован у южноаравийских мореплавателей [Gibson, 1958, с. 29, табл. 6]. На вершине мачты устанавливался флюгер для определения ветра.

Рулем корабля служили весла с широкими лопастями, иногда составленные из нескольких стволов. Они выводились по бокам кормовой части. Первоначально весла закреплялись на внешней стороне судна, позднее же, в первые века нашей эры, для них стали делать специальные отверстия. Иногда руль помещался в передней части корабля, в ряде случаев — на корме и носу, так что число их варьировалось от одного до четырех. Весла применялись для разворота судна. В целях увеличения скорости и большей маневренности корабля стремились к максимальному натяжению паруса. Для этого, как видно по некоторым

изображениям, члены экипажа помещались на нижнюю рею. Позднее кормовой руль стали присоединять к рею натяжками [Landström, 1969, с. 13]. По предположению Б. Ландстрема, для увеличения скорости торговые корабли оснащались таранями, которые, кроме того, устанавливались на случай столкновения с пиратами [Landström, 1969, с. 27]. Согласно вычислениям, основанным на данных античных авторов, скорость торговых судов, курсировавших в Индийском океане, не превышала 17 миль в день (см. [Хвостов, 1907, с. 406]).

На борту корабля могло находиться несколько якорей, как в носовой, так и в кормовой части. Очень популярные изображения глаз на корпусе имели отверстия, через которые пропущен канат с подвешенным якорем [Тогг, 1964, с. 90]. Для окрашивания корпуса корабля применялись различные минеральные красители. Особенно популярным было сочетание красного с голубым, при этом подводная часть оставалась черной [Casson, 1971, с. 211—212]. Паруса также окрашивались в различные цвета и имели символические изображения.

Отвечал за корабль капитан. Лоцман (кормчий) следил за ходом судна. В его обязанности также входила установка и перемена парусов, наблюдения за погодными условиями по полету птиц, морскому прибору, изменению цвета морской воды, указывающим на приближение суши и т. д. У него был помощник, обладавший знаниями всех особенностей береговой линии.

Важным путеводителем являлась картина звездного неба. Как сообщает Птолемей (I, VII), «для тех, кто совершает плавание в Лиммирикийскую область Индии, созвездие Тельца находится посреди неба, а Плеяды над серединою райны» (цит. по [Античная география, 1953, с. 294]). Для определения глубины моря использовался лот или шест.

На борту корабля помимо команды и купцов находилась специальная военная охрана (Plin. VI, 101; ср. Филострат 3, 35).

§ 3в. Индийское мореплавание

Сведения об индийском судоходстве содержатся в целом ряде индийских источников. Некоторые данные включены в эпос (Махабхарата, Рамаяна, пураны), Архашастру, различные произведения классической индийской литературы (например, в фольклорную: Панчатантру, «Рагхувамшу» Калидасы, «Ратнавали» Харши, «Дашакумарачарита» Дандина и др.), в палийские индо-буддийские сочинения (Милинда-панха, Махавамса, питаки, джатаки). Джайнские труды содержат описание морских происшествий, в них упоминаются термины, связанные с морским делом [Ramachandran, 1970, с. 77].

В источниках говорится о том, что мореходами были выходцы из северных и особенно восточных районов Индии. Они совершали плавания по морю в далекие страны с торговыми целями

[Singh, 1961, с. 101]. В пракритской надписи, найденной в буддийском пещерном храме в Насике около Бомбея и датированной I в. до н. э., сообщается о пожертвовании, сделанном яваном (йонакой) Индрагнитатой. В том же регионе, в Джуннаре и Карле, в аналогичных храмах было обнаружено еще восемь надписей. Одна из них написана от лица пяти жертвователей, пришедших из порта Дхенукака¹⁵, носящих индийские имена, но называющих себя яванами. Термин «явана», по мнению М. Уилера, опирающегося на данные текстов, обозначает в данном случае выходцев из индо-греческих городов, которые принимали активное участие в торговле с Западом. В тамильской традиции этот термин определяет купцов с Запада, мастеров различных ремесел, проживающих в Индии или находящихся на службе у местных правителей [Tagh, 1951, с. 417—419; Narain, 1962, с. 165—169; Wheeler, 1955, с. 159—160].

В древних тамильских текстах содержатся сведения, восходящие, по заключению специалистов, к событиям I—III вв. н. э. Вот некоторые из них: «Когда доблестные корабли, лучшие сооружения яванов, взволновали море Periyar, реку Cheras (=Keralas), когда они прибыли с золотом и убыли с перцем...» [Meile, 1940, с. 90]. В Пихаре (Каверипаттанам, возможно, Камара «Перипла» на восточном побережье) «повсюду... жилища яванов... богатства которых бесчисленны» [Meile, 1940, с. 113; Wheeler, 1955, с. 25].

В недавно опубликованной статье индийского исследователя Х. П. Рау был сделан вывод, что в первые века нашей эры термин «явана» обозначал три различные категории иноземцев: греков, индо-греков и жителей римского востока. В то время как представители первых двух категорий проживали в северо-западных и западных районах Индии, последние поселялись на полуострове. Все так или иначе были причастны к торговле. Однако если выходцы с римского востока участвовали в местной, индийской торговле, то яваны — жители западных областей Индии (они же жертвователи буддийским пещерным храмам) были связаны с внешней торговлей (см. гл. II, § 4) [Ray, 1988].

Уже в «Аштадхьяйи» Панини (исследователи датируют источник в пределах от VII до IV в. до н. э.) упоминаются некоторые термины, связанные с мореплаванием: samudra (океан), разновидности островов (anusamudra) — прибрежные и океанические. Товары, привезенные с прибрежных островов, назывались dvaira или dvaирака, а с океанических — dvaйрау. Грузовое судно определялось термином nāvua. Купцов называли в зависимости от количества судов, которыми они владели, например, dvīnāvadhana (владелец двух кораблей) или raīṣanavargīya (имеющий пять кораблей) [Singh, 1961, с. 178].

В Милинда-панхе (I в. до н. э.—II в. н. э.) основательно рассматриваются различные функции, связанные с оснасткой корабля [Chakraborti, 1966, с. 36]. Санскритский памятник Юктикальпатару подробно останавливается на вопросах корабле-

строения, давая классификацию судов в соответствии с их размерами. Существовало два основных класса судов: речные (*sātpānu*) и морские (*visesa*). Последние дифференцировались по размерам, рассчитанные на перевозки от 300 до 800 пассажиров. В зависимости от размера, веса и других параметров классы делились на подклассы. Например, морские корабли были двух подклассов — *dirghā* и *uppatā*, каждый из которых, в свою очередь, имел несколько вариантов (первый — десять, второй — пять). Тот же источник дает рекомендации относительно декора и украшения кораблей. Предлагается использовать золото, серебро, медь, а также сочетание этих металлов. Существовало четкое соотношение цвета окраски судна и количества мачт. Так, четырехмачтовый корабль рекомендуется окрашивать в белый цвет, трехмачтовый — в красный, двухмачтовый — в желтый, одномачтовый — в голубой. Нос корабля лучше всего завершить изображением головы льва, быка, змеи, слона, тигра, птицы, лягушки или человека [Mookerji, 1912, с. 22—25]. Нередко нос увенчивался головой дракона, при этом весь корабль по форме уподоблялся фантастическому существу.

Внешний вид и устройство индийских торговых кораблей запечатлены на рельефах, в скульптуре, живописи и на некоторых монетах. Известны изображения кораблей на гандхарских рельефах [Ingholt, 1957, с. 51, табл. 11]. По предположению Р. А. Мукерджи, наиболее раннее изображение морского плавания в скульптуре происходит из региона царства Андхра и датируется II в. н. э. На одной из них передана сцена кораблекрушения на море. Два персонажа обращаются с призывом о помощи к божеству Падмапани, который посылает им своих вестников [Mookerji, 1912, с. 35]. Изображение торгового судна имеется на пиллястре ступы II в Санчи [Schlingloff, 1976, с. 17—18, рис. 2]. Корпус корабля имеет форму грифона с рыбьим телом и круто изогнутым рыбьим хвостом. На палубе установлено сооружение в виде колонного павильона, на корме — одно весло (рис. 1, 2).

На «туалетном диске» из Бхархута изображены два корабля, один из которых находится в пасти морского чудовища [Nāgīhaṅga, 1966, с. 41]. Детально изображены трехмачтового корабля на фреске из Аджанты VI в. н. э. Он выглядит очень массивным. Палуба имеет резкий изгиб, наиболее низкая часть которого приходится на ее центр, чтобы удобнее было вычерпывать воду. На бортах показаны торцы бревен, на которые укладывалась палуба. К корме приложены два весла. Рядом с кормой — сооружение, возможно для капитана. Передняя и задняя акростоли увенчаны головами драконов. Нос и корма украшены парами глаз. На внешней поверхности борта с привязанными лодками изображены монстры в виде двухголовых рыб [Auboyer, 1961, с. 75]. Фреска сопровождается надписью (500 г. н. э.) о морском путешествии богатого купца из Сурпараки (Суппары), который совершил шесть удачных плаваний [Chhabra, 1961, с. 28]. Другое изображение индийского судна

имеется на широко известной ступе в Борободуре в Индонезии. На рельефе изображен двухмачтовый корабль с поднятыми парусами и задним веслом¹⁶. Такие же изображения известны на реверсах монет южноиндийских правителей II—III вв. н. э., происходящих из нескольких пунктов на Коромандельском берегу, из Андрхы (рис. I, 3—6), Курумбара и Паллавы. Море символизировано на них рыбой, раковиной и змеей. Знак на реверсе передает четыре моря (chaturudadhi), которые окружают землю [Moogerji, 1912, с. 50—51; Chhabra, 1961, с. 28].

Древнеиндийские корабли имели скелетную конструкцию и строились из различных пород дерева, которые произрастали в Индии (манго, кедр, эбонит, пиния, черное дерево и др.). Плавающая часть судна, т. е. сам корпус, состояла из деревянных планок, которые соединялись металлическими скобками или проволокой, продеваемой в специальные отверстия, а также предварительно просмоленными джутовыми канатами. Чаще всего в местах крепления на деревянных планках делались специальные надрезы в виде двух составленных вершинами треугольников. Закрепив планки металлическими скобками или проволокой, прикрывали их вырезанными «заклепками», что предохраняло металлические части от преждевременной порчи и коррозии [Narihara, 1966, с. 27—29]. Затем пазы между планками смолили.

По словам Д. Шлинглоффа, «фундаментальные достижения средиземноморских народов в области судостроения... были известны и в Индии. Но несмотря на всю схожесть, древние индийские торговые корабли отличались от римских в одном отношении, именно в количестве мачт. В то время как во всей Европе корабли вплоть до позднего средневековья имели один главный парус (в лучшем случае два — на корме или на носу), в Индии было известно два, а позднее три паруса. Конечно, индийские мореходы имели дело не с внутренним морем, таким, как Средиземное, а с Индийским океаном. В результате они развили сложную систему парусов, которая была достигнута и превзойдена (в Европе) в XV в.» [Schlingloff, 1976, с. 28]. Трехмачтовые корабли упоминаются в джатаках. Паруса называются *sita* (пали), *siya* (праkrit) от санскритского *sitapaṭa* (праkritск. *siyavaṭa*) — «белое одеяние» [Schlingloff, 1976, с. 27]. К числу важнейших изобретений в индийском мореходстве относится использование косо́го паруса, который в римском судостроении считается редкостью. Он давал возможность плыть при боковом ветре, что, безусловно, явилось шагом вперед [Schlingloff, 1976, с. 23]. Рулевое управление осуществлялось парой больших весел, закрепленных у кормы, которая, подобно носовой части, делалась достаточно высокой. В буддийской литературе встречается термин *lapkhāgo*, обозначающий якорь, которым служил привязанный на канате камень [Narihara, 1966, с. 32]. Подобно египетским, финикийским, греческим и римским, индийские торговые корабли были палубными. Палуба покоилась на бимсах, уложенных поперек корпуса корабля.

Согласно источникам, навигации (piyāmakasippa) специально обучались, давались инструкции, связанные с различными ориентирами, как избежать кораблекрушения, указывались торговые пути и т. д. Моряки (piyāmakas) объединялись в сообщества, во главе которых стояли главы собрания моряков (piyāmakajēṭṭhaka) [Singh, 1961, с. 179]. В памятниках содержатся сведения о специально обученных птицах (disākāka), находившихся на борту корабля для определения расстояния до суши. Об этом же сообщал и Плиний (VI, 83), который вместе с тем отмечал, что моряки из Южной Индии не руководствовались расположением созвездий при навигации. В самом деле, астральные наблюдения у индийских мореходов упоминаются только в джатаках [Singh, 1961, с. 177].

В источниках говорится также о том, что мореплавателями могли быть люди из касты вайшья, но это не рекомендовалось брахманам [Singh, 1961, с. 177—178].

Важные сведения о судоходстве содержит Артхашастра¹⁷, которая, по-видимому, была окончательно оформлена в III—IV вв. н. э., причем в нее были включены разновременные материалы, начиная с эпохи Маурьев. Согласно этому тексту, судоходство находилось в ведении государственных чиновников, имелся свод правил, регулирующих его. Практически эти функции были возложены на надзирателя за судоходством (pāvādhyakṣa) и надзирателя (начальника) порта (paṭṭanādhyakṣa). Вся команда, включая капитана (sāsaka), нанималась. Известны названия должностей некоторых членов экипажа: рулевой (piyātaka), управляющий канатами (datragaśmigrahaka), следящие за своевременным вычерпыванием воды и парусами (Артхашастра II, 45, 28).

Имеются сведения о службе, обеспечивающей движение судов. Как в морских гаванях, так и на судоходных реках существовала система сигналов, регулирующих продвижение кораблей. За ней наблюдала специальная служба (pāvādhyakṣa), в ведении которой находились как большие морские корабли, так и речные средства переправы с одного берега на другой. Эта же служба боролась с пиратством, благоустраивала гавани, регулировала рыбную торговлю, оказывала помощь терпящим бедствие судам и членам их экипажей [Auboyer, 1961, с. 80].

§ 4. Порты, гавани, рынки

Торговое мореплавание Египта в Красном море и Индийском океане сложилось в птолемеевское время. При Птолемее II Филадельфе были возобновлены работы по строительству канала между Нилом и Красным морем через Горькие озера, функционировали порты: Филотера, Миос-Гормос, Левке Лимен, Птолемида Охотничья, обе Арсинои, Береника.

В восточной торговле римского времени главную роль игра-

ли Миос-Гормос (в районе совр. Кусейра) и Береника (под мысом Банас), расположенные ближе к южной границе Египта. Это было обусловлено географическими факторами, связанными с трудностями плавания в Красном море, особенно в северной его части, где господствуют устойчивые северные ветры [Хвостов, 1907, с. 179—188]. Еще Страбон указывал на неудобства плавания в Красном море, особенно «для тех, кто плывет из впадины его» (Страбон XVII, 1, 45). Это сыграло и определенную роль в предпочтении более южных районов, даже в ущерб бесперегрузочной доставке товаров в Александрию.

Оба порта соединялись караванной дорогой с важнейшим рынком на Ниле — Коптосом, откуда за 12 дней товары спускались на речных грузовых судах до Александрии. Столько же времени требовалось на преодоление пути от Береники до Коптоса (Копта) и вдвое меньше — от Миос-Гормоса (Миос-Хормоса) [Warmington, 1974, с. 50]¹⁸.

Вопрос о роли и приоритете одного из этих портов вызвал длительную дискуссию среди исследователей. Одни вслед за Страбонем отдают пальму первенства Миос-Гормосу, другие, опираясь на сообщения Плиния, считают главным портом Беренику. Вопрос в самом деле чрезвычайно слабо освещен источниками. Однако известен коптоский остракон, согласно которому оба порта использовались равноценно в течение шести декад I в. н. э. [Bagnal, 1976, с. 35]. Это согласуется с тем, что Страбон наряду с Миос-Гормосом — портом «с якорной стоянкой», пользовавшимся «доброй славой», упоминает и Беренику, в которой хотя и не было гавани, но именно сюда доставлялись прибывавшие морем эфиопские, индийские и арабские товары (Страбон XVII, 1, 45). Во времена Плиния морская торговля с Индией проходила через Беренику, о чем свидетельствуют эпиграфические памятники из пунктов, прилегающих к древней дороге между Коптосом и Береникой [Хвостов, 1907, с. 356—357]. Римская администрация предпринимала действенные шаги к тому, чтобы обезопасить эту более отдаленную дорогу от кочевников пустыни [Хвостов, 1907, с. 335] и разбойников, о которых упомянуто и в литературных античных произведениях. Местонахождение Береники в более южных широтах сокращало плавание в Красном море. По мнению Е. Вармингтона, предпочтение Береники было также связано с локализацией в этом регионе разработок изумруда [Warmington, 1974, с. 7]. Вместе с тем и Миос-Гормос не утратил своего значения в международной торговле. Отчасти он обслуживал торговлю с Индией. Кроме того, этот порт участвовал в морской торговле с Nabatejskim царством через небольшую гавань на противоположном, восточном, побережье Красного моря — Левке Коме, которая соединялась караванной дорогой с Петрой, а последняя — с ответвлением Великого шелкового пути (см. гл. I, § 2).

Согласно «Периплу», наиболее благоприятное время для отплытия из египетских портов соответствовало началу июля, т. е.

периоду наибольшей активности юго-западного муссона¹⁹. Путь от Береники до Окелиса и Каны занимал 30 дней (Plin. VI, 104). Следует согласиться с М. М. Хвостовым, что этот срок включал в себя и остановки в попутных красноморских гаванях со стороны Аравии [Хвостов, 1907, с. 381]. Первой из них у входа в Баб-эль-Мандебский пролив была Моха — официально установленный рынок. В описываемое «Периплом» время она входила в регион, подвластный одному из южноаравийских правителей — Харибаелу. Рим смог утвердить здесь свои торговые права благодаря одариванию местного владыки (Перипл 24). Тот же царь контролировал портовый сбор в Окелисе, который, согласно информации Плиния (VI, 104), был наиболее удобным портом для прибывавших из Индии. К востоку от Окелиса располагалась гавань Счастливая Аравия, принадлежавшая царству Харибаела, а затем Элисара. В прежние времена она была своеобразным барьером и конечным пунктом восточной египетской торговли, когда еще не предпринимались прямые плавания в Индию и существовало дорогостоящее посредничество местных, южноаравийских государств. Однако ко времени путешествия, описанного в «Перипле», она утратила свое былое значение, так как «была разрушена при неясных обстоятельствах» [Wheeler, 1955, с. 143]²⁰, и, таким образом, рынок переместился в Окелис. Далее к востоку располагалась Кана, принадлежавшая царству Элисара. По сообщениям «Перипла» (27), этот пункт вел торговлю с Баригазой, Индо-Скифией, Омманами и Персидой. Во времена Плиния и описываемые «Периплом» это была последняя остановка перед прямым плаванием через океан до берегов Индии. Ранее отправным пунктом для плаваний в дельту Инда и более южный порт, Сигерис, был избран Сиагр²¹.

Согласно источникам, знакомство греко-египетских купцов с индийскими рынками началось в северных областях Индии²². По сообщениям «Перипла», устья дельты Инда были непригодны для прохода кораблей, за исключением одного — центрального рукава, где был расположен торговый пункт Барбарикон²³. Сопоставляя данные Плиния и Птолемея о городах дельты Инда, П. Эггермонт пришел к выводу, что Vibaga первого идентична Вабага второго. Первоначальное название города «Гавань Александра», основанного Нearchом в 325 г. до н. э., было утрачено и заменено названием острова Вагасе (греческая транскрипция местного названия ВАРАКН (Barbara) и ВАВАКН (Babace), отсюда ВАРВАРИКОН (Barbaricum) и ВАРВАРА (Barbara) [Eggermont, 1975, с. 40]. Автор локализует Барбарикон в восточной части дельты Инда [Eggermont, 1970, с. 82].

Вверх по Инду, у основания дельты, находился другой порт, известный также со времени Александра Македонского как греческая колония, у Плиния фигурирующий как Патала. «Перипл» называет его Миннагара — столица части «Скифии», находившейся под властью Парфии. М. Уилер отождествляет его с со-

временным Хайдарабадом [Wheeler, 1955, с. 146]. Сюда переправлялись все товары, привозимые в Барбарикон морем. Объем торговли был значительным. Будучи связан с системой наземных путей, а также используя речные средства передвижения по Инду, Барбарикон участвовал и в транзитной торговле с глубинными районами Азии, в том числе и с Китаем, откуда поступали «серские ткани и шкуры».

Глубоко в Камбейском заливе, в устье р. Нармада располагалась гавань Баригаза. Подступы к ней с моря были чрезвычайно затруднительны, поэтому навстречу заморским купцам выходили местные царские лощманы с экипажами на «длинных судах», которые тащили на буксире их корабли до самой Баригазы. Источники отождествляют Баригазу с древнеиндийской *Bhṛgukaccha* (совр. Бхаруч). Джатаки упоминают этот торговый пункт как важнейший рынок или торговый город (*paṭṭanagāma*) [Ramachandran, 1970, с. 77]. Во времена, описываемые «Периплом», Баригаза входила в царство Санабара, столицей которого была Миннагара, куда ввозились наиболее ценные товары для царя. В списке привозимых сюда товаров «Перипл» упоминает серебряные и золотые римские монеты, выгодно обмениваемые на местные (Перипл 49).

Из Баригазы привозимые товары и поступавшие сюда монеты распространялись в глубь страны, так как этот порт был связан с такими важными центрами торговли, как Удджайн (Озена «Перипла»), Пифан (Пайтана «Перипла») и Тагара, откуда имелись разветвления в южные и восточные области Индии. Другое направление связывало Баригазу с Северной Индией и глубинными районами Азии, откуда также поступали товары.

Далее к югу от Баригазы вплоть до Лимирики «Перипл» упоминает девять местных рынков, которые не играли важной роли в международной торговле, а использовались как стоянки. Это Суппара, Каллиена, Семилла, Мандрагора, Палайпатмы, Мелизейгара, Византион, Тогарон и Авраннобора. Обо всех них есть сведения в древнеиндийских источниках и надписях, однако характерно, что Клавдий Птолемей (VII, 1, 6) сообщает только о двух торговых пунктах в этом регионе, Семилле и Гиппокуре, не упомянутой в «Перипле», а это подтверждает факт незначительности указанных выше пунктов в торговле с Западом, за исключением Семиллы, которая во II в. н. э. являлась резиденцией римских купцов, торговавших индийским хлопком [Warmington, 1974, с. 289].

Важнейшее направление связывало римскую торговлю с Лимирикой. Первыми портами этого региона «Перипл» называет Науру (совр. Каннаноре) и Тиндис (совр. Поннани). Активность Науры в римской торговле подтверждают найденные здесь монеты Тиберия, Калигулы, Клавдия и Нерона, причем преобладали монеты Тиберия и последующих императоров, в том числе Антонина Пия. Однако ведущими портами Лимирики были Му-

зирис (совр. Кранганоре), входивший в царство Кероботра, и Нелькинда (совр. Нилесвара), принадлежавшая правителям царства Пандион. Через эти порты в Римскую империю в большом количестве вывозился перец, драгоценные камни, жемчуг и другие дорогостоящие товары, которые обменивались на золотые и серебряные римские монеты первых императоров.

На восточном побережье Индии автор «Перипла» упоминает три торговых пункта — Камару, Подуку и Сопатму. Первый из этих пунктов локализуется у одного из устьев р. Кавери²⁴. Город состоял из двух частей, одна из которых примыкала к побережью. Здесь были расположены платформы и склады для товаров, которые сгружались с кораблей и помечались штампом Тигра (эмблема царства Кола). Здесь же находился квартал иностранных купцов-яванов, которые жили одной общиной [Mookenji, 1912, с. 136].

Порт Подука, идентифицированный с совр. Путтучери (Пондишерри), известный в исследовательской литературе под названием Арикамеду (современное название местности), использовался римскими купцами уже в 30-е годы нашей эры и посещался ими по крайней мере до конца II в. Археологами был выявлен небольшой квартал с кирпичными строениями и большими складами в приморской части. Здесь были найдены аретинская керамика, амфоры для вина, римские светильники, кубки на ножке из стекла, широко известные в Южной Индии, римские расписные миски [Wheeler, 1946, с. 17—124; Wheeler, 1955, с. 177—178]. Из района Путтучери происходит большой клад римских ауреев, в котором наиболее поздние принадлежат чекану Веспасиана, хотя преобладают монеты от Августа до Нерона (подробнее см. гл. II, § 4).

Во времена, описываемые «Периплом» и ранее, предметы римской торговли проникали на восточное побережье Индостана либо караванными дорогами, либо с помощью местных судов, курсировавших между портами обоих побережий. Римские купцы посещали области к северу от трех уже упомянутых портов на Коромандельском берегу, в том числе и область Мансолию (или Масалию «Перипла»), отождествляемую с современным районом Масулипатам [Chakraborti, 1966, с. 137]. Этот район был связан с такими важными центрами торговли, как Dhānyakataka (идентифицированным одними исследователями с Амаравати, другими же — с Виджаявадой) [Chakraborti, 1966, с. 205], с Пифаном, Удджайном и Баригазой [Chakraborti, 1966, с. 137]. Здесь Птолемей (VII, 1, 15) называет рынок Kontakossyla (на р. Кришна), упомянутый в надписи из Амаравати, который локализуется в местечке Чантасала, недалеко от Масулипатам [Chhabra, 1961, с. 28]. Отсюда происходит пракритская надпись на камне, выполненная на брахми, в которой упоминается «морской капитан» или «мастер-моряк» (mahānavika) по имени Sivaka, [Chhabra, 1961, с. 28]. Находки кладов римских монет на территориях, прилегающих к нижнему и среднему течению

р. Кришна (см. гл. II, § 4), в сочетании с тем влиянием, которое оказало греко-римское искусство на скульптуру Амаравати, указывают на активность Восточной Индии в торговых и историко-культурных контактах с Римской империей в I—II вв. н. э.

Одним из последних на Коромандельском берегу автор «Перипла» упоминает торговый пункт Ганг в дельте р. Ганг, через который осуществлялась торговля с Китаем (Перипл 65).

Упомянув порты, античные источники чаще всего употребляют слово «рынок» (ἐμπόριον). В «Перипле» встречается термин «законный рынок» (νόμιμον ἐμπόριον) относительно Адулиса, Музы и Апологоса (4, 21, 35), «привилегированный рынок» (ἐνθυσιον ἐμπόριον) — Каллиена (52) и «санкционированный» или «предназначенный» (ἁποδεδειγμένος) — Миос-Гормос. По мнению М. П. Чарлсворса, законодательный статус рынков санкционировался царским декретом или обеспечивался международным договором (зафиксированным многочисленными посольствами, о которых сообщают как античные, так и индийские источники), определяющим их как места, где осуществлялись коммерческие операции между представителями различных стран на законных основаниях и где взималась пошлина и такса [Charlesworth, 1951, с. 140]. По предположению М. Уилера, на эти рынки посылались торговые агенты [Wheeler, 1955, с. 152].

О массовом переселении в римское время выходцев с Запада в города на юге малабарского побережья, в частности в Музирис, сообщает еврейская традиция [Charlesworth, 1951, с. 132—133]. Обозначение в «Пейтингеровой карте» «TEMPLUM AUGUSTI» в Музирисе свидетельствует о существовании здесь римского храма (правда, пока не выявленного археологически). Храм Августа был построен в Вологезах на Евфрате, о чем известно из надписи, найденной около Пальмиры. В ней сообщается, что один богатый негодант среди прочих своих благодеяний по отношению к купцам построил для них храм умершего римского императора Августа около 150 г. н. э. [Charlesworth, 1951, с. 142]. Безусловно, такие храмы являлись центрами землячеств, местом встреч римских переселенцев. В свою очередь, многочисленные надписи, происходящие из индийских торговых центров, сообщают о дарах, преподнесенных им местными богатыми купцами для их процветания.

Важные сведения для морской международной торговле содержатся в Артхашастре. В ней специально оговаривается, что «иностранные и караваны (иностранные) могут получить доступ (в страну) после того, как им дано разрешение на въезд» (Артхашастра II, 45, 28). Эти обязанности выполнял надзиратель за судоходством. «Перипл» отмечает случай, когда местный правитель запретил въезд иностранным судам в Каллиену. Однако, как правило, римская торговля была гарантирована зачастую благодаря задариванию индийских царей. В Артхашастре сообщается о некоторых льготах иностранным купцам: «Товары иноземного происхождения следует привлекать путем оказания со-

действия. Купцам-мореходам и хозяевам караванов (*sānthavāha*) следует оказывать льготы, освобождая их от поборов, с тем чтобы обеспечить им сбыт в будущем. Также следует исключить для приезжих (иноземных купцов) привлечение к суду по денежным делам» (Артхашастра II, 34, 16). Контролировал иностранную торговлю специальный государственный чиновник — надзиратель над торговлей (*raṅyaadhyaḥṣa*), в обязанности которого входил контроль над правильным соотношением цен на иностранные и местные товары и проистекающими из этого факторами: размером чистой прибыли «за вычетом пошлин, сумм, уплачиваемых пограничной охране, конвоем, сопровождающему товар, лесной охране, при перевозе через реки, а также расходами по путевому довольствию (наемных работников) и уплачиваемого им вознаграждения». Кроме того, это должностное лицо должно было регулировать правильное передвижение товаров как по караванным дорогам, так и по водным путям, предпринимать меры по предупреждению бедствий и поддержанию порядка в портовых городах (Артхашастра II, 34, 16). Другой представитель государственной администрации, надзиратель за пошлинами, контролировал соблюдение установленной на ввозимые товары пошлины в размере пятой части их стоимости (Артхашастра II, 39, 22). Согласно надписи II в. н. э. из Карле (Западная Индия), пошлины взыскивались как монетами, так и вещами [Mukherjee, 1980—1981, с. 26]. Это согласуется с данными «Перипла Эритрейского моря»²⁵.

Все эти мероприятия по обеспечению торговли местные индийские правители проводили, усматривая в ней большие материальные выгоды. Можно согласиться с Б. Н. Мукерджи, что кушанские завоевания в Индии были мотивированы заинтересованностью в международной торговле, в частности с Римской империей, через Баригазу и Барбарикон [Mukherjee, 1980—1981, с. 25 и сл.].

Как явствует из источников (см. гл. I, § 3), выходцы из Индии с глубокой древности были искусными мореплавателями. В греко-римское время они на своих судах достигали по торговым делам отдаленных стран. Согласно «Периплу», индийские корабли из Баригазы бросали якоря в восточноафриканских гаванях Авалитского залива, в прибрежных торговых пунктах мыса Ароматов (14), в южноаравийских Кане и Мохе (27, 31, 32), посещали рынки Персидского залива (36). Выходцы из Баригазы и Лимирики проживали на о-ве Диоскурида (Сокотра) вместе с арабами и греками, занимаясь торговлей (30, 31). О посещениях красноморских портов Египта у автора «Перипла» нет ни слова.

Как утверждал Е. Вармингтон, индийские мореплаватели не бывали в египетских портах [Warmington, 1974, с. 75—77]: ни один письменный источник не дает основания полагать, что упоминаемые в них индийцы имели причастность к торговле. Препятствия, чинимые арабами, и высокая пошлина, установленная

римской администрацией на иностранные товары, обрекали Индию на пассивность в торговле с Римской империей через египетские порты в Красном море. Однако обратимся к источникам. Ксенофонт Эфесский (II в. до н. э.) упомянул одного индийского царя, который прибыл в Александрию, чтобы «посмотреть город и кое-что купить» [Ксенофонт Эфесский, с. 49, 51, 53]. Обратный его путь пролегал через Коптос (т. е. он совершил путешествие морем). В греческих надписях птолемеевского времени также есть упоминания об индийцах. Так, в одном посвящении из Эль-Кананса (бывшая Редезия) говорится: «Пану, ведущему хорошим путем и внимляющему, Софон инд [с мольбой] за самого себя». (Публикацию текста см. [Bernand, 1972] мне перевела С. Я. Берзина). Местонахождение этой надписи в числе многих других, содержащих молитвы богам за благополучное завершение путешествия и оставленных в местах, через которые проходил путь к Красному морю, позволяет предполагать в инде Софоне одного из таких путешествующих.

В папирусах и надписях птолемеевского и римского Египта многократно встречаются этнические имена Ἰνδός и Ἰνδική [Raschke, 1975], однако ни в одном случае из контекста не явствует, что названный так человек был связан с торговлей. Кроме того, термином Ἰνδοί обозначалась профессия погонщиков слонов [Raschke, 1975]. И в Египте, и в других регионах Средиземноморья проживали индийские поселенцы, и среди них, безусловно, были лица, причастные к торговле. Их имел в виду Дион Хрисостом (см. гл. I, § 1), когда он обращался со своими речами к александрийцам. Организация международной торговли того времени предусматривала проживание иностранцев, прибывших по делам торговли. Относительно индийцев этот вывод достаточно хорошо документирован раскопками на месте древнего порта в Египте на красноморском побережье, в районе Кусейра, расположенного на полпути между древними портами Миос-Гормосом и Береникой (упомянут Птолемеем — IV, 5, 5). Это был портовый город с гаванью, деловой, административной и жилой частями, известный под названием Левке Лимен [Whitcomb, Johnson, 1980, с. 103, 112; Whitcomb, Johnson, 1981, с. 16—23; Bell, Johnson, Whitcomb, 1984, с. 43—46]. Он функционировал до первой половины III в. н. э. В жилом районе было обнаружено сооружение типа римской виллы 10×14 м, которое выходило на маленькую улочку, ведущую в гавань. Напротив виллы в одном из небольших помещений был найден маленький железный кузнечный горн и первая индийская надпись. На основании этих находок было сделано заключение, что здесь могли проживать не только индийские купцы, но и ремесленники, в том числе кузнецы.

Находки, сделанные в Левке Лимен, обнаруживают сходство с материалами из Арикамеду. В первую очередь это керамика — арретинская и индийская, причем было найдено три фрагмента индийской керамики с нанесенными на нее граффити на

брахми. Такие граффити известны и в Арикамеду. На одном из фрагментов из Левке Лимен было выписано имя собственное *Sātaṇ*, популярное в торговой общине Южной Индии II в. н. э. Здесь же, в Левке Лимен, зафиксированы типично индийские продукты, служившие основными предметами индийского вывоза, в первую очередь зерна перца, а также химьяритские и сабейские надписи. Все это свидетельствует о том, что Левке Лимен являлся международным портом, который посещался не только купцами южноаравийских стран, но также купцами из Индии, а это дает основание полагать, что в данный египетский порт заходили индийские торговые корабли. Конечно, плавания в Красном море были сопряжены с целым рядом трудностей, о которых сообщал Страбон. Это и рифы, и мели, и своеобразный режим ветров, и сложные береговые условия. Но, по-видимому, индийские мореплаватели все же освоили маршруты в Красном море, хотя далеко не всегда им удавалось добраться до египетских портов. Во всяком случае, рассказ Страбона о найденном береговой охраной Птолемея Эвергета полумертвом индийце на пустом корабле, севшем на мель (Страбон II, 3, 4), можно трактовать как одну из неудачных попыток войти в Красное море²⁶. О том, что индийские моряки достигали египетских портов, косвенно свидетельствует автор «Перипла»: «Когда еще не плавали из Индии в Египет и из Египта не осмеливались плавать в такие отдаленные места, но доходили только до „Счастливой Аравии“... куда приходили товары с обеих сторон; все равно как Александрия является пунктом, где собираются приходящие извне и привозимые в Египет товары» (Перипл 26). Иными словами, в римское время южноаравийское посредничество не представляло собой абсолютной преграды ни для египетских, ни для индийских торговцев. Едва ли непреодолимым препятствием служили слишком высокие римские пошлины на ввозимые товары из Индии и Аравии. Скорее всего они устанавливались с учетом заинтересованности в приобретении заморских товаров. В этом сходились интересы как частных лиц, связанных с иностранной торговлей, так и с римской администрацией, которая всячески способствовала его процветанию: строительством и охраной дорог, созданием благоприятных условий для передвижений караванов и т. п. Наконец, взискание пошлин за товары, за их провоз и за проезд торговцев и путешествующих по разным делам служило ощутимым наполнителем фиска; установление государственной монополии на производство и последующий вывоз некоторых видов товаров также свидетельствовало о поощрении торговли государством. Администрация Августа взимала красноморскую пошлину в Миос-Гормосе и Беренике²⁷. Коптоская надпись, датированная 10 мая 90 г. н. э., содержит сведения о новом тарифе расценок за проезд: капитанов, военных, рабынь и т. д. [Schmittener, 1979, с. 95], однако здесь речь идет не об иностранцах. Что же касается порта Левке Коме на аравийской стороне красномор-

ского побережья, где взималась четвертая часть стоимости ввозимых товаров (Перипл 19), то его зависимость от Рима справедливо ставилась под сомнение (см. [Хвостов, 1907, с. 375—376; комментарии в подстрочнике русского перевода «Перипла Эритрейского моря» в ВДИ. 1940, № 2, примеч. 1 на с. 270; Wheeler, 1955, с. 152]). Вместе с тем в дошедших до нас греческих папирусах имеются данные о ценах на некоторые товары, поступавшие в империю с Востока, о перевозках на кораблях товаров из Александрии, с Востока, из Африки и Азии, а в одной биллингве из Пальмиры, датированной 174 г. н. э., упоминается некий Л. Антоний Калистрат — откупщик налога на торговлю, составлявшего $\frac{1}{4}$ стоимости товаров. Эти данные предположительно рассматриваются в качестве размера таможенной пошлины [Штаерман, 1950, с. 138]. Однако речь в тексте идет о делах в Пальмире, но не в Египте. В Египте же, если верить Страбону, размеры пошлин дифференцировались: «На дорогостоящие товары и пошлины дорогие» (XVII, 1, 13).

Собственно говоря, теперь, после совсем недавней публикации папируса из Александрии середины II в. н. э. [Nagbauer, Sijpesteijn, 1985], вопрос о размере торговой пошлины на ввозимые в египетские красноморские порты товары можно считать закрытым. Размер ее составлял четвертую часть стоимости товара (об этом папирусе см. также [Casson, 1986; Thür, 1987, 1988]).

Так или иначе, римские власти, подобно индийским правителям, способствовали развитию восточной торговли различными средствами. Морские пути, связывающие Египет и Индию, были очень оживлены в первые века нашей эры. Мы не располагаем статистическими данными, однако для оценки интенсивности этой торговли достаточно сослаться на сообщения античных авторов. Так, Страбон (II, 5, 12) указывает, что в 20-е годы до н. э. только из Миос-Гормоса в Индию ежегодно отправлялось 120 кораблей. Он же говорит о «большом караване», отбывшем в Индию (XVII, 1, 13), правда, это позднее, но все еще во времена Августа. О большом оттоке римских монет свидетельствуют как античные авторы, так и обилие находок в Индии. Оживленные связи находят свое подтверждение в многочисленных римских провинциальных изделиях и произведениях искусства, найденных по другую сторону Индийского океана [Шеркова, 1983]. В первые века нашей эры через Индийский океан проходило несколько маршрутов, позволивших осуществлять торговые и культурные связи стран Восточного Средиземноморья и Индии. Северо-Западная Индия стала воротами, открытыми для культурного обмена народов римского мира и глубинных районов Центральной Азии, в том числе объединенных в границах царства Великих Кушан.

Глава II. ЕГИПЕТСКИЕ ИЗДЕЛИЯ И ИХ ИМИТАЦИИ В КУШАНСКОЙ КУЛЬТУРЕ

§ 1. Продукция египетских ремесел

Активность Египта в восточной торговле была продиктована отнюдь не только его выгодным географическим положением. Будучи одной из богатейших провинций Рима, Египет наряду с Сирией являлся основным экспортером империи, и восточная торговля служила важным источником их процветания [Rostowtzev, 1926, с. 158]. В восточной торговле Египта доминировали предметы различных ремесел по сравнению с вывозом сырья [Хвостов, 1907, с. 162]. В римской торговле с Индией доля Египта была велика, что подтверждается перечнем товаров в «Перипле Эритрейского моря» (табл. I).

Таблица I

Список товаров римско-индийской торговли
(по «Периплу Эритрейского моря»)

В Барбарикон	В Баригазу	В порты Лимирики
простая одежда	простая одежда	простая одежда
поддельная ткань	поддельная ткань	пестрая материя
ладан	—	—
стиракс	стиракс	—
кораллы	кораллы	кораллы
стеклянные сосуды (βάλα σκεύη)	грубое (необработанное) стекло (βάλος ἀργή)	грубое (необработанное) стекло (βάτος ἀργή)
серебряные и золотые вещи	золотые и серебряные денарии	золотые сосуды
вино	вино	вино
—	медь	медь
—	олово	олово
—	свинец	свинец
хризолиты	хризолиты	хризолиты
—	мелилотон	—
—	сандарак	сандарак
—	сурьма	сурьма
—	мирра	—
—	—	мышьяк
—	царю: ценные серебряные сосуды, знающие музыку мальчики, красивые девушки в гарем, отборные вина, обычные ценные одежды, отличные мази	—

Из Барбарикона	Из Баргазы	Из портов Лимирики
кост	кост	—
бделла	бделла	—
ликнион	—	—
—	муррина	—
—	—	жемчуг
народное масло	—	—
—	ониксы	—
—	—	алмазы
сапфиры	—	—
—	—	гниацинты
каллеанийский ка- мень	—	—
хлопчатобумажные ткани	хлопчатобумажные тка- ни (молохина)	—
—	—	серские хлопчатобу- мажные ткани
серские шкуры	—	—
серские ткани	—	—
индиго	—	—
—	—	слоновая кость черепеха

Важной статьей египетского вывоза в Индию были в первую очередь льняные ткани и изделия из них (Плиний VIII, 74; Перипл 39, 49, 56). Плиний писал, что Египет извлекал прибыли из торговли льном и «благодаря льну он был в состоянии ввозить товары из Аравии и Индии» (XIX, 2). Наряду с Александрией, где процветали три основных египетских ремесла: ткачество, стекольное и обработка папируса, важным центром ткацкого ремесла считалась Арсиноя. Согласно «Периплу», ткацкие мастерские этого города вывозили одежду из льна в Аксумское царство, причем изготовленную в соответствии с местными вкусами (Перипл 8). Возможно, этот город поставлял полотно и изделия из него и на индийские рынки. Такое предположение аргументируется ссылкой на цензовый налоговый список из Арсинои, датируемый 72—73 гг. н. э., в котором говорится о пребывании в Индии жителя этого города [Warming-ton, 1974, с. 264; Schmittener, 1979, с. 95].

Несколько фрагментов тканых изделий, выполненных в технике гобеленов, найдено в Лоулани в Восточном Туркестане. А. Стейн отметил сходство представленных здесь орнаментальных мотивов с аналогичными, найденными в Антиное — известном в римское время центре египетского ткачества [Stein, 1928, I, с. 241—242; III, табл. XXXI, LXXX]. Однако они были характерны и для других египетских ткацких мастерских (см., например, [Матье, Ляпунова, 1951, рис. 21, табл. XXIX, 1]). Кроме того, в одном погребении из Лоулани, датированном не ранее II в. н. э., был обнаружен фрагмент шерстяной ткани с изображением человеческого лица [Stein, 1928, I, с. 230; III, табл. XXX]. А. Стейн сопоставляет его с миранскими фресками, для которых свойствен «греко-буддийский характер и эллинистическое вдохновение». Этот факт служит подтверждением его идеи о местном изготовлении как этого фрагмента, так и других, имею-

щих эллинистический характер орнаментации [Stein, 1928, I, с. 231, 241]. Нельзя все же не отметить близкое сходство изображения из погребения в Лоулани с воплощениями на коптских тканях [Матье, Ляпунова, 1951, табл. I, XI, 1]. Следование эллинистическим образцам не исключает возможности проникновения в Восточный Туркестан собственно египетских образцов¹. Так, в китайском источнике III в. н. э. «Вэй люэ» среди предметов вывоза из Дацинь упоминаются одежды Fei-ch'ih Основываясь на фонетических соответствиях, Е. Шаванн предположил, что они изготавливались в Александрии ([Chavannes, 1907, с. 176, примеч. 1; ср. Вельгус, 1978, с. 147]).

Говоря об индо-египетском обмене, следует остановиться на термине «виссон», упомянутом у одних античных авторов в связи с индийским вывозом в Египет, у других — как ткань, издавна известная в Египте. Так, Филострат при описании посещения Аполлонием Тианским Таксилы отмечал, что виссон Индия поставляла в Египет для сакрального использования (2, 20). У Страбона есть описание процесса получения виссона. Индийцы, отмечает древний географ, вычесывают его из коры известного сорта деревьев (XV, 1, 20). О деревьях, дающих шерсть, писали и другие древние авторы, в том числе и Геродот: «Плоды дикорастущих деревьев дают здесь шерсть, по красоте и прочности выше овечьей шерсти» (III, 106). Виссонное полотно Геродот упоминает и в книге, посвященной Египту, при описании процесса мумификации (II, 86). Имеются сведения об использовании виссона в погребальном обряде Египта и в римское время. О его значении говорится в более ранних египетских источниках, например в папирусе Небсени, относящемся к Новому царству. Виссон упоминается как необходимый элемент для продолжения жизни в загробном мире [Book of Dead, 1951, с. 61—62]. Из текстов птолемеевского времени явствует, что прекрасное полотно (виссон) изготавливалось в храмах и являлось ценным предметом египетского экспорта [Хвостов, 1907, с. 52; Bell, 1954, с. 52]. Следует отметить, что сакральный смысл древнеегипетского обряда обрядить умершего в виссонное полотно для загробного воскресения не утратил свое значение и в римское время².

В китайских источниках дается описание тонкой ткани из Дацинь, которая изготавливалась из пуха морских овец и называлась *хай-си-бу*, т. е. «ткань Страны на западе от моря» [Бичурин, 1950, II, с. 226; Вельгус, 1978, с. 144—146, 156—157]. Комментируя этот пассаж, Э. Шефер отметил, что под этим экзотическим названием скрываются жемчугоносные мидии, из них получали тонкое плотное волокно с сильной круткой, изделия из которого производились на побережье Индийского океана в первые века нашей эры [Шефер, 1981, с. 270].

По вопросу о значении термина «виссон» мнения исследователей разделились. Одни считали, что он обозначает тончайшее полотно, другие рассматривали его как название особой

хлопчатобумажной материи [Энциклопедический словарь, 1892, VIА, с. 544]. Анализируя античные письменные источники доримского времени, М. М. Хвостов отметил, что не во всех случаях ясно, идет ли речь о льняных, хлопчатобумажных или других тканях. По крайней мере до II в. н. э. термин «виссон» обозначал тонкие льняные материи, ибо в греко-римском мире долгое время хлопчатобумажные ткани относились к особому сорту льняных [Хвостов, 1907, с. 130—131]. Сопоставляя данные Плиния (который впервые упоминает о культивировании хлопка в самом Египте) с сообщениями Юлия Поллукса (конец II в. н. э.— начало III в. н. э.), М. М. Хвостов пришел к выводу, что в первые века нашей эры термин «виссон» получил вполне определенный смысл и стал означать хлопчатобумажные ткани из индийского или египетского хлопка [Хвостов, 1907, с. 139]³. При этом, как совершенно справедливо замечает автор, спрос на хлопок в Римской империи был велик, и один лишь Египет едва ли мог снабжать ее этим товаром полностью, поэтому он, согласно «Периплу», закупался и в Индии [Хвостов, 1907, с. 140]. К тому же, по М. М. Хвостову, в орнаментации некоторых тканей, найденных в Египте, можно найти индийские элементы [Хвостов, 1907, с. 145].

Высказанную выше точку зрения не разделяет М. Рашке. Ссылаясь на упоминание хлопка среди продукции сельского хозяйства в арамейских папирусах ахеменидского времени, деловых письмах II в. н. э., а также на находки хлопка в Египте, Судане, Пальмире и Дура-Европосе, автор приходит к выводу: все эти данные не позволяют говорить о доминировании восточного хлопка в ткацком ремесле римских провинций [Raschke, 1978, с. 651]. Тем не менее остаются в силе выводы М. М. Хвостова о вывозе из Индии не только готовой продукции из хлопка, но и сырья [Хвостов, 1907, с. 142—143]. Оригинальная гипотеза была высказана С. Я. Берзиной. Признавая самостоятельность хлопководства в Северо-Восточной Африке, автор тем не менее считает, что развитие этой отрасли сельского хозяйства в Египте и Мероэ было вызвано модой на индийские одежды [Берзина, 1982, с. 18—19].

Египетские ткачи были знакомы с обработкой шелка. Через Барбарикон, согласно «Периплу», в Египет поступали серские ткани — китайский шелк, который, безусловно, относился к предметам роскоши. В римское и коптское время он использовался лишь для украшения одежды и декоративных полотен в виде нашивных медальонов и квадратов. Поэтому, несмотря на важную роль Антиной как одного из ведущих центров египетского ткачества, находки шелковых украшений редки, и датируются они не ранее IV в. н. э. [Пигулевская, 1951, с. 84; Лукас, 1958, с. 244; Матье, Ляпунова, 1951, с. 22]. В китайских династийных хрониках первых веков нашей эры говорится о том, что жителей страны Дацинь всегда прельщал китайский белый шелк с двойной крученой нитью, который они расплетают и делают из

него ху лин (варварскую тонкую ткань) и гань вэнь (темно-фиолетовую узорчатую ткань) [Вельгус, 1978, с. 157]. В целом расцвет торговли шелком относится к более позднему, византийскому времени [Пигулевская, 1951, с. 184].

Торговал Египет с Индией и благовониями. В Египте приготовление благовоний было традиционным, но с древнейших времен основные ингредиенты, необходимые для сложных многосоставных благовоний, закупались в Южной Аравии, Юго-Восточной Африке и Индии и перерабатывались в египетских мастерских. Так, согласно Плинию, ладан готовился в Александрии (XII, 32). После соответствующих операций благовония переправлялись на индийские рынки. Как сообщает анонимный автор, в Баригаду привозили «отличные мази» для царя (Перипл 49), что указывает на их высокое качество и цену. Кроме того, в Барбарикон и Баригаду Египет вывозил стиракс (сухэ). Это бальзам, добываемый из особого сорта деревьев, произраставших в Малой Азии [Лукас, 1958, с. 171—172]. Согласно китайским источникам, стиракс был известен в Китае как очень ценная душистая смола темно-пурпурного цвета, издавна вывозившаяся из Рима и Парфии [Chavannes, 1907, с. 183—184; Шефер, 1981, с. 227—228].

Особой популярностью во всем древнем мире пользовался ладан, который добывали из ладаноносных деревьев, произраставших на п-ове Сомали и в Южной Аравии [Хвостов, 1907, с. 165—168]. Эта ароматическая гуммисмола использовалась очень широко для воскурения в храмах, вместе с тем служила важным компонентом для изготовления некоторых лекарственных препаратов. Согласно «Периплу», ладаном египетские купцы торговали в Барбариконе (39).

Столь же ценным ароматическим веществом считалась мирра — гуммисмола, получаемая из деревьев, родственных ладаноносным, и вывозившаяся с п-ова Сомали и из Южной Аравии [Лукас, 1958, с. 168—169]. Как сообщает «Перипл» (49), в Баригаду Египет вывозил не очень ценную и пахучую мирру (возможно, из Малао). Сюда же, в Баригаду, египетские купцы доставляли мелилотон (Перипл 49) — особый вид египетского лотоса, который использовался не только в медицине, но и (после соответствующей обработки) для изготовления ожерелий, которые Индия поставляла уже в Римскую империю [Wagmington, 1974, с. 266].

Для III в. н. э. имеются сведения о торговле египетским папирусом, в котором Индия стала испытывать недостаток [Wagmington, 1974, с. 265]⁴. В Барбарикон, Баригаду и порты Лимирики вывозились кораллы. Плиний замечает, что в Индии они ценились так же высоко, как жемчуг в Риме (Plin. XXXII, 11), а из сообщений Арриана известно о высокой цене на жемчуг даже у индийцев, превосходившей стоимость чистого золота (8 (9)). По мнению М. М. Хвостова, вывозились не только красноморские, но и более ценные средиземноморские кораллы

[Хвостов, 1907, с. 174]. Ожерелья из кораллов пользовались популярностью среди индийских брахманов, носивших их в качестве священных амулетов [Warmington, 1974, с. 263]. Высокую цену на кораллы фиксирует и индийская литература (в том числе и привезенные из Рима), характеризующая их не только как прекрасные украшения, но и действенный медицинский препарат [Chakraborti, 1966, с. 284—285].

В эллинистическое время египетские и сирийские изделия из стекла считались предметами роскоши [Johnson, 1936, с. 335]. Без сомнения, и в римский период они представляли собой дорогостоящий товар в индийской торговле. Папирусы птолемеевского и римского времени редко упоминают стеклоделов и продукты этого ремесла [Fraser, 1972, I, с. 137]. Однако литературные памятники и археологические источники говорят о том, что в эллинистический и римский периоды продукция египетского стеклоделия была хорошо известна и высоко ценилась не только в античном мире, но и далеко за его пределами. По свидетельствам китайских источников, «с прекрасным стеклом [этой страны] не сравнится [стекло никакой другой страны] в мире» [Вельгус, 1978, с. 153]⁵.

Особенно высоко ценилось цветное стекло, имитирующее драгоценные и полудрагоценные камни. Из него изготавливались различные украшения, ювелирные изделия и сосуды, воспроизводящие формы керамической и металлической посуды. Производство полихромного стекла являлось секретом египетских мастеров. Один из них информировал Страбона о наличии в Египте глины и песка определенных сортов, необходимых для стеклоделия, без них не может быть сделано дорогостоящее разноцветное стекло, которое ценится в других странах (Страбон XVI, 758). Уже со времени XVIII династии в Фивах существовала мастерская по изготовлению поделок из цветного стекла: амулетов, ювелирных изделий, сосудов, статуэток. Этот центр функционировал и в римское время (Перипл 6) наряду с Александрией. В результате успешного для птолемеевского Египта завершения 3-й Сирийской войны к нему была присоединена Сирия и Финикия. В Тире и Сидоне стали функционировать мастерские при участии египетских ремесленников, в работе которых отразились традиции египетского стеклоделия⁶.

Изделия египетских и сирийских мастеров переправлялись в восточные страны и в римское время (Страбон XVI, 758; Plin. XXXI, 110). Сведения «Перипла» о ввозе стекла в западно-индийские порты хорошо иллюстрируются данными археологии Западной и Центральной Индии. Целая коллекция сосудов разнообразных форм, демонстрирующая различную технику позднеэллинистического и римского времени, происходит из царской сокровищницы в Беграме. Среди них — фрагменты сосуда, выполненного в типичной для Египта технике «миллефиори» [Haskin, 1954, с. 14—18; Newburg, 1949, с. 95—97; Щапова, 1983, с. 101—103]. Аналогичные чаши найдены также в Арикамеду,

Халчаяне [Пугаченкова, 1966, с. 55, рис. 32] и в юэчжийских гробницах Тилля-тепе [Sarianidi, 1985, с. 205, ил. 147] (рис. II, 1—3). О вывозе мурриновых сосудов из Египта сообщает «Перипл» (6).

Из Беграма происходит серия расписных сосудов, представленных целыми (археологически) формами, крупными фрагментами и в единичных случаях мелкими фрагментами — всего 12 объектов. Они составляют гомогенную группу, которая характеризуется следующими признаками:

1. Все сосуды представляют собой высокие, постепенно расширяющиеся кверху, стройные кубки на низком кольцевом поддоне.

2. Они имеют полихромную сюжетную роспись.

3. Повествовательные тексты изложены в регистровой системе.

4. Имеющиеся композиции передают сюжеты из греческой мифологии (эпизоды Троянской войны, похищение Европы), бои гладиаторов, сцены охоты и рыбной ловли, плетения цветочных гирлянд (рис. 2) [Nackin, 1954, фиг. 257—260, 261—263 bis, 264—265].

5. Обнаруживается стилистическое единство исполнения росписей (отсутствие перспективы, разобщенности композиционных элементов, оконтуривание их черной краской, «импрессионистская» манера росписи).

Подобное единство основных характеристик дает возможность локализовать эти сосуды в рамках одной школы, для которой такие изделия типичны. Практически все исследователи признают, что беграмские сосуды происходят из Египта, поскольку они характерны для александрийского искусства и обнаруживают много аналогий. Параллелизм с египетскими изображениями устанавливается путем отождествления сюжетов, сопоставления композиций в целом (например, сцены сражения Гектора с Ахиллом или изображения охоты и рыбной ловли — типичные для древнеегипетского искусства и воспринятые эллинистическим и римским искусством), отдельных деталей (например, изображение пигмея в сценах охоты), характерных для александрийских мозаик и живописи. Более спорным является вопрос о датировке этой серии сосудов. Так, согласно О. Курцу, их следует относить к I в. н. э., исходя из типичности для этого времени именно такой формы кубков. Для подтверждения этой датировки автор привлек гипсовые рельефы из беграмской сокровищницы, которые он также рассматривает как категорию вещей, бытовавших в I в. н. э. [Kurz, 1954, с. 107]. Как показали исследования, беграмская коллекция состояла из разновременных изделий, в том числе вещей одной категории, например стеклянных сосудов. Важные коррективы в хронологическую локализацию расписных кубков внес Ф. Коарелли, основываясь в первую очередь на стилистических особенностях росписей. Сопоставляя их с аналогичными композициями на миниатюрах

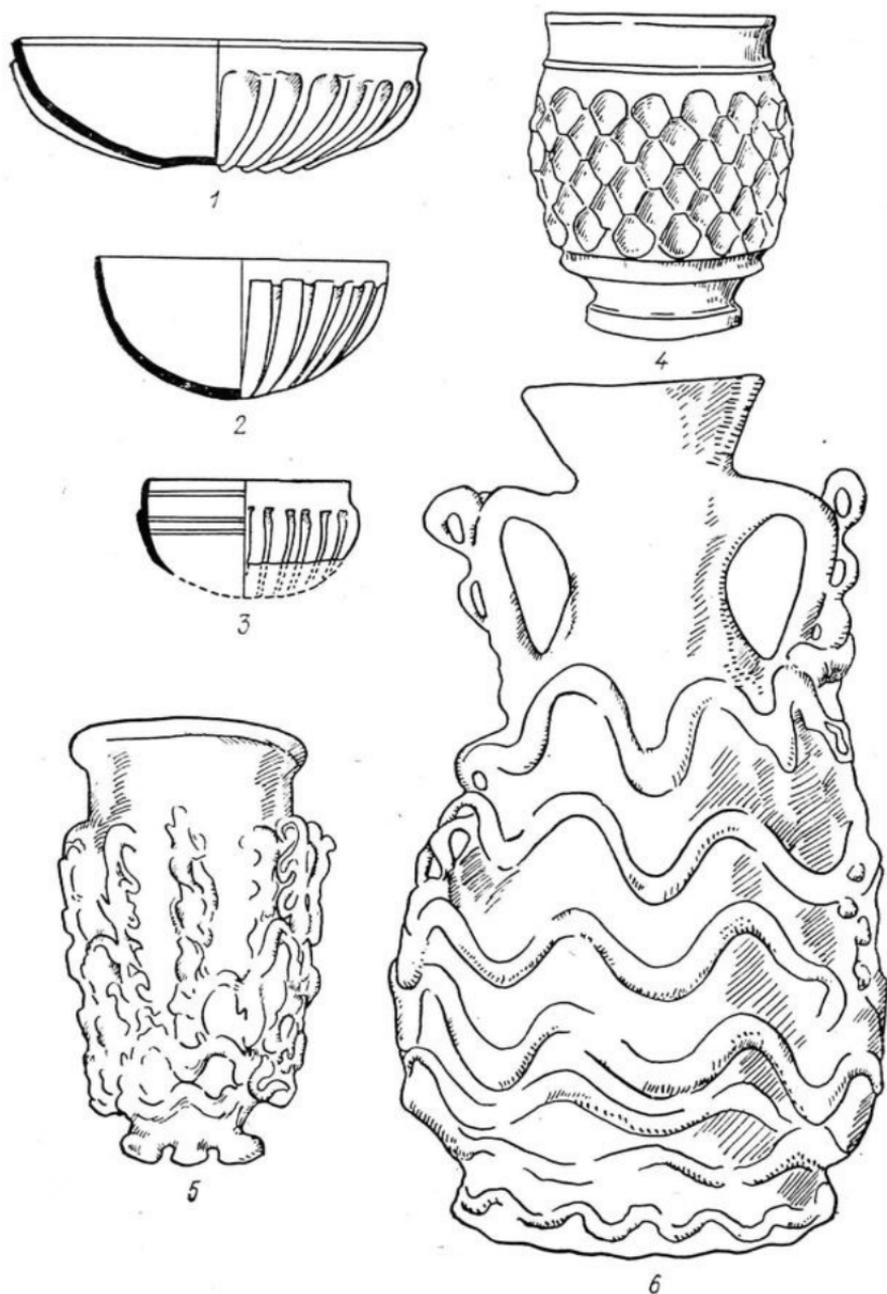

Рис. II. Стекланные сосуды: 1—3) мурриновые сосуды из Аркамеду (1, 3 — по М. Уилеру) и Халчаяна (2 — по Г. А. Пугаченковой); 4) стекланный сосуд с орнаментом в виде сот из Беграма (по Ж. Акэну; 5—6) стекланные сосуды с ажурными лентами из Беграма (по Ж. Акэну и Б. Роуленду)

из собрания Амбросия Илиаде, исследователь пришел к выводу об их происхождении от прототипов, достаточно узко локализующихся в хронологических и территориальных рамках, а именно из Александрии позднеримского времени. Сосуды со сценами сражений он датирует не позднее конца II в. н. э., прочие же — эпохой Северов, т. е. III в. н. э. [Coarelli, 1962, с. 317—326]. Известный специалист в области изучения римского стекла Д. Харден расширяет хронологические рамки изготовления и бытования аналогичных сосудов из Египта, датируя их в пределах от 200 г. н. э. до IV в. н. э. Кубок со сценами охоты он относит к концу II — началу III в. н. э. [Harden, 1970, с. 59, 75].

Рассматривая находки александрийского расписного стекла в кушанских комплексах, следует упомянуть и небольшой фрагмент из некрополя Тепаи-шах (соор. I, № 29) с изображением кисти руки, держащей гирлянду цветов [Литвинский, Седов, 1983, табл. XXXIII, 14].

Другая группа сосудов, происходящая из беграмской сокровищницы, декорирована штампованным орнаментом, густо покрывающим тулово сосуда в виде сот [Kurz, 1954, рис. 252] (рис. II, 4). Здесь найдены несколько разновидностей кубков (высокий, стройный, приземистый и в виде луковицы), маленькая кружка, ваза и миска.

Ареал распространения таких сосудов широк. Они встречаются в археологических слоях первых веков нашей эры от Западной и Северной Европы до Средней и Центральной Азии. Известны керамические и алебастровые сосуды, декорированные в такой же технике штампов. Высказывалось мнение о сирийском (сидонском) центре изготовления стеклянных сосудов с таким орнаментом [Пигулевская, 1951, с. 113], однако большинство исследователей считает их александрийскими. Датируются они достаточно широко — от I—II до III в. н. э. [Kurz, 1954, с. 97—100].

Такое же расхождение мнений о времени бытования и месте изготовления возникло в связи с беграмскими сосудами, украшенными налепным орнаментом в виде приваренных к стенкам сосудов волнообразных стеклянных лент, создающих впечатление ажурности. Один из них имеет форму высокого кубка на низком кольцевом поддоне, оформленном в виде розетки. Ажурные арки уложены вертикально, покрывая все тулово сосуда [Naschin, 1954, с. 106—107, рис. 367] (рис. II, 5). Другой сосуд — с воронковидной горловиной, двумя вертикальными ручками и сильно раздутым в нижней части туловом, переходящим в кольцевой поддон в виде розетки, — украшен волнообразными налепками, покрывающими корпус горизонтальными лентами [Rowland, 1971, с. 51, рис. 69] (рис. II, 6). Египетский сосуд из Антинои, который приводится в качестве аналогии, имеет значительные отличия от беграмских. Декоративные ленты не покоятся непосредственно на стенках сосуда, а предварительно

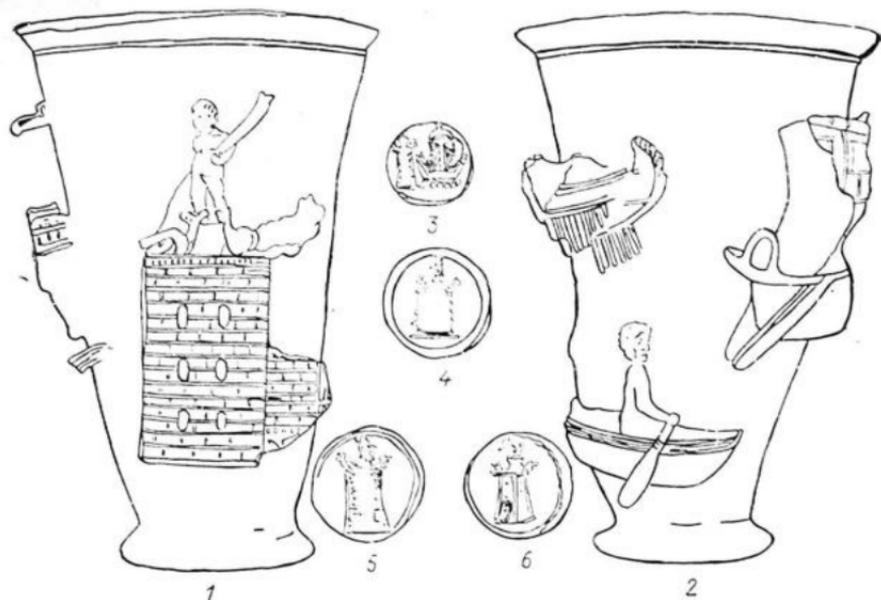

Рис. III. Сцены Александрийского порта: 1—2) сосуд диатрета из Беграма (по Ж. Акэну); 3—6) александрийские монеты I—II вв. н. э. с изображением Фаросского маяка (по Р. Пулю)

уложены на вертикальные ленты, приваренные к стенкам сосуда [Naskin, 1954, рис. 368].

На одном из беграмских кубков фигурные налепы составляют целую композицию (рис. 3; III, 1—2). Один из них выполнен в виде башнеобразного трехэтажного сооружения, облицованного или сложенного из кирпича или каменных блоков, уложенных вперевязку. Наверху изображена мужская обнаженная фигура с палицей (?) в левой руке, попирающая морское чудовище. Если вращать сосуд по часовой стрелке, то за башней можно увидеть корабль с поднятым парусом, аналогичный античным торговым кораблям (см. рис. I, 1). При дальнейшем вращении сосуда возникает боевая галера с двумя рядами весел. В нижней части сосуда между кораблями изображена лодка с гребцом.

Эта композиция рассматривается как сцена в александрийском порту, а башня отождествляется со знаменитым маяком, находившемся на о-ве Фарос около Александрии, сведения о котором сохранились в классической и арабской литературе⁷. Изображения Александрийского маяка известны на александрийских монетах (рис. III, 3—6), в частности на монетах Домициана. Фигуру на башне-налепе беграмского сосуда отождествляют с Посейдоном, Зевсом или Птолемеем Сотером, сражающимися с тритоном [Kuz, 1954, с. 101—102, рис. 359—363]. Этот сосуд относится к типу диатрета, а известные аналогии датируются IV—V вв. н. э. [Coarelli, 1962, с. 319; Щапова, 1983, с. 131].

Тем не менее Д. Харден относит беграмский кубок к более раннему времени, не позднее 250 г. н. э. [Harden, 1970, с. 58].

Египетские изделия из стекла представлены на памятниках кушанского времени и другими предметами. Так, из Халчаяна происходит литик для украшения сосуда. Это отлитый в матрице рельеф овальной формы, изображающий мужское лицо в фас (см. ниже рис. IX, 7). Такие рельефные воплощения характерны для александрийского и римского ремесла [Пугаченкова, 1966, с. 216, рис. 101].

По мнению Е. Вармингтона, далеко не все стеклянные изделия, указывающие на близость западным образцам, можно рассматривать как привозные. Многие сосуды (в том числе из Манглы) изготавливались на месте, следуя западным образцам как в смысле состава стекла, так и формы изделия [Warmington, 1974, с. 272]. В китайской хронике «История Поздней династии Хань» говорится о том, что кушаны были искусны в изготовлении стеклянных сосудов [Chavannes, 1907, с. 192—193]. А в более поздних источниках V в. н. э. неоднократно упоминается о приезде в Китай купцов из Да-юэцзи, которые привозили изделия из стекла [Raschke, 1978, с. 627, примеч. 377]. Однако неясно, о каком стекле идет речь — о кушанском или византийском, которое попадало в Китай через кушанских торговых посредников.

§ 2. Египетский фаянс

Говоря о египетско-кушанских связях, следует подробно остановиться на предметах из египетского фаянса — наиболее многочисленном материале египетского происхождения на среднеазиатских памятниках кушанского времени, особенно в Бактрии. Родиной фаянса считается Египет. В литературе достаточно подробно освещены вопросы о химическом составе и способах изготовления этого материала (см., например, [Gray, Myers, 1946, с. 65—67; Лукас, 1958, с. 254—256; Качалов, 1959, с. 54; Hans, Wulff, Koch, 1968; Литвинский, 1973, с. 134—136; Алексеева, 1975, с. 23 и сл.; Шапова, 1983, с. 59 и сл. и др.]. Процесс обработки фаянса представлен на рельефе гробницы Иби (правление Псамметиха I, VII в. до н. э.) [Павлов, Ходжаш, 1959, с. 148]. Даже чисто визуальные наблюдения позволяют отметить его двусоставность: чаще всего белый сердечник, покрытый глазурью различных цветов и оттенков, преимущественно голубого, зеленого или синего цвета.

Еще с додинастического времени из фаянса изготавливали всевозможные поделки: бусы, амулеты, различных форм подвески, статуэтки, сосуды. Внешне достаточно эффектные, по цвету подражающие драгоценным и полудрагоценным камням, изделия из египетского фаянса пользовались широким спросом на протяжении веков. Поистине феноменальным было распро-

странение бус, амулетов и подвесок из египетского фаянса в эллинистическое и римское время. Они встречаются от Англии на западе до Китая на востоке, от Южной Африки и Аравии на юге до Сибири на севере. Конечно, нельзя не учитывать и диффузию этих предметов, однако в целом, как явление, распространение изделий из египетского фаянса отражает направление контактов античного мира с другими странами.

Так, из античного мира на территории Кушанского царства распространились предметы мелкой пластики из фаянса, причем они демонстрируют характерный для римского времени набор форм. Это амулеты в виде амфорок, кулачков-«кукишей», виноградных гроздьев, скарабеев, лягушек, а также фаллические подвески, бусы и несколько изображений египетских богов (рис. 14—16). Все эти предметы встречаются как на поселениях, так и в погребениях.

Наиболее многочисленны амфоровидные подвески (табл. II, 1—21). Они имитируют форму амфоры с удлиненным корпусом, украшенным вертикальным рифлением; в верхней части тулова амфорки плавно переходит в горлышко, завершенное валикообразным венчиком, над которым расположен уплощенно-конический выступ с ушком для подвешивания. Снизу амфорка завершена каплеобразным утолщением, отделенным от корпуса рельефной линией. По классификации Ф. Питри, такие подвески были распространены с правления XXVI египетской династии до римского времени включительно. Ф. Питри рассматривал их как миниатюрные имитации сосудов для жертвенных возлияний [Petrie, 1914, с. 20]. Такие подвески известны на территории кушанской Бактрии. Несколько экземпляров раскопано в грунтовом могильнике Туп-хона [Литвинский, 1973, с. 138; Литвинский, Седов, 1984, с. 60], одна подвеска происходит из наусного захоронения в Тепаи-шах [Литвинский, Седов, 1983, с. 156]. Подобное изделие найдено в Дальвирзин-тепе [Ртвеладзе, 1977, с. 237, рис. 1, 3]. Аналогии бактрийским находкам известны на других среднеазиатских памятниках кушанского времени: в Кюю-Мазарском могильнике [Обельченко, 1957, с. 113, рис. на с. 121], курумах Ферганской долины [Воронец, 1954, рис. 136], в Гяур-кале (Мерв) [Литвинский, 1973, с. 138], в Кой-Крылган-кале [Кой-Крылган-кала, 1967, табл. XVII, 15]. Из Беркут-калы происходит имитация из желтого прозрачного кварца [Пташников, 1952, с. 113, табл. V, 2], из Кой-Крылган-калы — хрустальная [Литвинский, 1973, с. 139].

Обнаружены такие фаянсовые амулеты и на сопредельных территориях. Несколько амфоровидных, подвесок найдено в Восточном Туркестане [Stein, 1928, I, с. 178; III, табл. XXIV, L. K. 0107; L. A. 0110]. Они хорошо известны в парфянских и позднепарфянских слоях Дура-Европоса [Toll, 1946, с. 127, табл. XIII—XVIII] и Селевкии [Yelvin, 1933, табл. XIX, 4, 5], а также в могильнике Хасани Махале, в комплексах III в. н. э., по датировке Б. А. Литвинского — I—II в. н. э. [Toshihiko Sono, Shinji Fukai,

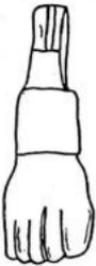
Таблица II. Египетские амулеты и бусы из Средней и Центральной Азии

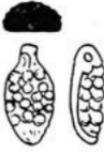
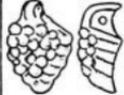
№		происхождение	описание			дата
			материал	цвет	размеры (мм)	
1		Тул-хона погр. 183	фаянс	зеленый	В.24, В.корп. 17, Д.корп. 9	I-II вв. н.э.
2		— " —	— " —	синий	В.20, В.корп. 16, Д.корп. 7,5	— " —
3		— " —	— " —	зеленый	В.25, В.корп. 20, Д.корп. 10	— " —
4		— " —	— " —	— " —	В.21, В.корп. 13, Д.корп. 8	— " —
5		— " —	— " —	— " —	фрагмент	— " —
6		погр. 262	— " —	— " —	В.23, В.корп. 17, Д.корп. 10	— " —
7		— " —	— " —	синий	В.22, В.корп. 16, Д.корп. 17	— " —
8		Телли-шах некрополь соор. П. № 87	— " —	зеленовато- голубой	В.30, В.корп. 22, Д.корп. 14	I в. до н.э.- рубеж н.э.

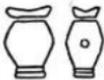
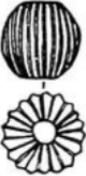
9		Дальверзин-тепе				
10 11 12		Курган Э группы близ Соинова Кую-Мазарского могильника	— —			
13		Курумы	— —	голубой	В. 25	I в. до н.э. -нач. н.э.
14		Гяур-кала	фаянс			I-III вв. н.э.
15		Кой-Крылган-кала	— —	голубой	В. 21, В. корп. 16, Д. корп. 8	I в. до н.э. -I в. н.э.
16		— —	хрусталь			
17		Беркут-кала	кварц			
18		Миран Лоулань	фаянс	голубой	В. 27, В. корп. 18, Д. корп. 9	
19		— —	— —	— —	В. 24, В. корп. 18, Д. корп. 10	

20		Нийя Лоцгань	— —	— —	В.28, В.корп. 22, Д.корп. 10	
21		Душанбинские холмы погребение	— —	зеленовато- голубой	В.21, В.корп. .18 Д.корп. 10	III-IV вв. н.э.
22		Туп-хона погр. 183	— —	зеленый	Дл.20 Ш.17	I-II вв. н.э.
23		— —	— —	голубой	Дл.17 Ш.8	— —
24		Туп-хона погр. 262	фаянс	зеленовато- голубой	Дл.18 Ш.8	I-II вв. н.э.
25		Кей-Кобад-шах	— —	голубой	Дл.26 Ш.15	II в. до н.э. -I пол. I в. н.э.
26		Шуроб-курган	— —			
27		Талашкан-теле	— —			
28		Баба-теле	— —			

29		Джанбас-кала	халцедон		Дл. 9 Ш. 7	IV в. до н.э. - I в. н.э.
30		Аяз-кала (несколько)	— II —	белый		II-III вв. н.э.
31		Кой-Крылган-кала	фаянс	голубой	Дл. 18 Ш. 7	I в. до н.э. - I в. н.э.
32		Беркут-кала	камень(?)		Дл. 19 Ш. 7	
33		Курган Згр близ Соинова Кую- Мазарского мот.	фаянс			
34		могильник Кара-Булак, кург. 116	бронза		Дл. 50. Ш. 15	I в. до н.э. - I в. н.э.
35		могильник Тураташ, кург. 14	— II —		Дл. 86 Ш. 15	— II —

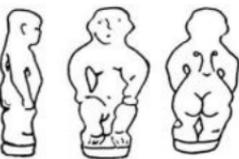
36		Тилля-тепе	бирюза, золото			
37		— " —	— " —			
38		Туп-хона погр. 262	фаянс	голубой	В.17 Ш.10	I-II вв. н.э.
39		— " —	— " —	зеленый	В.16 Ш.11	— " —
40		Тепачи-шах некрополь соор. II погр. 60	— " —	синева- зеленый	В.16 Ш.10	I в. до н.э. -рубеж н.э.
41		Бешкентский мог. погр. 26	— " —			
42		Кампыр-тепе	— " —			

43		Ялангтуш-тепе	— —	синевато-зеленый		Г-Ш вв. н.э.
44		Кой-Крылган-кала пом. 57 второй пол.	— —	зеленовато-голубой	В.15 Ш.12	I в. до н.э. I в. н.э.
45		Джанбас-кала	фаянс	синевато-зеленый		
46		Аяз-кала	— —			
47		Восточный Туркестан				
48		Тепачи-шах некрополь соор. II погр. 27	— —	темно-голубой	В.21 Ш.11	I в. до н.э. - I в. н.э.
49		Кампыр-тепе	— —			
50		могильник Гур-Мирон, погр 24	— —			
51		Джанбас-кала	— —			
52		Топрак-кала дворец (несколько)	стекло	прозрачное		III в. н.э.
53	ступня ноги	Мунчак-тепе Аштский р-н	фаянс			
54	— —	Ак-тепе II	— —			
55	— —	Пенджикент	коралл			
56		Тилля-тепе погр 2	лазурит			
57		— —	— —			

58		— II —	золото			
59	рука	Чоргуль-тепе II	фаянс			
60		Узбой, урочище Балаишем склел 2	фаянс			
61		Тепли-шах соор. I, погр. 65	— II —	голубой	В.17 Д.корп. 13	IV в. н.э.
62		Тилля-тепе погр. 2	бирюза, золото			
63		— II —	золото, бирюза			
64		Тепли-шах некрополь соор. II, погр. 90	фаянс	темно- голубой	В.15 Д.18 Д.отв.5,5	I в. до н.э -рубежн.э.
65		— II —	— II —	— II —	В.17 Д.20 Д.отв.7	— II —

66		могильник Узун-Булак (несколько)	— —			
67		Курумы	— —			
68		Кетмень-Тюбинский мог., Торкен, кург. 14	— —			
69		Чадак, курум	— —			
70-72		Ашт, курум I	— —			
73		Тюя-бугузский мог. (несколько)	— —			
74		Ширинсайский мог.	— —			
75		Шор-теле	— —			
76		Пскентский мог.	— —			
77		кург. Згр. близ бугра Соинова Кюю-Мазарского мог. (несколько)	фаянс			
78		каменные кург. Чаткальского хребта	— —	темно-голубой	Дкарп. 15	I в. до н.э. - нач. н.э.
79		беспаспортная (Ташкентский музей)	— —		В 11, Д 17	
80		Аултеле	— —			
81		Топрак-кала дворец	— —	зеленовато-голубой		III в. н.э.
82		Гяур-кала (Мерв)	— —			II-III в. н.э.
83		Джеты-асарская культура	— —			
84		Дильберджин	— —	голубой		IV-V вв. н.э.
85		Нийя	— —			
86		Хотан	— —	синяя	фр-т	
87		Капаи-Кафирниган, некрополь, соор. 3	— —	голубой	В 8,5, Д 10,5	

88		Джанбас-кала	— —	серо-голубой		I в. н.э.
89		Аултеле	— —			III в. н.э.
90	грушевид.	Беркут-кала	— —	зеленый		
91		Тепай-шах, некрополь, соор. I, погр. 55	— —	темно-голубой	В.13 Д.12	II в. н.э.
92	цилиндр. трубочки	мог. Ак-Бейт, кург. 46	— —		В.15 Д.5	
93		Топрак-кала дворец (несколько)				III в. н.э.
94		Лаулань	— —	темно-синий с голубой звездочкой вокруг красного центра		
95		Тул-хона погр. 262	фаянс	зеленовато-голубой	В.общ. 7,5; Д. плакетки 11 В.плакетки 3,5	I-II вв. н.э.
96		Гури-Гург пещерное погр.	— —			I-II вв. н.э.
97		Топрак-кола			10 × 9	II-IV вв. н.э.
98		— —	стекло	зеленовато-синее		— —
99		Южный Согд	фаянс			

100		Туп-хона погр. 260	— II —	темно- синий	Дл. 12 Ш 9	I-II вв. н.э.
101		Самарканд окрестности	гематит	черно- зеленый		
102		Базар-кала	фаянс	светло- зеленый	В. 13	до IV в. н.э.
103		Топрак-кала здание II культового назначения	— II —	— II —		слои IV-VI вв.
104		Узбой, урочище Балаишем, склеп. 2	— II —			кушанское время
105		Средняя Азия	— II —	светло- зеленый	В. фр. та 12 постамент 10 x 10	
106		Туп-хона, погр. 185	фаянс	светло- зеленый	В. 30 Ш 15 Т 8	I-II вв. н.э.

107		Мунчак-тепе	хризоколла		В.35 Ш.14	I-II вв. н.э.
108		Байсун	фаянс	светло-зеленый		кушанское время

1968, с. 32, табл. XXXVIII/1—2, LXV/8—9; Литвинский, 1973, с. 84, 157]. Целый ряд аналогий происходит из Северного Причерноморья и с Кавказа [Алексеева, 1970, с. 168; Уварова, 1900, с. 232—233; Сымонович, 1961, с. 272, рис. 1, 5]. Амфоровидные подвески имеются и в сарматских могильниках [Вязьмитина, 1954, с. 241]. Все известные находки датируются последними веками до нашей эры — первыми веками нашей эры.

Из погребения III—IV вв. н. э. на Душанбинских холмах происходит фаянсовая подвеска, несколько отличающаяся от вышеописанных [Литвинский, 1958, рис. 3, 2] (табл. II, 21). Другая, в виде сосуда, известна по раскопкам некрополя Тепай-шах. Она сформована в виде остродонного сосуда с раздутым туловом. Отверстие для подвешивания расположено на горлышке [Литвинский, Седов, 1983, с. 152] (табл. II, 61). Сходной формы подвеска, однако более угловатых очертаний, происходит из погребения докушанского времени могильника Тилля-тепе. Она изготовлена из бирюзы, оправленной в золото [Sarianidi, 1985, с. 110, ил. 54] (табл. II, 63).

Фаянсовые изделия из Средней Азии кушанского времени представлены также амулетами в виде правого или левого кулачка (табл. II, 22—33). Иногда большой палец зажат между указательным и средним (так называемый «кукиш»). Первый вариант, по классификации Ф. Питри, означает «энергичное действие». Такие фигурные подвески имели распространение при VI и XII династиях, а также в римский период. Второй вариант существовал только в римское время и символизировал сексуальную силу [Petrie, 1914, с. 11; Reisner, 1907, табл. IX/12115, 12116]. Две такие подвески найдены в Туп-хоне [Литвинский, 1973, с. 140; Литвинский, Седов, 1984, с. 59—60]. Аналогичные изделия происходят из Кей-Кобад-шаха [Мандельштам, Певзнер, 1958, с. 302, рис. 10]. Известны они на памятниках Сурхандарьинской области: в Талашкан-тепе, Шуроб-кургане, Баба-

тепе [Ртвеладзе, 1977, с. 237, рис. I, 1], в Кой-Крылган-кале [Кой-Крылган-кала, 1967, с. 149, табл. XVII, 17], в Кую-Мазарском могильнике [Обельченко, 1957, с. 113, 121, рис. на с. 121]. Несколько подвесок в виде кулачка раскопано в Таксиле [Beck, 1941, табл. X/1] и Дура-Европосе [Toll, 1946, табл. XIII, XIV], в могильнике Хасани Махале [Toshihico Sono, Shinji Fukai, 1968, с. 32, табл. LXV/11]. Аналогичные амулеты в большом количестве найдены на европейской территории СССР в слоях первых веков нашей эры [Литвинский, 1973, с. 139—140; Алексеева, 1975, с. 47], в сарматских погребениях [Вязьмитина, 1954, с. 241].

Подвески-кулачки изготавливались и из других материалов: золота, бронзы, различных камней, как в самом Египте, так и за его пределами. Несколько таких поделок известно по раскопкам в Хорезме: в Беркут-кале, Аяз-кале и Джанбас-кале (халцедон) [Пташникова, 1952, с. 109, рис. 17]. В ферганском могильнике Кара-Булак найдена подвеска в виде кулачка, сделанная из бронзы [Баруздин, Брыкина, 1962, с. 60, рис. 5, 2; Памятники, 1983, с. 35, рис. 70] (табл. II, 34). В другом ферганском могильнике — Тура-таш — была найдена бронзовая подвеска в виде сдвоенного изображения кулачков [Баруздин, Брыкина, 1962, с. 22, рис. 5, 1] (табл. II, 35). Две подвески-кулачки, опранные в золото, происходят из могильника Тилля-тепе [Сарианиди, 1983, рис. 19, 20] (табл. II, 36, 37).

В кушанской Бактрии и на сопредельных территориях встречаются фаллические амулеты (табл. II, 38—47). Это плоско-выпуклые изображения мужского торса с согнутыми коленями и подчеркнутыми половыми признаками. Ф. Питри относит их к римскому времени [Petrie, 1914, с. 11, табл. 16, a, b, c]. Они известны по раскопкам могильника БМ-V в Бешкентской долине, в некрополе у городища Ялангуш-тепе в Сурхандарьинской области [Ртвеладзе, 1977, с. 236, рис. 1, 2], в тепаишахском некрополе [Литвинский, Седов, 1983, с. 156], в Туп-хоне [Литвинский, Седов, 1984, с. 61—62]. Аналогичные находки известны в Хорезме: в Джанбас-кале [Пташникова, 1952, с. 109] и Кой-Крылган-кале [Кой-Крылган-кала, 1967, табл. XVII, 16].

Ареал распространения таких подвесок широк: Северное Причерноморье [Алексеева, 1975, с. 47—48, табл. 7, 21—27], Месопотамия [Wetzel, Schmidt, Mallwitz, 1957, с. 43, табл. 41/5, 10], юго-западное побережье Каспийского моря [Toshihiko Sono, Shinji Fukai, 1968, с. 32, табл. XV, 10], Восточный Туркестан [Stein, 1928, III, табл. CXI, Yul. 056; Stein, 1921, IV, табл. IV, Niya. 004]. Комплексы, из которых происходят такие подвески, датируются первыми веками нашей эры.

В Средней Азии изделия из египетского фаянса представлены и амулетами в виде виноградной грозди (табл. II, 48—52). Это плоско-выпуклые миниатюрные изображения с несколькими рельефными шариками, имитирующими виноградники, и листочком, увенчивающим их, с петелькой для подвешивания. Такие подвески изготавливались в Египте начиная с XVIII дина-

стии [Beck, 1928, с. 28, рис. 24/В.2.С]. Они иногда рассматриваются в литературе как символ женского начала [Wetzel, Schmidt, Mallwitz, 1957, с. 43]. Вместе с тем было высказано мнение, что они были связаны с культом Диониса [Knight, 1915, с. 196], хотя, надо думать, это более позднее переосмысление.

В кушанских комплексах такие подвески известны по раскопкам в тепаишахском некрополе [Литвинский, Седов, 1983, с. 156]. Обнаружены они в Хорезме в Джанбас-кале [Толстов, 1948, рис. 26]. Несколько таких амулетов из прозрачного стекла происходят из Топрак-калы [Трудновская, 1952, с. 127]. Амулет такой формы из фаянса найден в могильнике Гур-Мирон в Фергане [Литвинский, 1973, с. 139], известны они в некрополе Дура-Европоса [Toll, 1946, табл. XIV, XXVIII]. Многочисленные аналогии происходят из Северного Причерноморья, где они входят в комплексы I—III вв. н. э. [Алексеева, 1975, с. 45—46], а также в сарматских погребениях этого же времени [Вязьмитина, 1954, с. 241, табл. 6/11].

Отдельными экземплярами представлены в среднеазиатских комплексах первых веков нашей эры другие фигурные амулеты из египетского фаянса и имитации из различных материалов. К их числу относятся фаянсовое изображение лягушки из Туп-хоны (табл. II, 95) [Литвинский, Седов, 1984, с. 60, табл. XIX], из пещерного погребения I—II вв. н. э. в Гури-Гург, около Пенджикента [Маршак, 1959, с. 172]⁸, из Топрак-калы [Древний Хорезм, 1979, с. 57], поделка из стекла также из Топрак-калы [Городище Топрак-кала, 1981, с. 121, рис. 59, 5] (табл. II, 97), фаянсовая плакетка с фигуркой лягушки из Согда [Кабанов, 1981, с. 76, рис. 39]. Несколько экземпляров таких амулетов происходит из Таксилы [Beck, 1941, табл. VII, 27—33].

В Туп-хоне найден фаянсовый амулет-скарабей [Литвинский, Седов, 1984, с. 61, табл. XIX] (табл. II, 100). Из окрестностей Самарканда происходит печать-скарабей из черного гематита, на оборотной стороне которой изображена человеческая фигурка и убегающая антилопа (табл. II, 101). По предположению Б. Б. Пиотровского, этот предмет попал в Среднюю Азию при кушанах [Массон, 1954, с. 160]. В Таксиле обнаружены несколько амулетов из различных материалов, в том числе и фаянсовая черепаха [Beck, 1941, табл. VII, 22—26]. Встречаются фаянсовые амулеты в виде ступни ноги, один из них из Мунчак-тепе, около Ленинабада [Литвинский, 1973, с. 140]. Известны имитации из других материалов. В Пенджикенте найдена коралловая подвеска в форме ступни ноги [Беленицкий, 1954, с. 38, рис. 5/9] (табл. II, 55). В могильнике Тилля-тепе обнаружены три такие подвески: две из лазурита, оправленного в золото, одна золотая [Сарианиди, 1983, рис. 17, 18] (табл. II, 56—58). Фаянсовое изображение выпрямленной кисти происходит из Чоргуль-тепе Сурхандарьинской области (устное сообщение Э. В. Ртвеладзе).

Кушанские памятники содержат значительное количество бус из фаянса. Наиболее многочисленны многодольчатые бусы

(табл. II, 64—87). Это крупные усеченно-шаровидные бусины с вертикальным рифлением. Они найдены в тепаишахском некрополе [Литвинский, Седов, 1983, с. 156, табл. XXXIV, 2, 5], в Аштских курумах, в могильнике Узун-Булак (к северу от Ферганской долины), в Пскентском и Туябугузском могильниках (Ташкентская область) [известна одна беспаспортная бусина (хранится в фондах Ташкентского музея)], в Кетменьтюбинском могильнике (курган 14) (к северу от Ферганы), в Ширинсайском могильнике (к западу от Ленинабада), в Кую-Мазарском могильнике (около Бухары), на поселении Шор-тепе (в Кашкадарьинской области), в Приаралье, на Гяур-кале (сводку данных см. [Литвинский, 1973, с. 137—138, 142, 143]), в Аул-тепе (в Южном Согде) [Кабанов, 1981, с. 75, рис. 37, 9], в Топрак-кале [Топрак-кала, 1984, с. 227], в Дильберджине [Кругликова, Пугаченкова, 1977, с. 75, 103, рис. 69, 2]. Известны многодольчатые фаянсовые бусы из Восточного Туркестана [Stein, 1907, I, с. 414; II, табл. LXXIV, 005 в; Stein, 1928, III, табл. XXIV, L. K. 031], обильны они для Месопотамии парфянского и позднепарфянского времени [Литвинский, 1973, с. 142]. Аналогичные бусы встречаются в сарматских могильниках [Литвинский, 1973, с. 147—148], особенно многочисленны они в Северном Причерноморье, в погребениях I—II вв. н. э., однако известны и в отдельных комплексах I в. до н. э., а также III—IV вв. н. э. [Алексева, 1975, с. 33—34]. Среднеазиатские находки датируются в пределах от I до IV—V вв. н. э.

Кроме того, в среднеазиатских комплексах первых веков нашей эры встречаются другие формы фаянсовых бус, представленные отдельными экземплярами (табл. II, 88—94). Они известны в Хорезме, в Топрак-кале, Жанбас-кале, в Беркут-кале [Пташникова, 1952, с. 114, табл. I, рис. 11; Трудновская, 1952, табл. II, рис. 31—35], в могильнике Ак-Беит [Литвинский, 1973, с. 137], в Ферганской долине (каменные курганы) [Воронец, 1954, с. 63, рис. 13г], на согдийских поселениях III—IV вв. н. э. [Кабанов, 1981, с. 75, рис. 37, 9], в некрополе Тепаи-шах [Литвинский, Седов, 1983, с. 152], в Узбое (урочище Балаишем, наземный склеп) [Юсупов, 1986, с. 56, рис. 5, 17], в некрополе кушанского времени в Калаи-Кафирниган (Южный Таджикистан). Есть фаянсовые бусы и из Восточного Туркестана, из Лоулан [Stein, 1907, II, табл. LXXIV, № 0014d; I, с. 414; Congady, 1920, с. 26]. Большое количество экземпляров обнаружено в Шайхан Дхери в Пакистане, причем основная масса находок происходит из кушанских слоев [Dani, 1965—1966, с. 126—127], в Шимшир Гаре (Афганистан) в позднекушанском слое, в Бишезарде (Иран) в погребении VII в. [Литвинский, 1973, с. 142].

К числу уникальных археологических находок из Средней Азии принадлежат миниатюрные из фаянса и других материалов скульптурки-амулеты в виде египетских богов. Такие фигурки относятся к обширному классу египетских подвесок в виде гротескной фигурки с атрибутами или без них.

Подвеску из светло-зеленого фаянса из Базар-калы без головы отождествляют с Бесом. Персонаж передан строго в фас. Тело обнажено, одна из сохранившихся рук, слегка согнутая в локте, заведена вперед (табл. II, 102) [Толстов, 1948, с. 118, рис. 60; Пташникова, 1952, с. 107, 111—112, табл. II].

Изображение карлика также без головы, отождествляемого с Бесом, происходит с городища Топрак-кала [Городище Топрак-кала, 1981, с. 122, рис. 59] (табл. II, 103) и найдено в здании культового назначения [Городище Топрак-кала, 1981, с. 143].

В Средней Азии известны два целых фаянсовых амулета Беса, один из них из наземного склепа в Узбое [Юсупов, 1986, с. 56, рис. 16; 16]. Бес изображен в типичной для него позе, чуть присевшим на искривленные ножки, кривые ручки покоятся на коленях. Лысая голова не покрыта головным убором. Львиноподобное лицо украшено пышной бородой, доходящей до груди, уши оттопырены. На спине — ушко для подвешивания. Между ног продета медная проволока, наличие которой указывает на способ крепления этого амулета. По сопровождающему эту статуэтку инвентарю ее отложение в погребении датируется первыми веками нашей эры (табл. II, 104; рис. 16). Другая фигурка обнаружена в разрушенном погребении близ Байсуна (находка 1985 г.)⁹. Это довольно грубое схематичное изображение «присевшего» бородатого карлика с опущенными к паху ручками. Петелька для подвешивания амулета находится, как обычно, на спине. Однако в отличие от многих аналогий таких амулетов в виде карликов на этом экземпляре имеется еще одно поперечное сквозное отверстие, пронизывающее голову изображения на уровне лба (см. табл. II, 103; рис. 15).

Такие изображения входят в типичный для римского времени набор подвесок из египетского фаянса (в римское время такие статуэтки изготавливались и из бронзы [Roeder, 1956, табл. 14 e—i]). Известны они и в Северном Причерноморье [Алексеева, 1975, с. 38—39, табл. 12/29]. Делали эти амулеты в Египте с XVIII династии до римского времени, где Бес почитался как бог веселья, домашнего очага, игр, танцев, покровитель детей и материнства, известна ипостась Беса как бога-воителя [Petrie, 1914, с. 40, табл. XXXIII, e-u; Коростовцев, 1976, с. 144—145], и в этом облике он предстает на подвеске, найденной на Алтае [Захаров, 1926, с. 227—229, табл. XVII, 2]. У статуэтки отбиты ноги. Правая рука хвостатого божка воздета над головой в уборе, левая опущена. Контуры, образованные точечным орнаментом, позволяют предположить наличие накидки (шкуры). В левой, опущенной, руке Бес держит какой-то предмет.

Египетское божество Шу в Средней Азии представлено одним фрагментом. Фигурка изображена в характерной для этого божества позе — опущенная на правое колено и задрапированная в складчатые одежды¹⁰ (см. табл. II, 105).

В кушанском погребении могильника Туп-хоне найдена фа-

янсовая подвеска, изображающая еще один персонаж египетской мифологии. Это миниатюрная круглая скульптурка, передающая большеголового безатрибутного лысого карлика, стоящего на постаменте строго фронтально¹¹. Обращает на себя внимание гротескность и непропорциональность фигурки: голова с плоским теменем, затылок вытянутый, большие уши оттопырены. Руки сжаты в кулаки и слегка согнуты в локтях. Они опираются на полные бедра. Подчеркнута кривизна несоразмерно толстых ног, ступни их составлены вместе. Глаза, рот, нос, ушные раковины и пальцы проработаны насечками. Мускулатура тела передана рельефными линиями. Рахитичность фигуры усугубляется сильно выступающим животом. На спине — ушко для подвешивания. Амулет покрыт зеленовато-голубой глазурью хорошей сохранности, сердечник белый, мелкозернистый. Фигурка была оттиснута в разъемной формочке с последующим нанесением рельефных линий. Общая высота скульптурки (с подставкой) 30 мм, максимальная ширина по локтям — 15 мм, толщина — 8 мм, высота собственно фигурки — 21 мм [Шеркова, 1981 б] (табл. II, 106; рис. IV, 1).

Рассматривать тупхонинскую фигурку как предмет импорта позволяют многочисленные аналогии, происходящие из Египта, среди которых можно выделить наиболее близкие, изданные Ф. Питри (рис. IV, 9, 10). Одна из таких фигурок выполнена из белого порфирита и датируется временем XVIII династии, две — из египетского фаянса, из которых одна имеет ту же датировку [Petrie, 1914, с. 38, табл. XXXI/176 b, c, k]. Кроме того, в коллекции египетских древностей Государственного Эрмитажа¹² хранится подвеска из египетского фаянса (№ 5234), настолько близкая тупхонинской, что возникает мысль об их изготовлении с помощью одной и той же формы. Различия проявляются лишь в деталях, связанных с окончательной доработкой изделия.

По вопросу об отождествлении этих изображений в литературе было высказано несколько мнений, и это позволяет более детально остановиться на их анализе.

Классифицируя египетские амулеты, Ф. Питри выделил три группы подобных воплощений: одиночные, двоянные и в сопровождении божеств [Petrie, 1914, с. 38]. Знакомство с эрмитажной коллекцией позволило выделить и четырехфигурные амулеты в виде составленных спинками карликов.

Все известные фигурки характеризуются устойчивыми признаками: строго фронтальной позицией тела с непропорционально большой по сравнению с туловищем головой с плоским теменем, крупными оттопыренными ушами и, за редким исключением, очень толстыми и всегда искривленными руками и ногами. Вместе с тем этот класс подвесок отличает большое разнообразие, связанное с целым рядом характеристик, которые наиболее типичны для группы одиночных изображений (из-за их многочисленности). Можно выделить два стилистических варианта. Первый представлен экземплярами, реалистично пере-

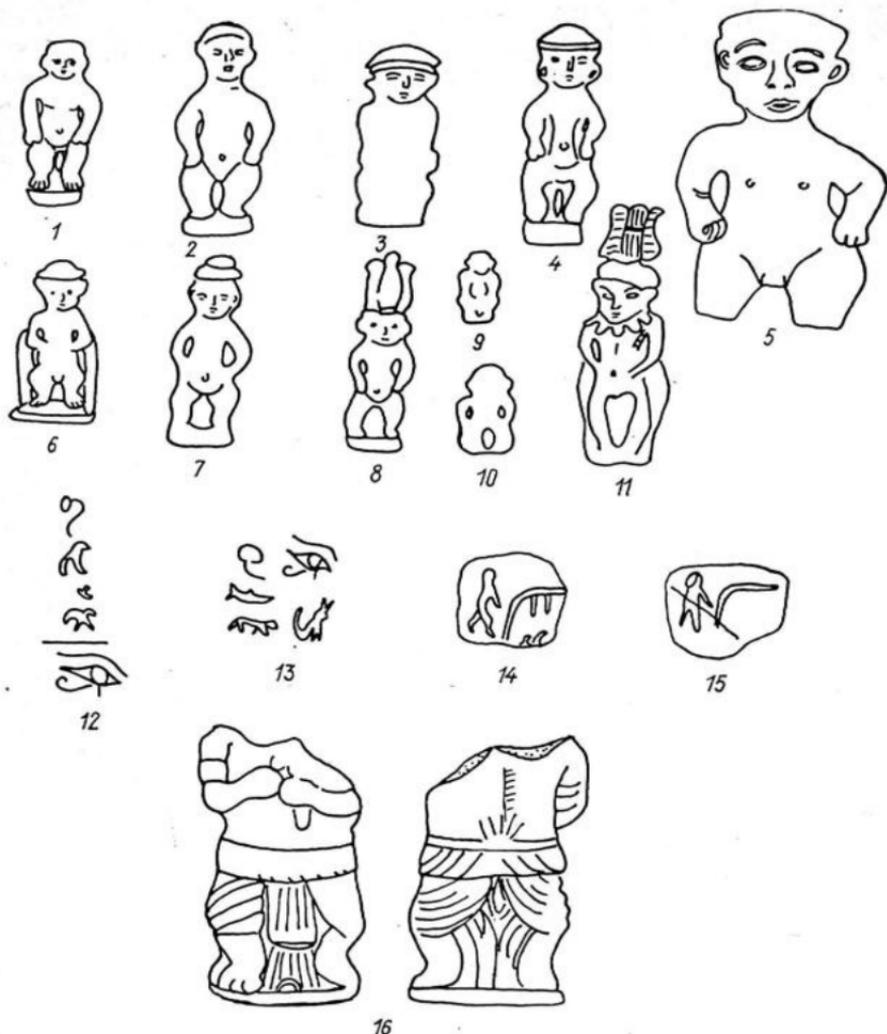

Рис. IV. Амулеты: 1) амулет Птаха-Секера-Осириса из Туп-хоны; 2—11) амулеты Птаха-Секера-Осириса из Египта (по Ф. Питри); 12—15) идеограммы на амулетах Птаха-Секера-Осириса (из Гос. Эрмитажа и по Г. Рейснеру); 16) яш-ша из Невасы (по Х. Д. Санкалии)

дающими человеческое тело (рис. IV, 2), второй характеризуется нарочитой схематизацией (рис. IV, 3). Имеются изделия, демонстрирующие переходные формы. Для первого варианта более характерна округлая голова с уплощенным теменем (рис. IV, 5). Иногда контурной линией показано наличие тонкой гладкой шапочки (рис. IV, 4). В пределах второго варианта очень распространено «шлемовидное» завершение головы, что представляется переходной формой от обнаженной (или в тонкой шапочке) головы к наличию на ней скарабея (рис. IV, 6, 7) [Petrie,

1914, табл. XXXI/176 f; Daressy, 1905—1906, II, табл. XLII, 38.802, 38.804, табл. LIX, 38.244, 39.243].

Положение рук различно. Чаще всего они, слегка согнутые в локтях и сжатые в кулаки, опираются на бедра. В кулаках бывает зажато по змее [Daressy, 1905—1906, II, табл. LIX, 39.238, 39.244, 39.243, табл. XLII, 38.801]; в ряде случаев руки помещены на животе [Daressy, 1905—1906, II, табл. XLII, 38.804] или на груди [Daressy, 1905—1906, II, табл. XLII, 38.801, 38.813, 38.808, 38.812, 38.817]. Есть изображения карлика, поедającego змей [Petrie, 1914, табл. XLVI/176]. В этой связи следует отметить один экземпляр из Государственного Эрмитажа (инв. № 60): пастовая статуэтка-подвеска, воспроизводящая карлика. Поверхность покрыта прекрасной темно-синей глазурью. На голове — скарабей, у рта и в руках — змеи. На пилончике, который расположен на задней стороне статуэтки, и на нижней части подставки имеются идеограммы в виде глаза и животных. На другом экземпляре (№ 4530) изображен человек. Аналогичные знаки сопровождают подвески в виде карликов из Каирского музея (рис. IV, 12—15) [Daressy, 1905—1906, I, с. 308, № 39.231, 39.233].

Карлики со скарабеем или в короне одного из египетских божеств (рис. IV, 8, 11) [Petrie, 1914, табл. XXXI/176 g; Daressy, 1905—1906, II, табл. XLII, 38.807, 38.309, 38.312] иногда стоят на головах двух крокодилов [Blanchard, 1909, табл. XL, 220], эта позиция также характерна для изображений карликов в сопровождении богов. Иногда шея и плечи обнаженного карлика украшены широким ожерельем [Daressy, 1905—1906, II, табл. XLII, 38.302, 38.804, 38.813, 38.824]. Среди одиночных фигурок имеется несколько экземпляров с головой барана, обезьяны, крокодила, львицы и т. д. [Daressy, 1905—1906, II, табл. XLII, 38.831, 38.829, 38.824, 38.826; Riefstahl, 1948, фиг. 24].

Группа сдвоенных фигурок известна по нескольким изображениям. Как и в первой группе, можно отметить два варианта моделировки. Имеются экземпляры обнаженных карликов без всяких атрибутов и со скарабеем на голове (Государственный Эрмитаж, инв. № 1934, 4522, 2939). Интересные скульптурки хранятся в Каирском музее. Одна из них — с двумя головами баранов [Daressy, 1905—1906, II, табл. XLII, 38.820], другая — с головами сокола и человека, обе с соллярными дисками [Daressy, 1905—1906, II, табл. XLII, 38.818].

Что касается четырехфигурных амулетов, то один из них — это фаянсовая подвеска с изображением четырех скульптурок карликов, плотно прижавшихся друг к другу (Каирский музей) [Daressy, 1905—1906, II, табл. XLII, 38.489]. К этой же группе изображений относятся несколько амулетов из Государственного Эрмитажа. Один из них (инв. № 472) представляет собой четырех карликов, составленных спинами друг к другу, на подставке. Две фигурки — с головами соколов, причём одна из них с солнечным диском, другая с двумя перьями. Две другие фи-

гурки имеют человеческие лица и увенчаны каждая убором из двух перьев. Самая верхняя часть амулета обломана, однако по сохранившемуся фрагменту легко можно установить наличие скарабея с отверстием для подвешивания. Другой амулет (инв. № 15909) — это также четыре фигурки карликов, составленных друг к другу спинами. Два противостоящих персонажа — с головами павианов, а два других имеют головы человека и сокола. У карликов с головами павианов руки опущены, у других они расположены на животе. У каждого на шее — ожерелье, над головами — скарабей с отверстием для подвешивания.

И наконец, последняя группа подвесок — карлики в сопровождении богинь. Бронзовая подвеска, изданная Ф. Питри, изображает карлика в короне атеф, позади него стоит богиня Баст [Petrie, 1914, с. 38, табл. XLVI/176р]. К этой же группе относится серия подвесок-амулетов, представляющих собой сразу несколько персонажей: в центре в характерной позе — на головах двух крокодилов стоит карлик со скарабеем на голове, на его плечах — два сокола, по бокам стоят Нефтида и Исида, сзади также, по-видимому, крылатая Исида с солнечным диском на голове [Daressy, 1905—1906, II, табл. LIX, 39.243, 39.244; Vonper, 1950, табл. XII, 252; Государственный Эрмитаж, № 208, 473, 474, 4530]. На нижней части подставки одной из эрмитажных подвесок начертано благопожелание. Оно фрагментарно, однако, судя по сохранившейся части, его магические знаки соответствуют знакам на одной из подвесок Каирского музея (см. выше) [Daressy, 1905—1906, I, с. 309, № 39.233].

Большинство подвесок выполнено из голубого, зеленого или желтого фаянса. Однако встречаются экземпляры, изготовленные из других материалов: хризолита, горного хрусталя, сиенита, порфирита, реже из бронзы и слоновой кости. Наличие ушка на тыльной стороне указывает на то, что их носили на теле или одежде, даже если высота некоторых достигала 7—9 см. Однако чаще всего их высота колеблется в пределах от 1 до 3—3,5 см. Данные о датировке этих изделий чрезвычайно скудны. Ф. Питри относит их ко времени от XVIII династии до птолемеивской эпохи [Petrie, 1914, с. 38]. Основываясь на анализе некоторых датированных экземпляров, изданных им, а также проведя аналогии с другими известными изображениями, можно отметить, что наиболее ранние из них изображают обнаженного карлика без атрибутов. Позднее появляются подвески в виде карлика в уборе, со скарабеем, змеями и т. д. И наконец, карлик, стоящий на головах двух крокодилов в сопровождении богинь. Однако такая последовательность имеет скорее генетико-типологический, чем хронологический смысл, ибо, скажем, обнаженных карликов без атрибутов изготавливали и в римское время.

Кого же изображали эти многочисленные и многообразные по своему художественному решению амулеты? Вопрос об их отождествлении с богами достаточно проблематичен. Следует ли связывать их с одним персонажем египетского пантеона или

же рассматривать как специфическую иконографию различных божеств, на что как будто указывают атрибуты этих божеств, например убор Амона? Для прояснения вопроса, как представляется, правомерно обратиться к другому, также карликообразному божеству — Бесу, который тоже изображался с различными атрибутами: с ножами или змеями в руках, в сопровождении других богов, а зачастую и в том же уборе Амона. Все это суть разные ипостаси одного божества. Наличие атрибутов других божеств при этом не является неожиданностью, учитывая сложные и порой запутанные явления, которые претерпевала египетская религия, особенно на поздних стадиях развития, когда появляются многочисленные амулеты в виде безбородого кривонного карлика с бритой головой и иногда с различными атрибутами. Метод типологии, выделивший наиболее общие для всех известных изображений признаки, позволяет сделать заключение, что перед нами фигурирует одно и то же божество. Какое же именно? Обратимся к источникам.

Согласно сообщениям Геродота о пребывании Камбиса в Египте, в мемфисском храме Птаха (которого историк называет Гефестом) находилась статуя божества в виде карлика. Для непосвященных Геродот дает пояснение, что этот кумир похож на изображения патеков¹³ — финикийских божков, чьи воплощения помещают на носках кораблей. Далее он пишет, что после святотатства в храме Птаха Камбис вторгся в святилище кабиров, которые, как информировали Геродота, являются сыновьями Птаха (Гефеста) (Геродот III, 37). Вот это сообщение древнего историка и послужило причиной отождествления исследователями многочисленных изображений безатрибутного карлика с неегипетскими персонажами различных пантеонов средиземноморского региона [Daressy, 1905—1906, I, с. 196 и сл.; Tougaieff, 1911, с. 12; Алексеева, 1972, с. 10; Алексеева, 1975, с. 39 и др.]. Широкое распространение таких воплощений, равно как и воплощений Беса и Гарпократа за пределами Египта, указывает на то, что они отождествлялись в древности со сходными персонажами различных пантеонов. Однако в пассаже Геродота речь идет о собственно египетских богах, имевших облик карлика. Путаница произошла из-за наделения Геродотом египетских богов неегипетскими именами. Поэтому для отождествления лысого карлика необходимо обратиться к египетским материалам.

В текстах Нового царства упоминается безымянный бог, близкий Птаху, который назван просто «карлик» [Bonnet, 1952, с. 584].

В позднее время наряду с традиционной иконографией Птаха появляются его многочисленные изображения в виде карлика с кривыми ногами и иногда с начертанием его имени. Такая подвеска была найдена в Гизе позднего времени. Она изображает большеголового уродца, держащего в руках змей и стоящего на головах двух крокодилов. На нижней части подставки

имеется надпись: pth di ʿnh — «Птах, дающий жизнь» [Sandman-Holmberg, 1946, с. 182]. Аналогичное изображение, датированное птолемеевским временем, сопровождается надписью «убивающий змей» [Sandman-Holmberg, 1946, фиг. 19].

По мнению М. Сэндман-Хольмберг, наиболее многочисленные фигурки безатрибутных обнаженных карликов можно связывать с Птахом, поскольку начиная со времени Древнего царства карлики участвовали в кузнечном ремесле, и Птах, будучи покровителем ремесел и искусства, мог фигурировать в виде карлика, который впоследствии стал изображаться с различными атрибутами, в том числе и со змеями [Sandman-Holmberg, 1946, с. 183—185]. Известен амулет, воспроизводящий мемфисскую триаду: Птаха в облике карлика, его супругу Сохмет и сына Нефертума [Bonnet, 1952, с. 585], который иконографически сходен гротескным воплощением Гарпократа.

Вместе с тем в египтологической литературе довольно распространено мнение, что подобные изображения передают синкретическое божество Птаха-Секера или Птаха-Секера-Осириса [Golénischeff, 1891, с. 6—8; Blanchard, 1909, с. 20; Petrie, 1914, с. 38; Knight, 1915, с. 100; Bonner, 1950, с. 157].

Наиболее ранние достоверные свидетельства существования единого божества Птаха-Секера относятся к Среднему царству [Sandman-Holmberg, 1946, с. 129]. Позднее его культ получил широкое распространение. Чаще он изображался как Секер, в виде сокола или человека с головой сокола, увенчанной солнечным диском [Sandman-Holmberg, 1946, с. 123], иногда же в облике антропоморфного божества в уборе из двух перьев, в ряде случаев с солнечным диском, двумя урями и рогами барана [Sandman-Holmberg, 1946, с. 133]. Значительно реже он выступает как Птах [Sandman-Holmberg, 1946, с. 132]. Известна одна итифаллическая подвеска, передающая карлика с бичом в руке, что было присуще богу Мину. Надпись, однако, гласит, что это Птах-Секер [Lanzone, 1881, с. 99]. Следовательно, упомянутые выше четырехфигурные амулеты из Эрмитажа с головами соколов с солнечными дисками также могут отождествляться с этим божеством.

Возможно, еще раньше произошло слияние Секера и Осириса. Уже в «Текстах пирамид» имя Секера фигурирует как тождественное Осирису [Merger, 1949, с. 154], в ряде текстов Секер (Сокар) называется его спутником и душой [Коростовцев, 1976, с. 192]. Секер-Осирис почитался вплоть до птолемеевского времени. Подобно Осирису, Птах уже в Древнем царстве изображался в виде мумии, что свидетельствует о ранней синкретизации этих божеств, которая, по мнению С. Мерсера, произошла в додинастическое время и связана с мифом о смерти Осириса от руки Сета [Merger, 1949, с. 149].

Птах-Секер-Осирис также иногда изображался в виде мумии, голова которой увенчана двумя перьями, солярным диском и бараньими рогами [Spence, 1925, с. 145]. Встречаются изо-

бражения мумии с головой сокола [Budge, 1904, с. 506; Spence, 1925, с. 145]. Тринединный бог Птах-Секер-Осирис был очень популярен начиная со Среднего царства [Merger, 1949, с. 150]. Он почитался как бог потустороннего мира. В текстах, обращенных к Осирису — повелителю царства мертвых, встречается имя тринединного божества как тождественное Осирису [Sandman-Holmberg, 1946, с. 140]. Таким образом, слияние Осириса с Секером — божеством мемфисского некрополя — произошло на почве осмысления Осириса как общеегипетского бога мертвых, с другой стороны, отождествление его с Птахом — богом-творцом — говорит о его животворном начале (аспект Осириса как демнурга, научившего человеческий род искусству земледелия). Таким образом, Птах-Секер-Осирис может рассматриваться как самовозрождающееся божество, рождающееся через смерть. Как отмечал Е. Бадж, Птах-Секер-Осирис символизирует слияние качеств нескольких великих богов: мужскую потенцию Мина, творческую — Хепри (наличие скарабея), юность и энергию Гарпократа [Book of Dead, 1951, с. 507—508]. Подобные процессы синкретизма были присущи египетской религиозной мысли и реализовались в изобразительных материалах. Семантическое тождество между Птахом и тринединным Птахом-Секером-Осирисом формировало слияние атрибутов этих прежде различных богов — Птаха, Секера и Осириса и обусловило их иконографическое единство. Таким образом, наряду с другими воплощениями Птаха его гротескное обличье в виде обнаженного безатрибутного карлика стало присуще и Птаху-Секеру-Осирису.

Наличие благопожеланий на некоторых подвесках позволяет рассматривать их в качестве магических предметов. Карлик со змеями в руках или поедающий их обеспечивал его обладателю безопасность как на этом, так и на том свете от укусов змей или — в более широком смысле — от всевозможных зол. Карлик со скарабеем на голове, стоящий на головах двух крокодилов, имел функции, определенные символикой существ, его сопровождающих: крокодил олицетворял силы тьмы, хаоса и одновременно вечности, в то время как скарабей, связанный с солярными представлениями, отражал творческое начало. Таким образом, подобная иконография карлика, нередко сжимающего змей, как будто символизирует победу света над тьмой, добра над злом, и носитель такого амулета ограждался от различных опасностей. С таким кругом представлений, вероятно, следует связывать и фигурки обнаженных карликов без всяких атрибутов, аналогичные той, что была обнаружена в кушанском погребении.

Завершает перечень подвесок-статуэток египетских богов, найденных в Средней Азии, миниатюрное изображение Гарпократа, однако сделанное не из фаянса, а из хризоколлы. Божество-младенец передано обнаженным, с пальцем правой руки у рта, опирающимся на колонку. Подвеска происходит из городища Мунчак-тепе и датируется кушанским временем [Каба-

нов, 1948, с. 75—76, рис. 3] (см. табл. II, 107). Такие статуэтки также входят в обширный класс египетских подвесок-амулетов в виде карликов наряду с изображениями Беса и Птаха-Секера-Осириса. Однако в отличие от них Гарпократ всегда изображается с пальцем, поднесенным ко рту, и чаще всего с локоном детства у виска. Прочие атрибуты (наличие или отсутствие головного убора, одежды) могут варьировать, так же как и у двух персонажей этого класса. Множество таких фигурок найдено в Египте [Petrie, 1905, с. 2, табл. XLVI, 30 (III в. н. э.), табл. XLVII, 38—39 (IV в. н. э.), табл. XLVI, 30. После IV в. н. э. такие фигурки исчезают]. Среди находок из Северного Причерноморья встречается целый ряд аналогий мунчактепинской подвеске [Алексеева, 1975, с. 37, табл. 7, 11—19], чаще всего выполненных из фаянса.

Итак, вышеописанный материал, связанный с формами амулетов из египетского фаянса, происходящий из Средней Азии, позволяет сделать некоторые выводы. Во-первых, он демонстрирует устойчивый набор форм; во-вторых, комплексы, содержащие изделия из египетского фаянса, датируются в пределах I—III вв. н. э., реже II—I в. до н. э. и IV—V вв. н. э.; в-третьих, выводы применимы и к анализу таких находок, происходящих с территории, где известны эти находки; в-четвертых, распространение предметов мелкой пластики из египетского фаянса на восток достаточно четко прослеживается в виде цепочек, которые при наложении на карту совпадают с сухопутными дорогами, по которым осуществлялась торговля восточносредиземноморского региона с Северным Причерноморьем и странами Востока (карта 1, 2). Все это не дает оснований рассматривать кушанские находки как случайные. Скопление их в Бактрии, где пересекались ветви караванного пути позволяет рассматривать их в качестве предметов международного товарообмена. Обратившись к материалам из Северного Причерноморья, где известно очень большое количество изделий из египетского фаянса, можно отметить черты сходства в условиях их отложения в закрытых комплексах.

По наблюдениям Е. М. Алексеевой, нередки случаи нахождения таких изделий не отдельными экземплярами, а по два-три и более, т. е. целыми наборами. Это лучше всего прослежено в могильниках, содержащих одновременные захоронения, укладывающиеся в основном в узкие хронологические рамки I—II вв. н. э. Процент таких погребений на одном памятнике довольно низок. Существование наборов из нескольких амулетов Е. М. Алексеева рассматривает как явление, характерное не только для фаянсовых изделий мелкой пластики, оно отражает способ торговли бусами вообще [Алексеева, 1975, с. 30].

Обратимся к кушанским материалам. В могильнике Туп-хона египетские фигурные амулеты и бусы засвидетельствованы в 8 погребениях из 51 (I—III вв. н. э.; одна могила с предметами из египетского фаянса относится к IV в. н. э.)¹⁴. Из них

в двух погребениях амулеты представлены наборами: в погребении 183 найдено два амулета в виде кулачка-«кукиша» и пять амфоровидных подвесок; в погребении 262 — также два кулачка-«кукиша», две амфоровидные подвески, два фаллических амулета и один — в виде лягушки; в двух могилах обнаружено по одному фигурному амулету; в погребении 260 — скарабей и многодольчатая бусина и в погребении 284 — фигурка Птаха-Секера-Осириса. В четырех остальных погребениях было найдено по многодольчатой бусине [Литвинский, Седов, 1984, с. 83—84, табл. 2]. Таким образом, учитывая общее количество кушанских захоронений этого могильника, можно подсчитать, что в 4% общего числа погребений фигурные амулеты найдены целыми наборами; захоронения, включающие фигурные амулеты, составляют 7,8% и более 15% общего числа погребений I—III вв. н. э. содержали различные фаянсовые изделия — бусы, фигурные амулеты. Типологически эти погребения не отличаются от других захоронений кушанского времени. В детском погребении египетский фаянс встречен лишь в одном случае [Литвинский, Седов, 1984, с. 17, 24—25, 33—34, 63].

Набор египетского фаянса зафиксирован и в погребении 3 Кую-Мазарского могильника. Здесь была найдена подвеска-«кукиш», три амфоровидных амулета и несколько бусин. В узбойском наземном склепе вместе с амулетом в виде Беса находилась подвеска-алтарик. Набор египетских амулетов обнаружен в погребении 4 могильника Хасани Махал в Иране: две амфоровидные подвески, фаллический амулет, «кукиш» и многодольчатая бусина [Литвинский, Седов, 1984, с. 63].

Можно назвать целый ряд памятников, на которых было найдено по несколько экземпляров амулетов и бус из фаянса и других материалов. Они известны в Хорезме, в курганах и на поселениях кушанского времени в Бешкентской долине, в Мерве, в слоях II—III вв. н. э., в курганах и курумах Ферганской и Сурхандарьинской областей, в Восточном Туркестане, Месопотамии. В количественном отношении превалируют бусы, чаще многодольчатые. Аналогичная картина была прослежена и на северопричерноморских материалах. Это явление объясняется большей затратой труда на изготовление фигурных изделий, что обуславливало их меньшую распространенность, в силу чего они чаще «оседали» вблизи больших рынков [Алексеева, 1975, с. 30].

Итак, стабильность ассортимента изделий из египетского фаянса и обнаружение их в закрытых комплексах, нередко наборами, характерны для среднеазиатских памятников кушанского времени. Обнаружение сходства в их отложении с другими ареалами распространения этих изделий не позволяет квалифицировать египетские предметы мелкой пластики из фаянса как материал случайный. На территории Средней Азии они стали появляться в результате удлинения континентальных торговых путей от Восточного Средиземноморья на Восток на рубеже — в первые века нашей эры и вовлечения в международный то-

варообмен различных племен и народов, которые являлись посредниками восточной торговли античного мира. В этом обмене предметы из египетского фаянса, очевидно, играли роль «разменной монеты» в процессе их волнового распространения в достаточно узких хронологических рамках I—III вв. н. э. Попадая в инокультурную среду, эти предметы вместе с тем рассматривались как амулеты, о чем свидетельствует не только их обнаружение в погребениях, но и изготовление местных имитаций из других материалов — бронзы, золота и т. п.

Следует отметить, что к югу от Гиндукуша фигурные фаянсовые изделия редки. В основном встречаются имитации из других материалов или фаянсовые бусы нескольких типов. В Пакистане было найдено большое количество фаянсовых бус бочковидной формы с рифлением, однако издатель вещей, А. Дани, ни словом не обмолвился об их египетском происхождении, считая их местными (см. выше). Таким образом, напрашивается вывод о торговле изделиями из египетского фаянса через Азиатский континент. Однако считать такое решение окончательным не позволяют некоторые факты индийской археологии. В целом ряде пунктов Центральной и Западной Индии в «римских» слоях обнаружены мастерские по изготовлению стеклянных и фаянсовых бус. Индийские исследователи, опубликовавшие материалы раскопок из Невасы, отметили, что фаянс не был известен в Индии до первых веков нашей эры, т. е. до времени наиболее активных контактов с Римской империей. Однако вопрос о западном происхождении или влиянии на местное производство авторы оставляют открытым [Sankalia, Deo, Ansari, 1960, с. 369].

Важные выводы для установления происхождения индийского фаянса мог бы дать химико-технологический анализ. За неимением такового приходится ограничиться описанием известных экземпляров, которые обнаруживают черты сходства с египетским фаянсом. Индийские фаянсовые бусы в основном голубые. В ряде случаев сердечник белый. Встречаются и красные бусы. Можно, конечно, предположить, что фаянсовые бусы из индийских памятников были изготовлены на месте, однако, даже если это так, их хронологическая атрибуция и морфология явно указывает на западное влияние на местное производство индийских фаянсовых бус.

Примечателен общий вещный контекст, в котором встречаются фаянсовые бусы в Западной и Центральной Индии. В обзорной статье, посвященной находкам римских предметов в этом регионе, индийский исследователь К. Маргабандхи отметил, что среди них выделяются главным образом керамика и мелкие предметы искусства, датирующиеся I—IV вв. н. э. Они встречаются вместе с вещным материалом периода Сатаваханов, причем во многих пунктах (Колхапуре, Кандапуре, Баригазе, Невасе и др.). В перечне находок он упоминает римскую керамику, характерную и для Арикамеду, римские монеты, их глиняные имитации, светильники, статуэтки, фаянс, бусы из стекла и хал-

цедона, формочки для терракот и т. д. [Margabandhu, 1965, с. 318—319]. Характеризуя Невасу, автор отмечает, что «индоримский» период был наивысшей ступенью в развитии местного стеклоделия, которое пережило влияние со стороны Рима в изготовлении бус из стекла и фаянса. Формы фаянсовых бус переключаются с изделиями из Сиркапа (Таксилы), Чарсадды, Чандравалли, Кандапура и Пифана [Margabandhu, 1965, с. 321].

Учитывая все эти факты, можно допустить, что в Индию фаянс (или технология его изготовления) проникал и морским путем. Правда, ни «Перипл», ни другие античные письменные источники не упоминают его в числе римского вывоза. Тем не менее М. Ростовцев, характеризуя восточную торговлю птолемеевского Египта, наряду с бесспорными предметами египетского вывоза называет и фаянс [Rostovtzev, 1932, с. 757]. Вывозимое в Баригазу и порты Лимирики стекло «Перипл» передает термином *ὑάλος ἀργή* (49, 56), который в русском переводе этого источника определяется как «грубое стекло». В подстрочном примечании у М. М. Хвостова дается другой перевод — «стекло необработанное» [Хвостов, 1907, с. 170, примеч. 2]. Учитывая, что изготовление фаянса имеет сходство с процессом получения стекла, нельзя исключать, что этот термин в значении, которым его наделяет М. М. Хвостов, может определять слитки различного по качеству стекла, в том числе непрозрачного (=грубого; фаянс?). В Барбарикон, как сообщает «Перипл», вывозились стеклянные сосуды (*ὑάλα σκεύη*) (39), и вещи из беграмской сокровищницы никак не позволяют сомневаться в их высоком качестве. В Баригазу и порты Лимирики, очевидно, вывозились слитки стеклянной массы, из которых на месте изготовляли различные мелкие поделки. Это подтверждается находками стеклянных бус местных форм в Баригазе и других пунктах Западной и Центральной Индии. Таким же образом мог доставляться и фаянс, из которого в тех же мастерских делали бусы, по форме аналогичные стеклянным и изготовленным из других, местных материалов (например, из агата). При таком подходе снимается вопрос, почему фигурные фаянсовые изделия не проникали в Индию: по континенту на Восток распространялись готовые изделия, а в объем морской торговли входил вывоз слитков, обработавшихся на месте в соответствии с местными вкусами.

Широкий спрос на изделия из фаянса в эллинистическое и особенно римское время должен был вызвать к жизни новые центры за пределами собственно Египта. В эллинистический период такие мастерские существовали не только в Навкратисе, но и на Кипре и Родосе [Petrie, 1886, с. 36—38]. Для римского времени вопрос о центрах изготовления предметов из фаянса остается открытым и решается лишь на уровне предположений и гипотез. Их наличие возможно в Мероэ, Северном Причерноморье. Вместе с тем обилие таких предметов в Северном Причерноморье, по мнению Е. М. Алексеевой, не может все же слу-

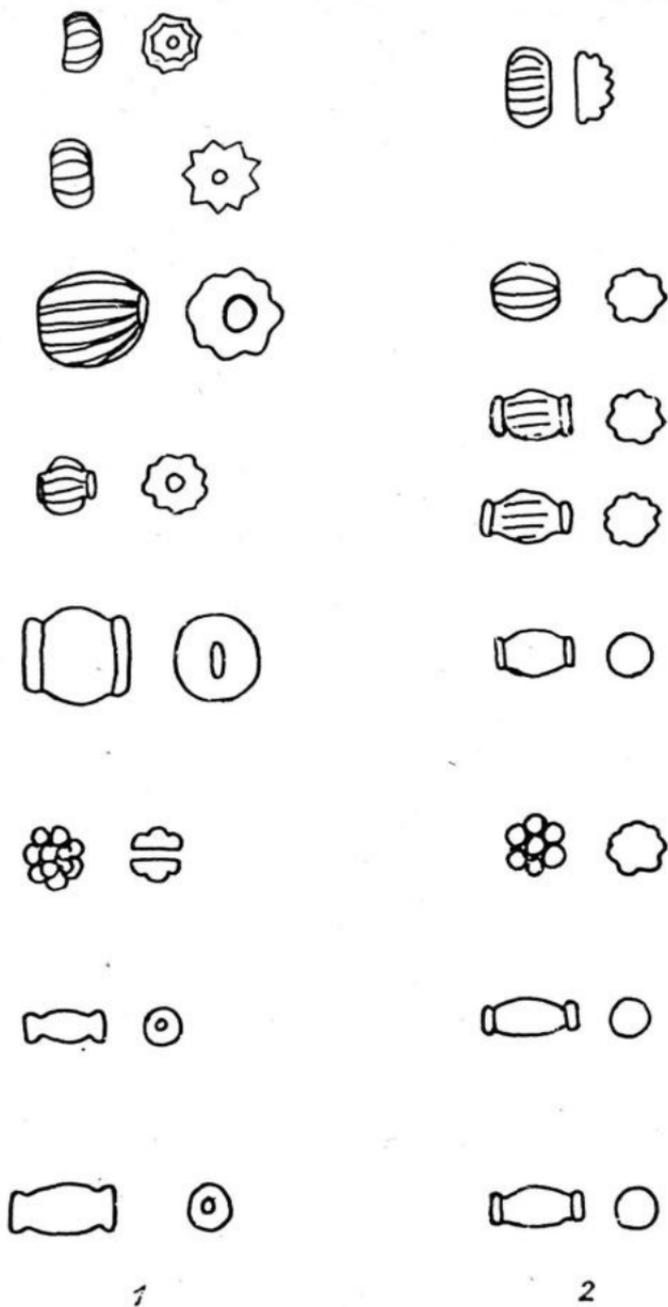

Рис. V. Фаянсовые бусы: формы фаянсовых бус из Западной и Центральной Индии (1) и Северного Причерноморья (2) (по X. Д. Санкалии и Е. М. Алексеевой)

жить доказательством функционирования здесь таких производственных центров, несмотря на относительную простоту изготовления. Автор связывает эти находки с направленной торговлей фаянсом из определенного центра его производства в Египте [Алексеева, 1975, с. 27—28]. Такие мастерские существовали за пределами Египта, на территориях, имеющих историко-культурную близость с Египтом, например в Мероэ. Мастерские по изготовлению фаянсовых предметов мелкой пластики могли возникать в результате переселений египетских мастеров за пределы страны, как это делали стеклоделы, основывавшие свои центры в Риме и других городах Италии, а также в Малой Азии и Месопотамии.

В индийских письменных источниках (тамильских) неоднократно упоминается об искусных ремесленниках-яванах. По «Периплу», египетские купцы вывозили товары, изготовленные в соответствии с местными вкусами той или иной страны. Организация римско-египетской торговли предусматривала проживание лиц, причастных к ней, за пределами империи, и об этом имеются сведения письменных источников. Такие мастера могли на месте выполнять работы в новой для них манере, но из материалов, им известных. Кроме того, среди стеклянных и фаянсовых бус из Западной и Центральной Индии встречаются формы, напоминающие хорошо известные в греко-эллинистическом мире (Sankalia, Deo, Ansari, 1960, рис. 167—168; ср. Алексеева, 1975, табл. 1] (рис. V). Среди них и многодолчатые фаянсовые бусы, в большом количестве встреченные в среднеазиатских комплексах кушанского времени (ср. табл. II, 64—87). Такие формы могли стать известны в Индии благодаря иноземным ремесленникам.

Итак, сравнение форм фаянсовых изделий из Средней Азии (а также Центральной Азии и Восточного Туркестана) и Индии позволяет отметить различия в характере континентальной (дистанционной) и морской (прямой) торговли этих регионов с Восточным Средиземноморьем и Египтом. Распространение египетских фигурных фаянсов на Азиатском континенте шло, по-видимому, из египетских или по крайней мере близких им по традиции изготовления этих предметов центров. Во всяком случае, возникновение новых центров, удаленных от Восточного Средиземноморья, внесло бы новые формы, свойственные той или иной культуре. Материалы свидетельствуют о стабильности форм египетского фаянса, распространившегося на Восток. Они лишь имитируются в различных материалах. Перемещение центра изготовления фаянсовых изделий в инокультурную среду повлекло за собой изменение ассортимента, как это произошло в Индии, где из фаянса изготавливались преимущественно бусы местных форм.

§ 3. Предметы изобразительного искусства

Наряду с продукцией основных египетских ремесел в Кушанское царство проникали и произведения изобразительного искусства. Многие из них, безусловно, расценивались как дорогостоящие предметы. Вслед за стеклянными сосудами следует назвать изделия александрийской торевтики. Автор «Перипла» сообщает, что в Барбарикон вывозились серебряные и золотые вещи (39), в Лимирику — золотые сосуды (56), а в Баригазу специально для царя — «ценные серебряные сосуды» (49). Материальные свидетельства дополняют этот список. Из беграмской сокровищницы происходит целая коллекция предметов из бронзы, среди них статуэтки греко-эллинистических богов, в том числе, бесспорно, египетско-александрийские воплощения Геракла-Сараписа и Гарпократа.

Изображение синкретического божества Геракла-Сараписа¹⁵ уникально и для античного искусства, хотя в источниках имеются сведения об их отождествлении (подробнее см. гл. III, § 1). На беграмской статуэтке сочетаются атрибуты и иконография обоих персонажей (рис. 8). Это фронтальное изображение обнаженного мужского персонажа со слегка приземистым, однако достаточно пропорциональным мускулистым телом. Он как бы запечатлен в момент движения: правая нога выдвинута вперед, руки плавным движением разведены в стороны. В левой руке божество держит небольшой круглый предмет, напоминающий плод (яблоко?), а правой он опирается на палицу. Типичная для Геракла поза и атрибуты. Однако наличие калафа на голове, а также манера изображения прически в виде локонов и бороды, тоже разобранной на локоны, позволяет безошибочно угадывать в нем Сараписа.

Статуэтка Гарпократа характерна для александрийского искусства эллинистическо-римского времени [Blanchard, 1909, табл. XVII, 68; Roeder, 1956, табл. 17, 18a] (рис. 9). Юный бог облачен в длинный хитон, накинутый на левое плечо, оставляя обнаженным правое. Он изображен фронтально. Голова с пышными кудрями игриво наклонена вправо. На ней покоится двойная корона Верхнего и Нижнего Египта. Левая рука фрагментарна, правая, с отведенным указательным пальцем, поднесена не к губам (как обычно), а к голове. От канонических изображений эта статуэтка отличается и отсутствием свойственного данному божеству локона детства.

Другая статуэтка Гарпократа происходит из Таксилы (парфянский слой) [Marshall, 1951, I, с. 159; II, с. 605; III, табл. 186a] (рис. 12, ср. 10, 11, 12). Она близка беграмской, но вместе с тем несколько отличается от нее. Божественное дитя представлено в фас, ножки составлены. Гарпократ в тунике, указательный палец — у рта, волосы спадают на правое плечо в виде локона. На голове — корона Верхнего и Нижнего Египта. Левая рука фрагментарна. По предположению Дж. Маршалла, в этой руке

мог быть лотос или рог изобилия — атрибуты, свойственные ему. Здесь же, в Таксиле, был обнаружен медальон с Эротом или крылатым Гарпократом, сидящим на цветке лотоса. На голове бога — локон, спадающий на плечо; в левой руке он держит какой-то предмет, предположительно голубя [Marshall, 1951, II, с. 605; III, табл. 186 с]. Такое слияние Гарпократа и Эрота характерно для римско-эллинистического искусства (см. гл. III, § 2).

В связи с рассмотрением произведений римско-эллинистической тореvтики, найденных в кушанских комплексах, необходимо остановиться на коллекции гипсовых медальонов из беграмской сокровищницы. В античном искусстве они изготавливались для последующей отливки металлических медальонов, которыми украшались сосуды, зеркала, туалетные коробочки и прочие изделия из золота, серебра и бронзы. Обнаружение гипсовых медальонов в Беграме среди ценных привозных предметов может свидетельствовать о производстве металлических отливок на месте. Из найденных здесь 50 экземпляров подавляющее большинство имеет дисковидную форму, есть и несколько трапециевидных медальонов. Как те, так и другие снабжены рельефным бортиком по краю. Округлые медальоны имеют диаметр от 11 до 22 см, у трапециевидных длинная сторона достигает 8 см.

Рельефные изображения воспроизводят сцены из греческой мифологии (дионисийские шествия, сцены жертвоприношений) и растительный орнамент. Многочисленные аналогии происходят из Египта и Италии [Hackin, 1954, с. 110—146, фиг. 274—321]. Технология производства изделий из гипса, в том числе и таких слепков, впервые была освоена в Египте, а затем стала известна в эллинистическом и римском мире, поэтому вопрос о происхождении и датировке беграмских гипсовых медальонов проблематичен. Тем не менее было высказано мнение об их александрийском происхождении. Исходным положением послужило причисление к безусловно александрийской работе медальона с изображением богини, которую отождествляют с Тихой Александрийской. Она возлежит на ложе в виде египетской ладьи, в правой руке богини — весло. Ложе находится под сенью храма с изображением бюста Сараписа (рис. VI, 1). Более чем вероятно, что этот женский персонаж можно отождествить с Исидой [Kater-Sibbes, 1973, с. 80, табл. XV (cat. 458)]. Полная аналогия этому изображению известна в монетной иконографии александрийского чекана Антонина Пия [Hackin, 1954, с. 141—146, рис. 422, 423], которая появляется на монетах Адриана [Poole, 1892, с. 73; монета Антонина Пия — с. 143; табл. XXVIII, 1198] (рис. VI, 2). Будучи супругой Сараписа, одна из ипостасей которого — покровительство мореплавателям, Исида тоже обладала этой функцией, что нашло отражение в александрийской монетной иконографии. Среди опубликованных Ф. Питри амулетов имеются стеклянные вставки; на них изображена возлежащая на ложе богиня, которую он определяет

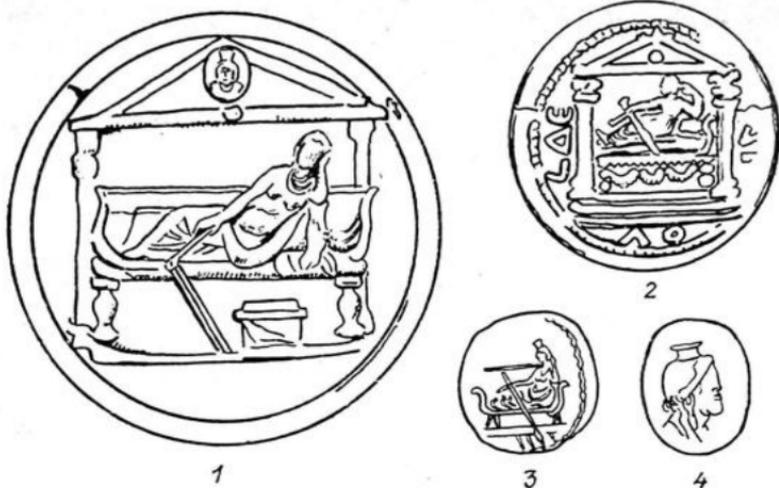

Рис. VI. Изображения Иисиды и Сарпаписа: 1) медальон из Беграма (по Ж. Акэну); 2) александрийская монета Антонина Пия (по Р. Пулю); 3) медальон из Египта (по Ф. Питри); 4) инталия из Дильберджина (по Ф. Грене)

как Иисиду Фаросскую. Такие амулеты бытовали в птолемеевское и римское время [Petrie, 1914, с. 35, табл. XXVII, 151d] (рис. VI, 3). В эллинистическое время Исида отождествлялась с другими, функционально близкими ей богинями греко-римской мифологии, в том числе с Фортуной. Нередко она также изображалась с веслом [Кинжалов, 1958, с. 115—116, рис. 5].

Анализ других медальонов позволил сделать вывод об их стилистическом сходстве с медальоном Иисиды Фаросской, а значит, об изготовлении в александрийских мастерских всех этих беграмских находок [Naskin, 1954, с. 141—146]. На это как будто указывает и египетское происхождение большинства известных медальонов. Так, в Мемфисе была обнаружена целая серия таких гипсовых факсимиле, указывающих на сходство с беграмскими. Они датируются I в. н. э. [Rowland, 1971, с. 17—18]. Однако все же вопрос о датировке медальонов остается открытым. Нет оснований относить все известные экземпляры к I в. н. э., ибо если сцены жертвоприношений и дионисийские могут быть отнесены к эллинистическому времени, то медальоны с растительным орнаментом более характерны для времени ранней Римской империи, а значит, и для II в. н. э. Да и ключевой момент для столь узкой датировки, а именно медальон с изображением Иисиды, может быть отнесен ко II в. н. э., имея параллели в монетной иконографии, относящейся к этому времени.

Распространенность в античном мире техники отливки в металле по гипсовой модели не позволяет утверждать, что беграмские слепки были вывезены именно из Египта. Однако в пользу такого предположения (помимо многих аналогий) сви-

детельствует и рассмотренное выше изображение Иисуса с ведром и бюстом Сарapisа — композиция, характерная для искусства римского Египта. В этой связи следует упомянуть о находке терракотового медальона с изображением бюста Сарapisа в фас из Хадрамаута, который восходит к египетским образцам [Bersina, 1988, с. 102—103].

Беграмская коллекция гипсовых медальонов демонстрирует привозные образцы, однако среди находок из Матхуры, Таксилы и нескольких из Бактрии имеются такие, которые свидетельствуют о восприятии техники обработки гипса местными мастерами [Rowland, 1971, с. 28]. Примечательно, что в Бактрии был обнаружен серебряный медальон с изображением Диониса, однако, как отмечалось, образ этого божества был «слегка варваризирован» [Haskin, 1954, с. 146]. Известны и другие находки. В составе клада монет из Мир Закаха (около Кабула) был обнаружен бронзовый фалар с погрудным изображением крылатой Хванинды, иконографическими прототипами которой послужили изображения этой богини и богини-охотницы на серебряных медальонах греко-бактрийского искусства [Тревер, 1961, рис. 6—8]. По мнению К. В. Тревер, этот предмет свидетельствует о местном кушанском производстве [Тревер, 1961, с. 100—101]. Другой, изданный ею серебряный с позолотой фалар с изображением Диониса происходит с древнего городища на территории г. Душанбе и рассматривается как бактрийское изделие, относящееся к II в. до н. э.—I в. н. э. Верхний рубеж обозначен исходя из отсутствия в кушанском монетном чекане изображений Диониса [Тревер, 1961, с. 107, рис. 1—3]. Однако сама исследовательница говорит о воздействии гипсовых слепков на местное искусство. А такие слепки, как свидетельствует коллекция из Беграма, существовали и в кушанское время. Далеко не все образы богов, известные в Кушанском царстве, попадали в монетную иконографию, пример тому — отсутствие изображений Будды в чекане царя-буддиста Канишки. Таксильское, душанбинское, а в еще большей степени изображение из Мир Закаха свидетельствуют об отходе от античных прототипов, а это может говорить о том, что если они изготавливались с применением гипсовых слепков, то и эти слепки должны были быть местными. Учитывая использование ганчевой техники в греко-бактрийской и кушанской архитектуре, такое допущение возможно.

В контексте кушанских заимствований из круга культур античного мира следует упомянуть и так называемые туалетные блюдца (другое название — диски). По форме они напоминают очень мелкие блюдца диаметром от 7—9 до 15—17 см, изготовленные из шифера, змеевика, стеатита и пр. Снаружи иногда изображалась многолепестковая розетка, в которую была вписана другая; на внутреннюю часть блюдец наносились многосюжетные композиции. В них представлены божества греческого пантеона, персонажи иранского и буддийского круга, сцены

пиршеств, фантастические животные с всадником или без него, сцены терзания хищниками травоядных, эротические, знак свастики и т. д.

Подавляющее большинство туалетных блюдец происходит из Гандхары. Только в Таксиле их найдено более шести десятков [Marshall, 1951, II, с. 459]. Известны они и в других исторических областях Северной Индии, а также в Северной Бактрии, т. е. на территории современной Средней Азии [Литвинский, 1964, с. 158—159; Литвинский, Седов, 1983, с. 76—79; Дальверзинтепе, 1979, с. 139—140, рис. 996; Пугаченкова, 1982, с. 247—250, рис. 2, 3]. Каждая новая находка возвращает исследователей к все еще дискутируемым вопросам о происхождении туалетных блюдец, их датировки и назначения, а также проблемам семантики изображений. Весь круг проблем, касающихся этих предметов, поднимался в двух специальных работах Г. Франкфора и С. Дара, опубликованных в 1979 г. В данном контексте наибольший интерес представляет гипотеза, высказанная ранее Ж. Маршаллом, об александрийском происхождении этих туалетных блюдец, послуживших прототипами для гандхарских образцов [Marshall, 1951, II, с. 459]. По мнению же Г. Франкфора, они обнаруживают сходство с шиферными пиксидами из Ай-Ханума, лишенных, правда, рельефных изображений, но имеющих, как у некоторых туалетных блюдец, поле, разделенное рельефной линией на два горизонтальных сектора, и это обстоятельство позволяет исследователю рассматривать туалетные блюда как вариант греко-бактрийских дисков-пиксид. По характеру изображений выделяются три группы. К группе А, хронологически наиболее ранней, Г. Франкфор относит связанные с греческой мифологией сюжеты и образы, которые воспроизводились на популярных на эллинистическом Востоке медальонах; в Гандхару они распространились из Селевкидского царства через посредство греко-бактрийцев. Позднее эта иконография испытала воздействие со стороны парфянского искусства, выразившееся в новом стилистическом наложении на эллинистическую тематику. Эти туалетные блюда составили группу В; и, наконец, в группу С Г. Франкфор относит те образцы, которые характеризуются синтезированием индо-греко-иранского (сакского) элементов. В хронологическом аспекте группа А относится автором ко II в. до н. э., группа В — к I в. н. э. и группа С — к I в. до н. э. [Frankfort, 1979, с. 92—95]. Однако датировка, предложенная Г. Франкфором, была подвергнута справедливой критике. Одним из аргументов против нее стали изображения Будды на некоторых экземплярах, которые не могли появиться раньше кушанского времени [Сердитых, Кошеленко, 1982, с. 268; Rekha, 1983, с. 488—494; Czuma, Morris, 1985, с. 23].

В исследовании С. Дара обосновывается положение об отсутствии каких бы то ни было связей между египетскими прототипами и гандхарскими туалетными блюдами. Он констатирует их внешнее сходство, однако отмечает еще большее их раз-

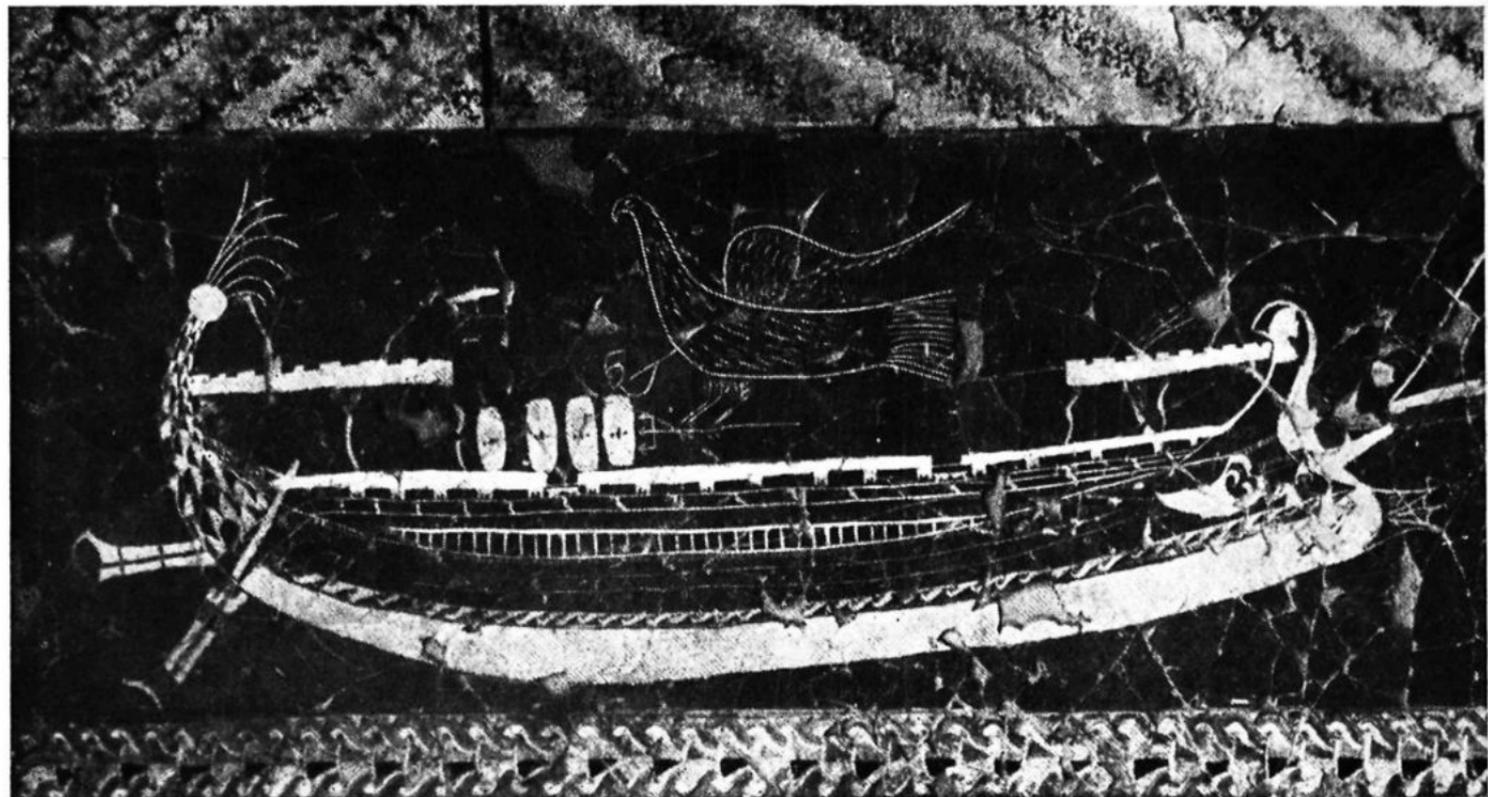

Рис. 1. Египетский корабль «Исида» из Нимфея (по Н. Л. Грач)

Рис. 2. Стекланный расписной кубок из Беграма

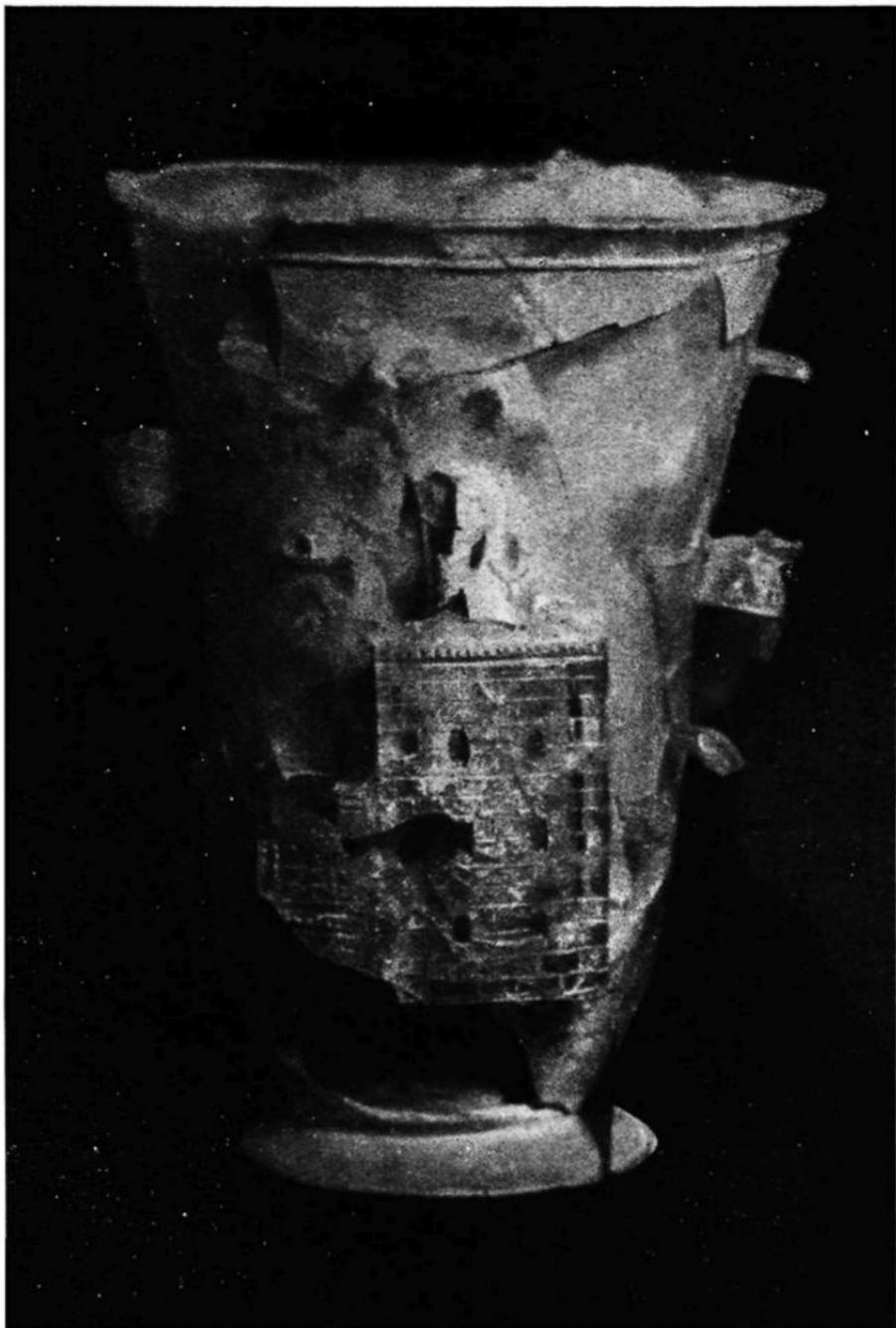

Рис. 3. Кубок типа диатрета из Беграма

Рис. 4. Туалетное блюдо из Египта (по Г. Франкфору)

Рис. 5. Туалетное блюдо из Египта (по Г. Франкфору)

Рис. 6. Гандхарское туалетное блюдо (по Г. Франкфору)

Рис. 7. Гандхарское туалетное блюдо (по Г. Франкфору)

Рис. 8.
Статуэтка
Геракла-Сарписа
из Беграма
(по Ж. Акэну)

Рис. 9.
Статуэтка Гарпократа
из Беграма
(по Ж. Акэну)

Рис. 10.
Статуэтка
Гарпократа
из Египта
(по Г. Редеру)

Рис. 11.
Статуэтка Гарпократа
из Египта
(по Г. Редеру)

Рис. 12.
Статуэтка
Гарпократа
из Таксилы
(по М. Уилеру)

Рис. 13.
Статуэтка
Гарпократа
из Египта
(по Г. Редеру)

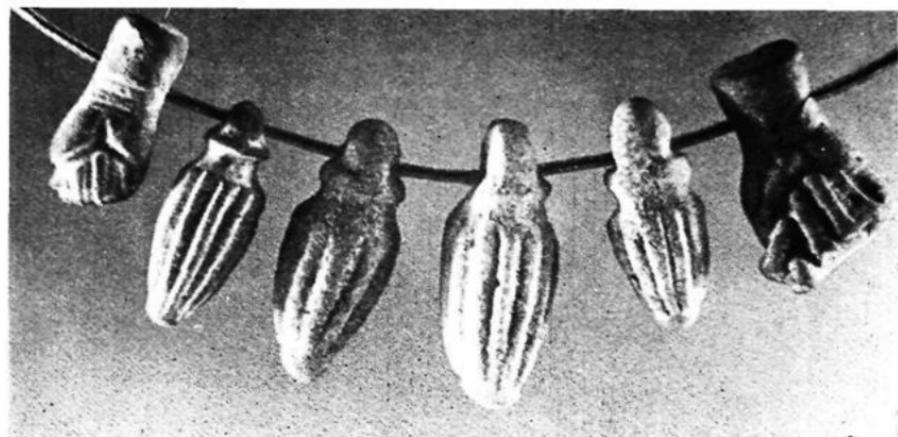

Рис. 14. Египетские
фаянсовые амулеты из Туп-хоны
(Южный Таджикистан)

Рис. 15. Бес из Байсуна

Рис. 16.
Бес из Узбоя (по Х. Юсупову)

лично; египетские экземпляры имеют ручки, отсутствующие у гандхарских; на египетских блюдах изображены египетские боги (рис. 4, 5), в то время как на центральноазиатских представлены греческие боги и персонажи индо-иранского пантеона (рис. 6, 7). Наконец, автор приводит различные датировки египетских изделий, ссылаясь на данные Ф. Питри (I—II вв. н. э.) и Дж. Эванса (IV в. н. э.). Непрослеживаемости генетических связей между египетскими и центральноазиатскими туалетными блюдами подкрепляется общими рассуждениями: во-первых, дискуссионностью проблемы существования самой александрийской школы искусства (?!), а во-вторых, отсутствием их общего источника, сказавшимся на различии изображенных персонажей. Таким образом, автор приходит к выводу: прототипами для гандхарских туалетных блюдец могли послужить каменные или металлические диски киликийского или родосского типа, относящиеся к VI—V вв. до н. э., терракотовые диски также греческого происхождения (IV—III вв. до н. э.) с изображением Эроса, Пана, танцующих нимф, Афродиты. Эти мотивы были перенесены на римские светильники III в. н. э. Известны они на мраморных дисках II в. н. э. греко-римского происхождения. Наконец, в качестве еще одного возможного прототипа приводятся бронзовые зеркала также греко-римского времени [Dag, 1979, с. 145 и сл.]. Бытование гандхарских блюдец С. Дар относит к периоду между II в. до н. э. и I в. н. э.

Итак, вывод об отсутствии генетических связей египетских и гандхарских туалетных блюдец в работах Г. Франкфора и С. Дара основывается на несовпадении в датировках и тематике изображений. Если придерживаться того факта, что наиболее ранние гандхарские образцы относятся ко II в. до н. э., а египетские — к первым векам нашей эры, то, разумеется, ни о каких прототипах из Египта для центральноазиатских туалетных блюдец не может быть и речи. (Об обратном воздействии вопрос даже не ставится.) В таком случае приходится говорить о существовании в различных культурах очень сходных вещей, сходных до такой степени, что их роднят некоторые детали, например оформление бортика блюдец елочным орнаментом, а внешней их стороны — вписанными одна в другую многолепестковыми розетками. Известны примеры и композиционного сходства: мужской и женский персонажи, сидящие на фоне распустившегося цветка лотоса, на гандхарских туалетных блюдах имеют параллели на египетских образцах, где Исида и Сарапис тоже сидят на цветке лотоса [Frankfort, 1979, № 59, 60, 62; Hornbostel, 1973, табл. CLXXXVIII, 306—307]. К тому же отнюдь не все египетские туалетные блюда имеют ручки.

Но все эти признаки, взятые в совокупности, едва ли возможно рассматривать как случайные совпадения. Наличие изображений мифологических персонажей на египетских и гандхарских туалетных блюдах, пусть принадлежащих к различным пантеонам, скорее сближает, чем разъединяет эти предметы, так

как маркирует их как связанных с какими-то культовыми действиями или по крайней мере с определенными эстетическими представлениями. Различие персонажей указывает лишь на их причастность к разным культурам. Из этого следует, что египетские и гандхарские туалетные блюда могли иметь общий источник в виде однозначных с ними предметов.

Именно формальное сходство туалетных блюдец из различных регионов имеет существенное значение, ибо на примере гандхарских и бактрийских образцов можно проследить художественные и стилистические изменения изобразительных мотивов и образцов, свойственных местным индо-иранским культурным традициям. В этой связи следует упомянуть туалетное блюдо, найденное в парфянских слоях в Хатре (Иран) [Frankfort, 1979, табл. LIII]. На нем эллинистическая тематика явно испытала влияние парфянского искусства, отразившегося в некоторых изображениях на таксильских туалетных блюдах.

Среди изделий мелкой пластики египетского происхождения следует отметить несколько терракот. Одна из них, происходящая из Афрасиаба, представляет собой повозку с тремя грациями, в которую запряжен бог Бес [Тревер, 1940, с. 33, рис. 2; Ставиский, 1964, с. 179]. Здесь же, в Афрасиабе, был найден миниатюрный сосудик с двумя ручками. Это так называемая «ампула святого Мина». Такие бальзамарии изготавливались в коптском монастыре около Александрии в IV—VII вв. н. э. [Ставиский, 1960, с. 101—102, рис. 25]. Другой бальзамарий, в виде амфорки, выполненный из бронзы, обнаружен в Узбекистане, в районе Маслахаттепа при случайных обстоятельствах [Пугаченкова, 1966, с. 216, рис. 101]. По форме изделие аналогично амфоровидным фаянсовым подвескам.

Две терракотовые статуэтки обнаружены в Восточном Туркестане. Одна из них происходит из Хотана и изображает Сарписа на троне (рис. VII). В левой руке божество держит рог изобилия, в правой — чашу, на голове — калаф. Фигура обнажена до пояса, хорошо подчеркнута мускулатура тела. Справа от трона стоит обнаженный Гарпократ в характерной позе, с пальцем у рта. Другая статуэтка найдена в Турфане (рис. VIII). Она изображает Гарпократа на вздыбившемся коне. Бог-дитя передан с пальцем у губ, левое плечо прикрыто туникой, на голове — высокая двойная корона объединенного Египта. Издательница обеих скульптурок, А. Мейяр, отмечает близость их фаюмским терракотам, однако что касается первой, то, как считает автор, ее изготовили на месте по западным образцам [Maillard, 1975, с. 223—230, рис. 1—3].

Об изготовлении в Хотанском оазисе художественных терракот свидетельствуют многочисленные находки. Среди них известны налепы для украшения сосудов в виде медальонов, изображающих маски львинообразных чудовищ (рис. IX, 3—5) и гротескных антропоморфных существ (рис. IX, 1, 2). Разновидностью последних являются изображения в фас бородатого урод-

Рис. VII. Терракота из Хотана
(по А. Мейяр)

Рис. VIII. Терракота из Турфана
(по А. Мейяр)

ливого существа с широким носом, пухлыми губами и большими ушами (иногда с высунутым языком). Несмотря на некоторые изобразительные нюансы, такие воплощения образуют типологический ряд. В издании эрмитажной коллекции хотанских художественных терракот такие маски названы «Нептун» [Дьяконова, Сорокин, 1960, с. 17 и сл., табл. 16—17], по мнению А. Стейна, эти терракоты близки изображениям Беса [Stein, 1907, II, табл. XLIII, Yo.0017; Stein, 1921, I, с. 109; IV, табл. I, Yo. 0020c]. В самом деле хотанские «маски» обнаруживают сходство с изображениями этого египетского божества и были чрезвычайно широко распространены в эллинистическое и римское время. Такие медальоны помещались на различные предметы и изготавливались из металлов, керамики, фаянса. В Египте бытовали подвески с головой Беса [Petrie, 1914, табл. IX/29—31; табл. XXXIV/п, q] (рис. IX, 9—11). За его пределами керамические и фаянсовые медальоны встречаются в Северном Причерноморье в слоях I—II вв. н. э. [Алексеева, 1975, с. 39—40, табл. 12/21] (рис. IX, 8). Хотанские художественные терракоты

Рис. IX. Медальоны: 1—5) медальоны из Восточного Туркестана (1 — по А. Стейну; 2, 3, 5 — по Н. В. Дьяконовой и С. С. Сорокину; 4 — по А. Конраду); 6) медальон Беса из Амударьинского клада; 7) литик из Халчаяна (по Г. А. Пугаченковой); 8) подвеска с изображением головы Беса из Северного Причерноморья (по Е. М. Алексеевой); 9—11) изображения Беса из Египта (по Ф. Питри)

датируются первыми веками нашей эры [Дьяконова, Сорокин, 1960, с. 35]. Считается, что центр изготовления хотанских терракот находился на Йотканском городище (откуда происходят находки, упомянутые А. Стейном) в I—III и, вероятно, в IV в. н. э. [Дьяконова, Сорокин, 1960, с. 30, 37]. В Средней Азии изображения головы Беса известны по Амударьинскому кладу. Одно из них мы видим на золотой колеснице [Амударьинский клад, 1979, № 7], другое — на золотом медальоне [Амударьинский клад, 1979, с. 47, № 32] (рис. IX, 6). Однако, судя по датировкам хотанских терракот, а также в контексте их сходства со среднеазиатскими, распространение таких «масок»-налепов следует отнести к первым векам нашей эры. В Среднюю Азию они проникали в процессе контактов с античным миром. В этом потоке

техника налепов распространялась не только на керамические, но и на стеклянные изделия. Выше упоминался стеклянный литик из Халчаяна, характерный для античного стеклоделия. Надо сказать, что среди хотанских антропоморфных налепов из керамики известна многочисленная группа «масок» в виде уродливого лица без усов и бороды, с крупным носом и ртом [Дьяконова, Сорокин, 1960, с. 31, табл. 6/48], обнаруживающих сходство с халчаянским литником (рис. IX, 7).

Возвращаясь к предметам египетского вывоза в Индию римского времени, следует упомянуть два порфириновых кубка из сокровищницы в Беграме [Haskin, 1954, с. 150, рис. 354]. Добыча этого камня производилась только в Египте, причем еще с додинастического времени, однако за пределы страны изделия из порфирита стали вывозиться лишь в римское время [Лукас, 1958, с. 625—628].

Согласно античным и индийским источникам, из Римской империи в Индию вывозились рабы. По «Периплу», в Баригазу специально для царя доставлялись красивые девушки для гарема и «знающие музыку мальчики» (49). В отношении таких мальчиков принято считать, что речь идет о знаменитых александрийских музыкантах [Вельгус, 1978, с. 107].

* * *

До сих пор говорилось о находках, служивших товарами направленной торговли Египта с Кушанским царством и вызывавших местные подражания. Однако среди реалий, указывающих на египетский импульс в кушанских материалах, имеются и такие, механизм появления которых здесь связан с опосредованными контактами с Египтом. Речь идет о находках антропоидных гробов, один из которых происходит из Пахтабадского района Южного Таджикистана (сохранился целиком) [Литвинский, 1954, с. 144; Литвинский, Гулямова, Зеймаль, 1959, рис. 1/2]. По описаниям, гроб имеет вид расширяющейся с одной стороны ванночки с округлым выступом на более широкой боковой стороне. Общая длина его 2,05 м. Другой антропоидный гроб обнаружен в могильнике Туп-хона (сохранился фрагментарно) [Литвинский, Седов, 1984, с. 146]. Эти находки были рассмотрены в специальном исследовании Б. А. Литвинского о западных параллелях бактрийского погребального обряда кушанского времени [Литвинский, Седов, 1984, с. 146—150]. Среднеазиатские антропоидные гробы автор связывает с египетскими прототипами. За пределы Египта они стали проникать уже в эпоху Среднего царства в результате политических и культурных контактов. Погребения в антропоморфных саркофагах совершались в прибрежных районах Восточного Средиземноморья, Сирии, Финикии, где стали изготавливать и местные антропоидные гробы, предназначенные для царствующих особ и местной знати. Отсюда они распространялись в Месопотамию, однако нельзя

исключать возможности вывоза таких гробов в Месопотамию в ахеменидское время непосредственно из Египта. Массовое изготовление антропоморфных гробов в птолемеевском Египте вызвало их появление в Месопотамии, где они фиксируются с рубежа II—I вв. до н. э. по 200 г. н. э. С ахеменидского времени эти гробы распространяются и в Западном Иране. Однако находки в Бактрии, по мнению Б. А. Литвинского, следует относить к парфянскому времени, когда антропоморфные и туплеобразные гробы имели широкое распространение благодаря традиции захоронения в керамических гробах ваннообразной формы, вытесненной в парфянское время новыми формами. Проникновение сюда, в Бактрию, антропоидных гробов, исследователь рассматривает как один из элементов сходства в области погребального обряда Восточной Парфии и Бактрии. Таким образом, если распространение антропоморфных гробов в прибрежной зоне Восточного Средиземноморья связывается с культивацией здесь египетских религиозных представлений, то в Месопотамии, где имелся древний обычай захоронения в керамических гробах, новые типы гробов не были восприняты как чужеродное явление. Однако в Месопотамии уже не наблюдается отзвуков египетских религиозных представлений, на что указывает упрощение антропоморфных гробов. Бактрийские находки таких гробов следует рассматривать в качестве процесса «диффузии основных типов гробов в Иран и Среднюю Азию, связанного не с распространением на восток египетского погребального обряда, а с восточнопарфянскими и бактрийскими религиозными представлениями» [Литвинский, Седов, 1984, с. 149].

* * *

Вышеприведенные данные, по существу, исчерпывают список товаров, вывозившихся Римской империей в Индию. Практически все они происходят из египетских мастерских и в основном представляют собой предметы роскоши. Обменным товаром являлись индийские драгоценные камни, пряности, различные масла, ароматические вещества и красители — словом, также дорогостоящие вещи. Согласно «Периплу», в Лимирику за этими товарами приходили большие корабли (56), что указывает на значительный объем торговых операций. Существенного различия в содержании римско-египетского вывоза в Северо-Западную, Центральную и Южную Индию, судя по этому источнику, не было. Исключение составляет замечание о вывозе в Баригазу золотых и серебряных монет (49). Напротив, клады римских монет происходят преимущественно из районов Южной Индии. Они-то и позволяют проследить динамику развития и характер торговых контактов Римской империи с различными районами Индии и выявить своеобразие связей с Северо-Западной Индией.

§ 4. Индо-римская торговля по данным кладов римских монет в Индии и Центральной Азии

Античные авторы прямо или косвенно свидетельствуют о значительном оттоке римского чекана на восточные рынки. Так, согласно Корнелию Тациту, разорительная роскошь римской аристократии вынудила Тиберия обратиться к сенату с письмом: «Ради драгоценных камней наши состояния уходят к чужим или даже враждебным народам» (Тацит III, 53). Оценивая объем индо-римской торговли, Плиний писал, что ежегодно она выкачивает из империи не менее 55 млн. сестерциев (VI, 101), а это составляло более половины всей суммы, поглощаемой восточной торговлей (с Аравией, Китаем и Индией), равной 100 млн. сестерциев (XII, 84)¹⁷. Как справедливо предположил М. М. Хвостов, в своих подсчетах Плиний мог основываться на размерах таможенных пошлин (см. гл. I, § 4) [Хвостов, 1907, с. 410, примеч. 2]. И если это так, то, очевидно, какая-то часть суммы выплачивалась товарами. На одном остраконе из Миос-Гормоса сообщается о вывозе из Египта в Индию большого количества натуральных продуктов и обработанных товаров и одной корзины с монетами [West, Johnson, 1944, с. 77, 90]. На долю Египта, по подсчетам А. Джонсона, из суммы, названной Плинием в качестве оплаты за восточные товары, приходилось от 25 до 40 млн. сестерциев (имеется в виду морская торговля) [Johnson, 1936, с. 345].

Из Египта, как видно из содержания предыдущей главы, на восточные рынки вывозились преимущественно готовые изделия, но собственно Рим предоставлял звонкую монету, взамен которой римляне получили индийские товары, стоимость которых в сто раз превосходила первоначальную (Plin. VI, 101). О вывозе монет из империи свидетельствует автор «Перипла». Он пишет, что в Музу и Кану переправлялись серебряные монеты (24, 28), а в Баригазу — золотые и серебряные монеты (49). О римских монетах сообщают и индийские источники. Например, в Артхашастре упоминаются ауреи, денарии, драхмы и тетрадрахмы [Зограф, 1951, с. 101]. Сведения о них имеются и в тамильских текстах [Krishnam, 1958]¹⁸. В одной надписи, найденной в Нагарюнаконде, сообщается о дарах храму в виде *dināris* различными сообществами, где слово *dināri* рассматривается исследователями как происходящее от *dinarius*, обозначающее римские серебряные монеты [Ray, 1988, с. 320].

Многочисленные римские монеты, найденные в Индии в виде кладов и отдельных экземпляров, позволяют не только оценить в полной мере справедливость сообщений письменных источников о значительном вывозе римских чеканов далеко за пределы Римской империи, но рассмотреть те проблемы, которые возникли перед исследователями в связи с этими находками. Согласно очень распространенной среди исследователей точке зре-

ния, Римская империя имела пассивные позиции в торговле с Индией. Эта концепция «неблагоприятного баланса» сводится к следующему: Римская империя, заинтересованная в получении из Индии предметов роскоши — драгоценных камней, специй, шелка (поступавшего в Индию транзитом из Китая) и прочих товаров, не располагала адекватными по стоимости товарами, которые могли бы пользоваться спросом на индийских рынках, поэтому вынуждена была вывозить значительное количество золотых и серебряных монет, которые Индия охотно принимала. Такое определение, однако, носит скорее моделирующий характер. В действительности за ним стоит целый спектр акцентов и оценок, которые требуют к себе более пристального внимания, ибо сформулированная концепция отражает не что иное, как постановку и решение многогранной проблемы экономических связей Римской империи и Индии в первые века нашей эры. Эта проблема стала предметом многолетних исследований и научных дискуссий по вопросам о формах обменных отношений Римской империи с различными районами Индии и Центральной Азии, их территориальных и хронологических рамках, динамике развития, роли римских монет в Индии, их причастности к генезису кушанского золотого чекана. Эти и ряд других вопросов находятся в неразрывном единстве, однако решаются они подчас на декларативном уровне, с различными акцентами, на базе далеко не всегда бесспорных фактов и рабочих гипотез, которые приравниваются к окончательным заключениям. Такие характеристики, однако, должны не рассматриваться в качестве упрека в адрес исследователей, а квалифицировать сложность проблемы, освещенной многочисленными, но отрывочными и трудноинтерпретируемыми источниками, какими являются римские монеты в Индии и Центральной Азии.

По данным И. Сешадри, зарегистрировано 62 местонахождения римских монет в Индии и Центральной Азии, 57 из которых локализируются собственно на п-ове Индостан¹⁹, остальные происходят из более северных районов [Seshadri, 1966]. Кроме того, римские монеты обнаружены на Шри-Ланке [Walburg, 1985]. Обратимся к анализу кладов (табл. III; карта 3).

В Пакистане известно 5 кладов, содержащих римские монеты:

1. Кохат (№ 1). 70 республиканских денариев.
2. Равалпинди (Мангла) (№ 2). Вместе с кушанскими монетами (от чекана Куджулы Кадфиза до Канишки) найдено 7 сильно изношенных республиканских денариев [Macdowall, 1968, с. 141—142].
3. Хазро (Пакли) (№ 3). Вместе с кушанскими монетами обнаружено 23 римских денария: 8 — республиканских, 12 — чекана Августа и 1 монета Адриана.
4. Джелалабад (Ахин Пош) (№ 5). Вместе с кушанскими монетами (от чекана Вимы Кадфиза до Хувишки) — 3 римских аурея: Домициана, Траяна и Сабины [Macdowall, 1968, с. 143].

№	Локализация	Количество монет в кладе		РАСПРЕДЕЛЕНИЕ МОНЕТ ПО ЧЕКАНАМ																	Примечания											
		аурен	денарии	республиканские монеты	Августа	Тиберия	Калигулы	Клавдия	Нерона	Веспасиана	Домициана	Нервы	Траяна	Адриана	Антонина Пия	Марка Аврелия	Луция Фера	Коммода	Септимия Севера	Каракаллы		Геты	Гордиана I	Константина	Феодосия II	Марциана	Льва I	Зенона	Анастасия	Юстиниана		
31	Вишакхата- нам, Гумада	23																				...										Наиболее поздние — монеты Константина Великого
32	Траванкоре, Пуданкаву	6																						1	1	1	1	1	1			
33	Коттаям (древняя Нелькинда)	80— 90			?	30	2	20	16					1																		Остальные монеты не отождествлены
34	Тричур, Ейал	12	71	4	34	14		5	5																							1 денарий Марка Антония; 4 — сената консула
35	Соляпур, Дхарпхул	18											...	...	...	...	...	...	...	...	...	...										Распределение монет по чеканам не определено
36	Северный Таджикистан, р-н г. Ура- Тюбе		19							1		1	4	9	2		2															В кладе находились 300 монет этих императоров

5. Таксила (№ 4). Вместе с серебряными драхмами Азилиса — денарии Августа.

В Северном Таджикистане (в районе г. Ура-Тюбе) был найден клад римских монет (№ 36), включающий один денарий Веспасиана. Остальные денарии принадлежат чекану от Траяна до Коммода при доминировании монет Антонина Пия [Зеймаль, 1962, с. 141—146; Зеймаль, 1983, с. 63—68, примеч. 43].

Прочие клады происходят из Индии. За исключением одного случая (№ 32), клады не сочетают одновременно золотые и серебряные монеты. Хронологически более ранними считаются клады денариев. Это обстоятельство объясняется тем, что после денежной реформы Нерона (64 г. н. э.) содержание серебра в денарии резко снизилось, и эта неполноценная монета уже не пользовалась спросом на индийских рынках; при этом ауреи не пострадали от реформы, и в силу этого обстоятельства их стали вывозить в Индию. В пользу такого решения как будто говорит тот факт, что в кладах денариев наиболее поздними являются монеты Нерона (к тому же численно уступающие более ранним чеканам, особенно Августа и Тиберия). Отмечалось также, что клады денариев преимущественно локализуются в районах Южной Индии, в то время как клады ауреев более характерны для восточных и северо-восточных районов Индии. Остановимся на этом более подробно.

В штатах Мадрас и Майсур обнаружено 8 кладов денариев чеканов от Августа до Нерона общим количеством более 2340 экземпляров²⁰ (№ 6, 7, 8, 9, 11, 12, 18, 19), из которых 4 (№ 7, 8, 9, 18) содержат монеты Августа и Тиберия, 1 (№ 6) — только Августа, 2 (№ 11, 19) — от Августа до Клавдия и 1 (№ 12) — от Августа до Нерона. Подавляющее большинство монет принадлежит чеканам Августа и Тиберия.

Из этих штатов происходит 6 кладов ауреев (№ 10, 13—17), в двух кладах (№ 13, 14) количество монет не установлено, в 4 остальных количество монет составляет 577. Из этого количества кладов один (№ 10) содержал монеты от Августа до Клавдия; 2 — от (?) и Тиберия до Нерона (№ 13, 14); 1 (№ 15) — от Августа до Веспасиана; 1 (№ 16) — от Августа до Коммода и 1 (№ 17) — до Адриана. Монеты наиболее поздние в кладах исчисляются единицами.

Таким образом, в Южной Индии зафиксированы клады денариев и ауреев, причем основная масса монет принадлежит чеканам первых императоров, которые вывозились и после их правления: денарии от Августа до Нерона включительно, ауреи от Августа до Адриана включительно. Следовательно, ауреи вывозились дольше, чем денарии, однако хронологически начали вывозиться не после денариев. Вместе с тем в количественном отношении денарии в кладах доминируют. Следует также отметить, что в кладах с фиксированным количеством монет и распределением их по императорам абсолютное большинство денариев принадлежит чеканам Августа и Тиберия (представленным

одним типом монет), а среди доминирующих в количественном отношении ауреев в кладах в эту категорию входят также монеты Клавдия и Нерона (где монеты Нерона не являются наиболее поздними).

В штате Траванкур-Кочин зафиксирован исключительный случай совместного содержания в кладе денариев и ауреев.

В штате Андхра найдено 4 клада денариев (№ 21—23, 25) общим числом 1585 экземпляров от Августа до Нерона (?) с явным преобладанием монет Августа и Тиберия. В двух кладах находились монеты первых двух императоров (№ 22, 23), один — Тиберия (№ 21) и последний (№ 25) — от Августа до Нерона (?). В 8 известных здесь кладах содержалось 147 ауреев: в кладе № 24 наиболее поздними являлись монеты Антонина Пия, в № 26 — от Тиберия до Септимия Севера, № 27 — от Августа до Фаустины, № 28 — от Клавдия до Антонина Пия, № 29 — от Адриана до Марка Аврелия, № 31 — в качестве наиболее поздних содержал монеты Константина Великого и, наконец, № 32 (ибо клад № 30 не опубликован) включал монеты от Феодосия II до Юстиниана. Ни о каком преобладании монет того или иного императора говорить не приходится — все они исчисляются единицами.

В Ориссе известен один клад, предположительно содержащий денарии Августа (№ 20).

Таким образом, в Восточной Индии прослеживается та же картина, что и в Южной Индии, с той лишь разницей, что здесь наиболее поздние ауреи относятся к чеканам Юстиниана и Константина Великого. В количественном отношении доминируют денарии, хотя кладов с серебряными монетами вдвое меньше, чем с аурейми. В целом здесь найдено римских монет меньше по сравнению с Южной Индией.

Итак, на основании анализа содержания кладов римских монет из Индии и сопредельных областей вырисовывается следующая картина. В I в. н. э. осуществлялась морская торговля с Южной Индией через порты Лимирики. Скопление огромного количества римских золотых и серебряных монет в районе Коямпуттур, как уже отмечалось в литературе [Wheeler, 1946, с. 116; Wheeler, 1955, с. 171—172], было связано с разработками бериллов, служивших предметом индийского вывоза. Одновременно и столь же активно функционировала торговая магистраль, связывавшая Римскую империю с областями Восточной Индии, очевидно, через эти же порты в I в. н. э., а в дальнейшем морским путем, протянувшимся до Коромандельского берега²¹. Со второй половины I в. н. э. произошли некоторые изменения. Рим прекратил вывоз серебряной монеты, продолжая посылать ауреи: в Южную Индию до первой половины II в. н. э., в Восточную значительно дольше — до первой половины IV в. н. э. Однако клады, составленные из монет после середины II в. н. э., чрезвычайно скромны.

Наметившаяся тенденция к уменьшению количества кладов

особенно ярко проявилась в более северных областях, а содержание кладов позволяет говорить о торговых контактах Рима с этими территориями не раньше конца I — начала II в. н. э.²²

Таким образом, анализ кладов римских монет из Индии в целом как будто свидетельствует об уменьшении объема римско-индийской торговли начиная со II в. н. э. Это обстоятельство вызвало недоумения у исследователей. «Почему,— писал М. М. Хвостов,— несмотря на то, что для II в. н. э. мы имеем все основания говорить о широкой торговле с Индией, более того, о ее расцвете, нумизматический материал этого не отражает?» [Хвостов, 1907, с. 401]. Сам исследователь достаточно убедительно определил мотивировку этого процесса, одновременно выступая в качестве оппонента точки зрения Р. Шевела, объясняющего его упрощением образа жизни римской аристократии в связи с экономическим упадком в Римской империи, не способной уже вывозить значительное количество звонкой монеты в обмен на предметы роскоши и поэтому ориентировавшейся на торговлю с более северными районами Индии, выращивающими хлопок. Аргументация М. М. Хвостова опирается на экономические рычаги торговли и эволюцию в области искусства мореплавания: для отхода от торговли предметами роскоши и замены ее более дешевыми товарами, такими, как хлопок и изделия из него, необходимо было, чтобы торговля последними стала достаточно выгодна для купцов, т. е. чтобы спрос на эти товары был достаточно велик и сообщение стало дешевым и безопасным [Хвостов, 1907, с. 403]. Перемещением центров римско-индийской торговли, по мнению М. М. Хвостова, объясняется факт обнаружения на юге главным образом монет Августа и Тиберия, а на севере — Флавиев, Траяна, Антонинов и Северов.

С точки зрения эволюции индо-римской торговли нет основания не разделить мнение М. М. Хвостова, ибо истоки торгово-экономических связей во все времена начинались с обмена престижными, дорогостоящими, диковинными товарами, предназначенными в первую очередь социальным верхам. При благоприятных условиях торговля становится более демократичной, рассчитанной на значительно более широкие социальные слои общества, а следовательно, более объемной и интенсивной. Такова модель торговых контактов, и она достаточно универсальна. Однако, как свидетельствуют факты, относящиеся не только к периоду становления индо-римской морской торговли, но и к этапам ее последующего развития в течение II—III вв. н. э., римский мир отнюдь не отказался от индийских драгоценностей, китайского шелка и пряностей Южной Индии. Они по-прежнему, и даже в больших масштабах проникали на запад. Изготовление лекарственных препаратов требовало ингредиентов, которые происходили из Индии, в том числе перца; многосоставные притирания и мази, которые готовились в египетских мастерских, также основывались на привозимом (из Аравии, Индии

и Азии) сырье. Иными словами, многие виды товаров египетско-римского ремесла напрямую зависели от восточной торговли, и, в свою очередь, восточные рынки становились заинтересованными в имперских товарах, как дорогостоящих, так и предназначенных для широких масс населения.

М. М. Хвостов полагал, что римская торговля с Востоком базировалась на разных формах обмена. В прибрежных торговых центрах Восточной Африки и Индии устанавливался денежный обмен, причем римская монета доминировала в тех районах, где чеканилась местная монета, в глубинных районах Индии купцы эпохи Антонинов предпочитали меновую торговлю. М. М. Хвостовым была высказана идея, подхваченная впоследствии многими исследователями: для поддержания торговли с Индией Рим чеканил специальную монету, подражающую монетам Августа и Тиберия, пользовавшуюся доверием индийцев ([Хвостов, 1907, с. 407—408; 401—402], о торговой монете см. [Зограф, 1951, с. 99]). Отлив из страны золота хотя, по словам М. М. Хвостова, и нежелательное явление, однако не катастрофическое: истории известны примеры перевеса ввоза над вывозом в странах, внутренне вполне благополучных. Дестабилизация финансового положения в Римской империи являлась следствием именно внутренних причин [Хвостов, 1907, с. 410—411].

Под иным углом зрения вопросы о «неблагоприятном балансе» и натурализации индо-римской торговли рассмотрены в монографии Е. Вармингтона. Он полагал, что Рим мог поддерживать торговые отношения с Индией, вывозя золотой и серебряный чекан в достаточном количестве. При этом для крупных сделок употреблялась золотая монета, для более мелких расчетов применялись денарии. Собственно, товары из Римской империи не отличались разнообразием, но поскольку в Индию снаряжались большегрузные корабли, в соответствии с объемами закупаемых товаров они должны были обладать достаточными количественными, а главное — весовыми показателями и служить, таким образом, необходимым судну балластом. Эти товары играли второстепенную роль в римском вывозе и предназначались для социальных низов. Основная роль принадлежала звонкой монете, которая в Индии являлась не только обменным товаром: она ввозилась для создания римского денежного обращения, главным образом среди тамилы [Warmington, 1974, с. 273 и сл.]. Доминирование в кладах монет Августа и Тиберия указывает на время расцвета этой торговли. Придерживаться такой политики старались и Нерон, вывозивший монеты своих предшественников, и Веспасиан, вынужденный вывозить ауреи, не пострадавшие от реформы²³. Изменения в характере товарообмена привели во II в. н. э. к исчезновению кладов (при сохранении раннеримских монет в индийском обращении), в этом же причина малочисленности их в северных районах. К тому же на север Индии, по мнению Е. Вармингтона, римляне вообще не ввозили монеты в таком количестве, как на юг, но

те серебряные монеты, которые все же попадали в эти области через порт Баригаду, переплавлялись саками и андрами. Отсутствие золотых римских монет в сколько-нибудь значительном количестве объясняется тем обстоятельством, что кушанские цари, заинтересованные в торговле, стали чеканить «полу-римские» монеты, желая привлечь греков и сирийцев, и таким образом, связи с Западом были установлены на прочной экономической основе ([Warmington, 1974, с. 282 и сл.], см. также [Unithan, 1964, с. 357; Thakur, 1980, с. 99]). В отличие от М. М. Хвостова Е. Вармингтон усматривал изменения не в локализации индо-римской торговли начиная со времен Веспасиана, а в характере западного экспорта, т. е. в его натурализации. В качестве аргумента он приводит пассаж Павсания (III, 12, 4), в котором говорится о безмонетном обмене греческих товаров на индийские [Warmington, 1974, с. 294]. Правда, в другом месте Е. Вармингтон все же отмечает территориальную переориентацию в индо-римской торговле: полное исчезновение кладов римских монет в Южной Индии не означало ее затухания как в этом регионе, так и в целом для Индии; изменилась морская и сухопутная торговля, переместился центр индийской торговли в северо-западные области, которые были связаны с другими районами Индии коммуникациями по всем направлениям²⁴. Морская торговля осуществлялась через Баригаду, а также по удлиненной ко II в. н. э. морской трассе, достигавшей Коромандельского берега. По этим путям римские монеты поступали в северо-западные и восточные области Индии [Warmington, 1974, с. 288—289].

Таким образом, расхождения между М. М. Хвостовым и Е. Вармингтоном в поисках причин исчезновения кладов римских монет в Южной Индии не столь велики, поскольку Е. Вармингтон сам констатирует факт перемещения центра торговли в более северные районы (лишь подчеркивая важность коммуникаций, по которым тамилы привозили свои товары в Баригаду). В настоящее время большинство исследователей разделяют эту точку зрения [Gupta, 1965, с. 52—53; Sedlar, 1980, с. 95, 261—262]. В пользу этого свидетельствует и тот факт, что античные географы и писатели повествуют в своих трудах о территориях, преимущественно прилежащих к Инду и его притокам. Индийский исследователь Х. П. Рау высказал соображение относительно римских монет в Индии, по существу представляющее собой квинтэссенцию точек зрения обоих ученых. Сущность этой идеи состоит в следующем: римские монеты вводились в обращение в тех районах Индии, в которых собственное денежное обращение отсутствовало, — в Восточной и Южной Индии, и наоборот, римские монеты рассматривались как слитки там, где оно существовало, например на Западном Декане [Raу, 1988, с. 321—322].

Активизация торговли в северо-западных областях не сопровождалась вывозом столь большого количества монет, как это

было в Южной Индии. Помимо пяти кладов, которые довольно компактно локализируются на территории, прилегающей к излучине Инда, и одного из Таджикистана из Средней Азии происходит несколько десятков римских монет²⁵. Так, в Узбекистане при раскопках городища Хайрабад-тепе (недалеко от Термеза) был найден медный сестерций Нерона [Жуков, 1960, с. 124]. С территории Киргизской ССР происходит несколько римских монет. Это денарии I—II вв., относящиеся к чеканам Веспасиана и Адриана. Как отметил М. Е. Массон, для Средней Азии более свойственны находки денариев Домициана, Траяна, Антонина Пия и Марка Аврелия [Массон, 1948, с. 135—136]. В Казахской ССР был найден денарий III в. н. э., принадлежавший чекану Аврелиана Августа [Массон, 1948, с. 136]. Кроме того, отмечена находка медного посеребренного «антониана» александрийского чекана Диоклетиана, происходящего из района оз. Иссык-Куль [Археологические памятники, 1975, с. 83—86, рис. 33].

В Северном Афганистане Французская археологическая экспедиция обнаружила большое количество римских монет поздних императоров (в том числе Феодосия II). В Беграме зафиксированы монеты Траяна и Домициана [Barger, 1941, с. 4—5; Haskin, 1935, с. 287—292; Scerrato, 1962, с. 17—23], в Таксиле — денарий, Тиберия [Wheeler, 1955, с. 189], в докушанском Тилля-Тепе — аурей Тиберия [Сарианиди, Кошеленко, 1982, с. 313—314, рис. I/4].

Столь малое по сравнению с Южной Индией количество римских монет долгое время рассматривалось как факт перечеканивания привозных монет кушанами. Правда, это мнение разделяют далеко не все исследователи. Еще Е. Вармингтон отмечал, что базой для создания золотого кушанского чекана послужили местные, индийские, ресурсы или разработки на Ближнем Востоке ([Warmington, 1974, с. 299], см. также [Unithan, 1964, с. 355]). Эта же идея прозвучала и в публикации У. Тхакура, который, ссылаясь на письменные источники, пришел к выводу, что золото для кушанского чекана могло поступать как из регионов, находившихся в сфере их влияния, так и в виде ввоза из Скифии, с Урала, Алтая и из Центральной Азии [Thakur, 1980].

По мнению М. Уилера, кушанские цари переплавляли римские ауреи (см. также [Gupta, 1965, с. 11—12]), чтобы их собственный золотой чекан, восходящий к римскому стандарту, не испытывал соперничества со стороны привозной монеты. К тому же римские монеты не могли создать базу для кушанского золотого чекана, поскольку в пору наивысшего расцвета Кушанского царства — ко II в. н. э. — приток ауреев в Индию был резко приостановлен, а серебряные денарии к тому времени уже практически не вывозились. Как полагает М. Уилер, ни ауреи, ни денарии не играли роли денег в Южной Индии, поскольку она экономически не была подготовлена к этому.

Здесь никогда не чеканилось собственной золотой и серебряной монеты, с которой мог бы сопоставляться римский чекан. Поэтому аурей и денарии расценивались в Индии как слитки. В римской торговой фактории Арикамеду монет не было найдено вовсе, что подтверждает отсутствие на полуострове денежного обращения. Напротив, многочисленные примеры порчи изображений на римских монетах, продельвания в них отверстий указывают на их использование в качестве украшений [Wheeler, 1955, с. 167 и сл.].

Близка выводам М. Уилера позиция К. Родеуальда. Факт порчи римских монет в Индии он рассматривает исключительно в качестве показателя отношения к ним в этой стране как к слиткам, ибо они уже не могли бы быть использованы для приобретения товаров у приезжего торговца. Что касается отсутствия кладов римских монет в Северной Индии, то подобную ситуацию автор предположительно объясняет наличием местного золотого и серебряного чеканов. В отличие от процитированных выше авторов К. Родеуальд не считает, что в индийской торговле Рим имел неблагоприятный баланс, поскольку наряду с монетами из империи вывозились и товары, о чем сообщает автор «Перипла», археологические находки римских изделий в Арикамеду. Значительно больший акцент исследователь делает на выявлении причин устойчивости типов римских монет Августа и Тиберия, а также предпочтения в Южной Индии ауреев денариям, которые на определенном этапе торговли перестают вывозить. Предположительно это обстоятельство объясняется автором изменениями импорта из Индии в связи с открытием прямых плаваний через океан из Счастливой Аравии в Южную Индию в 40—50-е годы I в. н. э. (см. гл. I, § 3) [Rodewald, 1976, с. 48—50].

Развернутая критика концепции о «неблагоприятном балансе» прозвучала в работе М. Рашке. Вслед за М. М. Хвостовым этот исследователь считает, что ни о каком угасании индо-римской торговли после первых двух римских императоров речи быть не может, хотя нумизматический материал как будто указывает именно на это обстоятельство. Все прочие источники, в том числе данные папирологии и эпиграфики, свидетельствуют о ее расцвете вплоть до III—IV вв. н. э. И эта процветающая торговля не может характеризоваться как имеющая неблагоприятный баланс для Римской империи по той причине, что период ее активизации был хронологически позднее первой половины I в. н. э. и растянулся на несколько столетий. Рим расплачивался не только монетами (ауреями), но слитками благородных металлов и произведениями искусства. Такое положение сложилось после того, как денарии Августа и Тиберия, вывозившиеся в Индию, стали дефицитными. И если взглянуть на клады римских монет в Индии с этой точки зрения, то они перестают иметь хронологическое значение, поскольку нам неизвестна детальная механика вывоза римских чеканов в Индию.

М. Рашке отверг бытующую в науке точку зрения, согласно которой денарии и ауреи Августа и Тиберия, не будучи самыми хорошими в смысле веса, но получившие предпочтение перед другими римскими эмиссиями в Индии, специально чеканились для индийской торговли, равно как и идею о чеканке именно этих монет последующими императорами для поддержания торговли в Индии. Эти монеты собирались менялами на Ближнем Востоке или в западных провинциях, а затем через Египет переправлялись в Индию. Таким образом, индийские клады римских монет не только не отражают хронологических параметров, они не определяют чекана, который находился в обращении в Египте периода непосредственных торговых контактов с Индией [Raschke, 1978, с. 667—670].

Что же касается Северной Индии, то здесь наглядно прослеживается незначительность притока римских монет. Даже те, которые были обнаружены в этом регионе, происходят из монастырских сокровищниц и имеют причастность скорее к деятельности буддийских монахов и миссионеров, чем к торговле. Китайский шелк, который являлся основным товаром, поступавшим в индийские порты Барбарикон и Баригазу через Восточный Туркестан и Бактрию, обменивался на слитки, произведенные искусства и предметы роскоши [Raschke, 1978, с. 630 и сл.]. М. Рашке категорически отвергает идею о переплавке римских ауреев кушанскими царями, ибо этот факт не дает объяснения отсутствию здесь денариев, поскольку кушаны не чеканили серебряной монеты (за исключением первых правителей). В Индии были свои источники золота и серебра. Кроме того, по мнению М. Рашке, золотой кушанский чекан относится к более позднему времени, чем период проникновения в Индию римских золотых монет, которые он мог заменить в Восточной и Центральной Индии после прекращения ввоза римских монет в Индию [Raschke, 1978, с. 631 и сл.].

М. Рашке отклоняет и другую идею, объясняющую причины малого количества римских монет к северу от Индостана, идею их вывоза во внутренние области Кушанского царства, на том основании, что там такие находки кладов практически отсутствуют. В результате автор приходит к выводу, что в торговле Римской империи с Северной Индией серьезного дисбаланса не было. Вместе с тем автор призывает к осторожности в выводах: наличие иностранного чекана — единственное археологическое и достаточно выразительное проявление нарушенного баланса в торговле. Ведь в Южной Аравии, с которой, как он считает, римская торговля также испытывала неблагоприятный баланс, имперский чекан почти не встречается. Как и в Северной Индии, римская торговля могла осуществляться посредством слитков, заменявших монеты. И судя по отсутствию каких-либо документов из Римской империи о запрещении вывоза золота за ее пределы, для внутрифинансового положения особенно серьезного отрицательного эффекта это не имело. И в этом

его позиция близка точке зрения М. М. Хвостова (см. выше). Вместе с тем М. Рашке рассматривает вопрос о механизме индо-римской торговли на индийских рынках через обмен привозных римских монет на различные местные чеканы: на севере это были серебряные клейменные индийские, индо-греческие, индо-парфянские монеты, монеты Сатаваханов, западных кшатрапов и кушанские (в период, не отраженный в «Перипле», так как автор датирует этот источник между 40-м и 70-м годами н. э., когда кушаны занимали территории к северу от Гиндукуша). На юге римский чекан обменивался на серебряные клейменные индийские монеты, редко встречаемые южнее р. Кистны и составлявшие основу местного чекана, а также свинцовые монеты Сатаваханов и даже раковины каури. Нередкие случаи местных надчеканов на римских монетах штампами клейменных индийских монет (например, из клада в Аккенпали) автор связывает не с деятельностью одного из южноиндийских правителей, а с функционированием местных индийских торговых объединений, пытавшихся таким путем ликвидировать первоначальный авторитет монеты [Raschke, 1978, с. 671—672]. Это можно проследить на большой серии монет от чекана Клавдия до Константина [Gupta, 1965, с. 68—70; Wheeler, 1955, с. 169—170].

В свете анализа содержания кладов римских монет из Индии и сопредельных территорий, а также учитывая различные позиции по наиболее ключевым и дискуссионным вопросам, отраженным в исследовательской литературе, историко-культурная интерпретация индо-римской морской торговли представляется следующей. Прямые контакты Римской империи и Индии по морю осуществлялись в период с I по III — начало IV в. н. э., и в течение этого времени торговые отношения претерпевали изменения, связанные как с их содержанием, так и с территориальной локализацией. При этом формы обмена зависели не столько от перемещения центров этой торговли в Индии в направлении север — юг, сколько от местонахождения рынка в прибрежных или глубинных районах.

На первом этапе, на протяжении I в. н. э. — первой половины II в. н. э., купцы и мореплаватели из Египта ориентировались на рынки южной оконечности западного и восточного берегов Индостана в целях приобретения драгоценных камней, специй, жемчуга и других товаров, взамен которых сюда вывозилось значительное количество золотых и серебряных монет с высоким содержанием драгоценных металлов. Тот же ассортимент товаров привлекал их и в юго-восточные и восточные области Индии до тех пор, пока внутриэкономические, точнее, внутрифинансовые затруднения второй половины I в. н. э. не продиктовали необходимость уменьшить объем ввозимой золотой монеты и полностью изъять серебряные из обмена с Индией. Продолжение вывоза ауреев чеканов I — первой половины II в. н. э. во все еще значительном количестве свидетельствует о достаточно активных торговых связях этого региона Индии с им-

перией. Тем более что наряду с монетами сюда, как сообщает автор «Перипла», вывозились и товары. Существование римской торговой фактории Арикамеда здесь по крайней мере до конца II в. н. э. служит безусловным аргументом в пользу такого вывода. Однако прекращение деятельности этого торгового центра, а также резкое сокращение монетных находок римских чеканов после первой половины II в. н. э. достаточно симптоматично с точки зрения спада активности посещения римско-египетскими купцами Южной Индии. Необходимо подчеркнуть — именно посещений, поскольку торговля товарами из Южной Индии с западными купцами продолжалась (Перипл 49), однако механизмы ее претерпели изменения, так как центры индо-римской торговли переместились в более северные районы, куда предметы индийской торговли поступали по системе коммуникаций, густо пересекавших полуостров и в широтном, и в меридиональном направлениях. Перемещение центров римской торговли в Индии не сопровождалось новой волной ввоза римских монет. Напротив, раз начавшись, процесс сокращения ввоза звонкой монеты был ощутим со второй половины II в. н. э. и позднее в Центральной и в Северо-Западной Индии, т. е. на территориях, на которых с этого столетия находились рынки индо-римского товарообмена. Однако вся совокупность источников (как было отмечено М. М. Хвостовым на основе их анализа) свидетельствует об интенсивности индо-римской торговли во II—IV вв. н. э. Для оценки значительности ее объема можно привести данные папирусов и остраконов из провинциальных городов Египта, в которых говорится об индийских специях и благовониях, причем в отличие от подобных документов, относящихся ко II в. н. э. и тем более к птолемеевской эпохе, эти индийские товары наиболее часто упоминаются в соответствующих источниках III—IV вв. н. э. [Raschke, 1975, с. 244—245]. Принципиально важно, что упоминаемые автором «Перипла» греко-римские изделия, привозившиеся в индийские порты Барбарикон и Баригаза, подтверждаются археологическими находками из Гандхары и Бактрии, большая часть которых связана с комплексами кушанского времени. Существенно и то, что из пяти кладов, которые достаточно компактно сконцентрированы в районе излучины Инда, три сочетают римские и кушанские монеты. Обнаруженные в буддийских святилищах, все пять североиндийских кладов представляется возможным связывать с торговлей, подобно тому как это было в Центральной Индии [Ray, 1988]. Тем более что отдельные находки римских монет встречаются в Афганистане и Средней Азии, где зафиксирован клад римских монет (см. гл. I, § 2).

Каковы же причины перемещения центров индо-римской торговли в северные области Индии? Ответ на этот вопрос может последовать после того, как индийские порты Барбарикон и Баригаза будут упомянуты в связи с функционированием ответвления в их сторону Великого шелкового пути (см. гл. I, § 2),

которое через Гандхару и Бактрию связывало их с Китаем, откуда поступал один из основных восточных товаров — китайский шелк (Перипл 39, 49). Политическая стабилизация в Центральной Азии в связи с образованием Кушанского царства способствовала международной торговле на данном участке, и кушаны стали заинтересованной стороной в этой транзитной торговле (см. гл. I, § 2). Через Баригазу, которая была связана караванными дорогами со всем субконтинентом, римский чекан распространялся как в северном направлении, так и в Восточную и Северо-Восточную Индию вплоть до IV в. н. э., на территории, находившиеся под экономическим и политическим контролем Великих Кушан²⁶.

Автор «Перипла» сообщает о вывозе в Баригазу римских золотых и серебряных монет, выгодно обмениваемых на местные (Перипл 49). Эта фраза не позволяет сомневаться в том, что индо-римский товарообмен предусматривал и наличие товарно-денежных отношений, т. е. не форму прямого обмена привозных монет на местный товар, а обмен денежных знаков, предваряющий приобретение товаров²⁷. Остается лишь строить гипотезы о том, какие местные монеты имел в виду аноним. Можно, однако, предположить, что среди них могли быть и кушанские, которые сами по себе свидетельствуют о торговле и культурных взаимодействиях с римским миром (см. гл. II, § 5). Осуществлялся ли «пограничный» обмен привозных римских монет на местные чеканы в других портах, скажем Лимирики, неизвестно. Скопление огромного количества римских монет на юге заставило задуматься над вопросом о роли их в Индии. Попытки увидеть в этом проявление целенаправленной римской политики по введению римского денежного обращения у тамиллов, у которых не сложились условия для собственного денежного обращения на основе чекана из благородных металлов, были подвергнуты справедливой критике. Более реально видеть в римских монетах обменный товар, адекватный по стоимости высокоценным индийским товарам: авторитет монеты, маркированной изображением императора, не играл роли на индийских рынках, они ценились как слитки и в этом качестве могли циркулировать, переходить из рук в руки и, наконец, отложиться вкладах. Наряду с этим они использовались и как украшения. Случаи надчеканов вполне определенно отвергают идею Е. Вармингтона о римском денежном обращении в Южной Индии.

Вообще говоря, вопросы о местных индийских чеканах и формах обмена на международных рынках чрезвычайно проблематичны, ибо освещены источниками очень скупо и фрагментарно. По-видимому, границы индийских государств не служили препятствием для проникновения различных чеканов, в том числе иноземных и выпущенных в предшествующие исторические периоды. На шумных рынках можно было встретить разные монеты, пользовавшиеся доверием у торговцев. Есть прямые указания источников (см. Перипл 49) о товарно-денежном харак-

тере торговли. Так, согласно буддийской литературе, деньги выступали в роли посредника обмена. В текстах упоминаются по крайней мере три типа монет: *dīpāga*, *puḡāṇa* и *kāṅgshāpaṇa*. Согласно отождествлению, приведенному Б. Н. Пури, два последних термина обозначают соответственно серебряные и медные монеты, но отождествление слова *dīpāgas* с золотыми монетами затруднительно, хотя золотые кусочки (слитки) упоминаются в буддийских текстах [Puri, 1965, с. 115]. У Филострата можно почерпнуть два факта насчет способов индо-египетского обмена. В одном месте речь идет о египетских кораблях, которые строят египтяне, «когда отправляются в наши моря ради обмена индийского товара на египетский» (Филострат 3, 35). Здесь как будто говорится о прямом обмене товара на товар без монет. Однако в другом месте имеется явное свидетельство существования индийского денежного обращения из «самородной и черной меди — и, разумеется, попавши в Индию, всякий должен за все расплачиваться именно такими деньгами» (Филострат 2, 7). Речь идет о территориях, заключенных между Гиндукушем и течением р. Кабул, однако историческая идентификация, а следовательно, и принадлежность этого медного чекана проблематична. Можно лишь отметить, что, как и в «Перипле», здесь должна быть запечатлена ситуация второй половины I в. н. э. (см. примеч. 1 к «Введению»), с точки зрения нумизматики ситуация исключительно сложная и запутанная. В пользу прямого товарообмена нередко приводится фраза Павсания, вторая часть которой, как правило не цитируемая, но как раз и представляется наиболее важной, так как вносит определенные уточнения: «Ведь и те, кто плавают в Индию, говорят, что за эллинские товары индийцы в обмен дают разные вещи, но (чеканенных) монет не знают, несмотря на то что у них обилие золота и имеется много меди» (Павсаний III, 12, 4). Это свидетельство в пользу существования альтернативной, а не единственной формы индо-римской торговли.

В политическом и экономическом отношении Индия первых веков нашей эры не была едина. Полуостров представлял собой конгломерат царств и владений, на которые распалась империя Сатаваханов, находившаяся в единоборстве с кшатрапскими правителями. Такая нестабильность должна была отразиться во всех сферах жизни Индии, в том числе в смешении различных чеканов, что и прослеживается по находкам всевозможных монет. В этих условиях «правила игры» в торговле основывались на достаточно стихийных началах и, по-видимому, были различны. Римские же монеты могли, переходя из рук в руки, находиться в обращении, однако чаще всего они попадали в сокровищницы или клады, о чем свидетельствует их отложение в кладах. Наряду с монетами Римская империя вывозила в Индию и товары, которые непосредственно могли обмениваться на местные. Учитывая относительность всяких аналогий, позволим себе все же отметить, что и в значительно более позднее время,

в XV—XVIII вв., Европа постоянно вывозила на восточные рынки золото и серебро, стимулируя тем самым процесс торговли [Petrov, 1983, с. 18 и сл.], хотя вместе с тем вывозила сюда и товары. При этом серебро и золото использовались для обеспечения производства и получения местных продуктов: они передавались индийским купцам в виде авансов для приобретения товаров, а те, в свою очередь, расплачивались ими с непосредственными производителями, которые к определенному сроку поставляли нужные товары [Гуревич, 1986, с. 39]. Не исключено, что и в индо-римском обмене практиковалась такая авансированная торговля, которая соответствовала периодичности, предопределенной условиями режима ветров в океане, посещений Индии римско-египетскими купцами.

В гл. I, § 4 приводились материалы о взаимных посещениях лиц, причастных к индо-египетской морской торговле. Однако находок индийских монет за пределами Индии неизвестно. Исключением является клад, состоящий из 104 золотых кушанских монет (чеканов от Вимы Кадфиза до Васудевы) в Эфиопии, на территории монастыря в Дабро Дамо, перекрывшего более раннее святилище [Mordini, 1967]. До недавнего времени эта уникальная находка трактовалась в аспекте индо-аксумской торговли III в. н. э. Однако С. Я. Берзина доказала несостоятельность такой версии. В качестве рабочей гипотезы было предложено иное решение. Клад был составлен в царстве Великих Кушан, а затем доставлен в столицу Аксумского царства. Ни письменные, ни археологические источники не позволяют предполагать в Аксумском государстве наличия достаточно развитых товарно-денежных отношений. Следовательно, клад являлся посольским даром кушанского царя Васудевы (чекану которого принадлежат наиболее поздние из составивших клад монет, к тому же неизношенные) и предназначался для местного царя [Берзина, 1984]. Известна еще одна находка. Это медная кушанская монета из Южной Аравии²⁸. В этой связи уместно вспомнить о римских монетах, найденных в Северной Индии также в культовых сооружениях, согласно гипотезе М. Рашке, этот клад также может быть рассмотрен в качестве подношения в святилище Аксумского государства.

Говоря о вывозе римских монет в Индию, имеется в виду функционирование морского пути из Египта, поэтому необходимо остановиться на вопросе о механизме провоза их через Египет, а также привлечения египетско-александрийского чекана к торговле с Индией.

В числе среднеазиатских находок упоминался александрийский «антониниан» Диоклетиана. Такие медные с серебряным покрытием монеты в III в. н. э. были введены в обращение по принудительному курсу, вытеснив денарии с низким содержанием серебра [Археологические памятники, 1975, с. 85]. Ухудшение качества собственно римских монет могло вызвать использование в международной торговле провинциальных монет.

Известно, что в Европе количество кладов, содержащих александрийские монеты имперского времени, достаточно велико [Raschke, 1978, с. 668, с. 1002, примеч. 454]. Встречаются они и в парфянских кладах²⁹. Несколько экземпляров александрийских монет III в. н. э. от Карина до Диоклетиана, известно и в Индии³⁰. Александрийские тетрадрахмы были найдены на Шри-Ланке: одна из них принадлежала чекану Нерона, три — Веспасиана, пять — Адриана и несколько экземпляров — последующих правителей династии Антонинов, всего более десятка монет [Warmington, 1974, с. 122].

По мнению Е. Вармингтона, в I—II в. н. э. в Индию вывозились не египетские монеты (хотя они и попадали туда в некотором количестве), а римские ауреи и денарии. Вместе с тем автор отметил, что индийская торговля воздействовала на александрийский чекан. Так, пишет он, первый взлет увеличения чекана серебряных тетрадрахм александрийского чекана относится ко 2-му году правления Клавдия. Это было связано с путешествием Анния Пломасуса и, возможно, с прогрессом в навигаторском искусстве, основанном на использовании попутных муссонов; кульминации рост чекана достиг на 12-м году правления Нерона и с этого времени стабилизировался до 170 г. н. э. Эти монеты, как и монеты других восточноримских провинций, продолжает автор, заменив ухудшенные пореформенные римские денарии, отправлялись в Индию и на Шри-Ланку в количестве большем, чем прежде [Warmington, 1974, с. 75, 295—296]. В этой связи уместно упомянуть медные монеты александрийского чекана второй половины III в. н. э., хранящиеся в Кабинете Азиатского общества в Калькутте, изданные еще в прошлом веке Дж. Принсепом [Prinsep, 1832, с. 402, табл. II/16—20, III/24—34, 36—38]. Целая коллекция бронзовых и серебряных александрийских монет преимущественно II—III вв. н. э. происходит из Шри-Ланки [Walburg, 1985]. Все эти находки, без сомнения, свидетельствуют о торговых операциях в больших или меньших масштабах за пределами Египта.

Надо сказать, что на сегодняшний день вопрос о денежном обращении в Египте в римский период изучен слабо, поскольку он скупое освещение источниками, в результате чего был предложен ряд гипотез исторического характера. Например, остается неясным механизм вывоза через Египет римских монет, предназначенных для торговли с Индией. Спорным остается и вопрос о том, были ли в обращении в самом Египте римские денарии и ауреи (известные в египетских кладах) и, наконец, вывозились ли александрийские монеты за пределы Египта.

Изменения на внешнем рынке, безусловно, должны были отразиться на экономике Египта — главного экспортера Римской империи в страны Востока, в том числе в Индию. Это затронуло и область монетного чекана. Рядом исследователей высказывалось предположение, что в самом Египте не были в обращении ни римский аурей, ни денарий. Эта догадка подкрепляется

практически полным отсутствием в египетских папирусах упоминаний о золотых монетах [West, Johnson, 1944, с. 70]³¹. Другим аргументом в пользу такого предположения служит факт неизношенности денариев в индийских кладах [Rodewald, 1976, с. 49], хотя они и проходили через Египет. Правда, этот аргумент мог бы характеризовать ситуацию, при которой денарии, предназначенные для Индии, не были в обращении в Египте. Однако известно, что уже в птолемеевское время серебряные монеты изготавливались для внешней торговли в силу высокой цены этого металла; для внутренних нужд страны чеканилась бронзовая и низкопробная серебряная монета [Grant, 1954, с. 89]. Такой политики, очевидно, придерживались и в римское время по отношению к полноценной серебряной монете. В самом Египте в обращении находилась низкопробная серебряная монета, введенная Тиберием по образцу птолемеевской, и бронзовая. Таким образом, вывоз высококачественной золотой и серебряной монеты, с одной стороны, и отсутствие в денежном обращении Египта римских монет — с другой, предполагало обмен денег на территории Египта. Эти операции должны были производиться в Александрии или Копте — центрах торговли с Индией [Rodewald, 1976, с. 49; Raschke, 1978, с. 668]³². На существование такой системы обмена как будто указывают китайские источники: «Когда послы соседних стран прибывают к ним на границу, то с границы они едут до самой столицы, пользуясь услугами почтовых станций. А когда прибывают в столицу, то им выдают золотые монеты» (цит. по [Вельгус, 1978, с. 151]). Как отмечал М. Ростовцев, еще Птолемеи предусматривали в своей экономике торговлю иностранной монетой [Rostovtzev, 1932, с. 170], что сохранилось, видимо, и в римское время. Увеличение объема торговли, обусловленное прогрессом в мореплавании, которое требовало со стороны Рима большего количества вывозимой полноценной золотой и серебряной монеты, в свою очередь, воздействовало на укрупнение денежных обменных операций, обусловивших рост египетских эмиссий, которые, таким образом, служили промежуточной монетой в международной торговле. Вместе с тем находки александрийских монет на Востоке не позволяют категорически исключить возможность их направленного вывоза (по крайней мере в определенный период), на что указывают находки отдельных пореформенных римских денариев в Индии и глубинных районах Центральной Азии, не превосходившие египетские монеты по содержанию в них серебра.

§ 5. Иконографические параллелизмы в александрийском и кушанском монетных чеканах. Сарапис на монетах Хувишки

В работах, посвященных генезису золотого кушанского чекана, исследователи достаточно единодушно признают определенную

роль римских монет. Было обращено внимание на весовое сходство кушанских золотых монет, впервые появившихся при Куджуле Кадфизе, с ауреями Августа, которые рассматривались в качестве прототипов золотого чекана кушан³³, однако эту точку зрения в настоящее время многие ученые не разделяют [Mac Dowall, 1960, с. 63—66; Raschke, 1978, с. 631].

Другое направление связей римского и кушанского чекана базируется на анализе иконографии некоторых типов монет, как лицевой, так и в еще большей степени оборотной стороны монеты. В качестве прототипов для аверсов типа монет с изображением головы правителя вправо в лавровом венке, известных в чекане Куджулы Кадфиза, указываются монеты Августа чекана 29—27 гг. до н. э. и последующих императоров, Тиберия и Клавдия [Göbl, 1960; Puri, 1965, с. 40—41; Rosenfield, 1967, с. 73; Зеймаль, 1968, с. 116—117; Ставиский, 1977, с. 19].

Изображения греко-эллинистических и римских богов на реверсе некоторых типов кушанских монет уже неоднократно становились предметом специального изучения как в аспекте генезиса кушанского монетного чекана, так и в связи с изысканиями в области кушанского пантеона (см., например, [Гафуров, 1972; Altekar, 1940; Basham, 1953; Chakraborti, 1966; Cunningham, 1892; Göbl, 1965; Rosenfield, 1967; Thakur, 1973; Warmington, 1974; Mukherjee, 1978]). Безусловно, немаловажен фактор унаследования кушанами греко-эллинистических традиций в искусстве и культуре от Греко-Бактрийского царства, где образы богов средиземноморского региона нашли яркое отражение, в том числе в монетном чекане. В дальнейшем и сами кушанские цари поддерживали торговые и культурные отношения с Римом и его восточными провинциями, и эти контакты наложили определенный отпечаток на многие стороны и сферы жизни кушанского общества, в известной степени на религиозно-идеологическую. В этом аспекте ценную информацию дают изображения на реверсе кушанских монет, особенно Канишки и Хувишки, где представлены греко-эллинистические и римские божества. В данном контексте специальный интерес представляют сопоставления египетской (александрийской) и кушанской монетной иконографии.

Наибольшее внимание этому сюжету уделено в работах известного специалиста в области кушанской нумизматики Р. Гёбля. По мнению исследователя, ключ к пониманию типологического влияния римского (в широком смысле) чекана на кушанский следует искать, обратившись к факторам международной торговли. Продвижение кушан в Индию было продиктовано и стремлением установить контроль над отрезком международной торговой трассы, ведущей от портов на западном побережье Индостана в районы глубинной Азии и соединявшей римские и в первую очередь китайские рынки. Первостепенной важности партнеров в торговле кушаны видели в купцах из Александрии египетской — первой по положению среди торговых, ре-

месленных и культурных центров тогдашнего мира. Отсюда в Кушанское царство вместе с купцами прибывали и ремесленники, в том числе и чеканщики, которые работали на кушанских монетных дворах. Этим обстоятельством, по мнению Р. Гёбля, обусловлено перенесение многих деталей alexandрийского чекана, например «четкий рельеф и грубоватые, но ясные линии». Чеканщики привозили с собой оригиналы, служившие образцами для кушанских монет. Здесь, в Кушанском царстве, эти чеканщики, будучи удалены от известных канонов в передаче образа того или иного божества, приобретали бóльшую свободу, что послужило причиной возникновения «новой иконографии» римско-эллинистических божеств и нашло свое выражение в пренебрежении некоторыми атрибутами [Göbl, 1960, с. 77—78].

Р. Гёбль наряду с alexandрийскими прототипами для кушанского чекана называет и римские ауреи, которые вывозились в Кушанское царство все теми же купцами из Александрии. При этом автор отмечает, что alexandрийские монеты наряду со сходством имели и черты отличия от римских монет. Сходство проявлялось в иконографии некоторых божеств³⁴.

Наибольшее количество прототипов римского и alexandрийского чекана предложено Р. Гёблем по отношению к чекану Канишки и Хувишки. В ряде случаев автор указывает на монеты римские и alexandрийские, иконография которых совпадала; например, монеты с изображением Ареса-Марса в чекане Антонина Пия (143—144) он отождествляет с типом монет Хувишки, сопровождавшихся легендой SHAOREORO, а монеты того же правителя с легендой OANINDO сопоставляет со сходной иконографией на римских и alexandрийских монетах II в. н. э. [Göbl, 1960, с. 86—87]. Сходство с alexandрийским чеканом проиллюстрировано Р. Гёблем на примере монет Хувишки с изображением Наны, восходящих к alexandрийским монетам Адриана, отчеканенных на 9-м году правления этого императора, передающих образ богини Дианы. При этом, правда, автор отметил, что в отличие от Дианы на Нане — длинные одежды [Göbl, 1960, с. 85]. Другой пример близости alexandрийским чеканам, по Р. Гёблю, демонстрируют изображения на монетах Хувишки божественных пар и триад, известных в чекане Адриана и Антонина Пия [Göbl, 1960, с. 87]. Однако главным аргументом для сопоставления alexandрийских и кушанских монет в исследованиях Р. Гёбля послужили монеты Хувишки с изображением греко-египетского божества Сараписа.

Позиция Р. Гёбля в вопросе о римских и alexandрийских прототипах и синхронизмах была подвергнута критике. Так, Е. В. Зеймаль, хотя и не отрицает воздействия римской (в широком смысле) монетной иконографии на кушанский чекан, отмечает, что далеко не все случаи, рассмотренные Р. Гёблем, являются бесспорными примерами следования резчиками римским образцам. Чаще можно наблюдать не иконографическое,

а сюжетное сходство, не позволяющее делать какие-либо глубокие выводы о синхронизмах. Кроме того, Е. В. Зеймаль отметил «хронологическую расплывчатость» избранных им прототипов [Зеймаль, 1968, с. 118—123]. В целом же, подтверждая правомочность использования такого рода параллелизмов в кушанском и римском чеканах, Е. В. Зеймаль исходит из двух моментов. Во-первых, незнания «механизма тех путей, по которым осуществлялось воздействие римской монетной иконографии на кушанскую» [Зеймаль, 1974а, с. 296]. Во-вторых, категорического отрицания существования среди кушанских монетных типов «полного и точного повторения римских иконографических типов монет» [Зеймаль, 1974а, с. 296]. Это, однако, по словам автора, не должно быть причиной отказа от поисков параллелей и синхронизмов в римско-кушанской монетной иконографии, имея в виду направление этих поисков не среди римских и александрийских монет, а в передневносточном чекане [Зеймаль, 1968, с. 120].

По этим же вопросам, но с иной аргументацией (или без нее) выступили и другие оппоненты Р. Гёбля. Так, Дж. Милн не приемлет тезиса Р. Гёбля об александрийских чеканщиках при кушанском дворе, которые бы утратили связь с египетской тематикой при воспроизведении изображений на монетах (цит. по [Raschke, 1978, с. 640]). С критикой выступил и М. Рашке, отвергая воздействие александрийского чекана на кушанский на том основании, что этот провинциальный чекан находился под воздействием римского³⁵, и, кроме того, констатируя факт низкопробности египетского серебряного чекана, который не вывозился за пределы Римской империи [Raschke, 1978, с. 640].

Таким образом, критические замечания при анализе концепции Р. Гёбля сводятся к отрицанию воздействия александрийской монетной иконографии на кушанскую и к неправильности понимания им механизма и путей проникновения западных монетных прототипов на Восток.

При решении вопроса о прототипах для реверсов некоторых типов кушанских монет наиболее плодотворным представляется рассмотрение конкретных изобразительных текстов, представленных на монетах. И коль скоро в данном контексте затронута проблема влияния александрийского чекана на кушанский, следует обратиться к наиболее выразительным в этом смысле изображениям Сараписа — греко-египетского божества, которое впервые появляется на монетах Александрии.

В кушанском монетном чекане это божество запечатлено на нескольких монетах Хувишки³⁶ и представлено двумя иконографическими вариантами. В одном случае Сарапис сидит на троне строго фронтально. Ножки трона переданы в виде лап кошачьего хищника; по четырем сторонам установлены шести, увенчанные шаровидными навершиями (подставками балдахина?). В левой, согнутой в локте и поднятой руке бог держит

посох (или скипетр), а правой, также согнутой и отведенной в сторону тамги руке он сжимает венок (или диадему). Тяжелые локоны обрамляют голову, вокруг которой изображен нимб. На голове — калаф. Сарапис одет в длинные складчатые одежды (рис. X, 1). Другой вариант представлен двумя типами монет с единой иконографией, однако с различными деталями. В одном случае это стоящая фигура бога с небольшим разворотом влево. На голове — диадема. На Сараписе длинный плащ с поперечными дуговидными складками. Левой рукой, согнутой в локте, он держит посох или скипетр; согнутая же правая рука с вытянутым пальцем простерта над изображением тамги (рис. XI, 1, 2). Общее решение образа бога на другом типе монет с изображением стоящего Сараписа таково же, однако в правой руке у него венец с развевающимися лентами, левая, согнутая в локте рука — перед грудью. За спиной — какой-то предмет с листовидным завершением с петлей, по предположению Р. Гёбля, кадуцей [Göbl, 1984, с. 45] (рис. XI, 3). Первый тип этого варианта, как и вариант с сидящим на троне Сараписом, сопровождается бактрийской легендой SARAPŌ³⁷ (о легенде на монете «Сарапис с кадуцеем» см. [Rosenfield, 1967, с. 100—101]).

Культ Сараписа возник в качестве династического в птолемеевском Египте при основателе династии — Птолемее Сотере³⁸, и, как показали исследования [Fraser, 1972; Stambaugh, 1972; Hornbostel, 1973; Kater-Sibbes, 1973], прообразом нового божества послужил египетский Осирис. Синкретическая природа Сараписа сказалась в том, что к образу этого древнеегипетского бога, по наблюдениям П. М. Фрезера, были добавлены и чисто эллинистические черты (как иконографические, так и теологические), таким образом, Сарапис — «греческая интерпретация старого мемфисского бога»³⁹. Хтонический аспект Сараписа (бог плодородия, подземного мира, царь мира мертвых) послужил почвой для его отождествления с Дионисом, Аидом и Плутоном и доминировал в птолемеевскую эпоху. Культ Сараписа отражал концепцию божественного происхождения царствующей династии, более того, документально засвидетельствовано, что некоторые представители династии Птолемеев непосредственно отождествляли себя с Дионисом, включая в свою титулатуру имя «Новый Дионис», т. е. бог возрожденный, обеспечивающий плодородие и в целом благополучие страны как при жизни, так и после смерти (культ умершего правителя отправлялся перед его статуей, установленной в храме одного из египетских божеств или в специальном заупокойном храме умершего царя), и таким образом приближался к богу-патрону Сарапису. Уже в III в. до н. э., когда культ Сараписа начал распространяться во всем эллинистическом мире, он стал отождествляться с Асклепием, и к нему обращались с молитвами об исцелении от недугов. Этот аспект божества сохранился и в римское время, когда Сарапис почитался как соляной бог. Он asso-

Рис. X. Монеты с изображением Сарписа (александрийский вариант): 1) монета Хувишки (по Дж. Розенфильду); 2—4) александрийские монеты Веспасиана и Траяна (по Р. Пулю)

Рис. XI. Монеты с изображением Сарписа (мемфисский вариант): 1—3) монеты Хувишки (по Дж. Розенфильду); 4—6) александрийские монеты Домициана и Траяна (по Р. Пулю)

цировался с Гелиосом, а затем отождествлялся с Зевсом и сливался с ним. Во II—III вв. часто появляются надписи, включающие сакральную формулу, в которых он именуется «Зевс Гелиос великий Сарapis» [Stambaugh, 1972, с. 79]. Как божество высшего порядка Сарapis отождествлялся также с египетским Амоном⁴⁰.

Таким образом, в результате спекуляций египетского и греческого жречества был создан новый верховный бог, культ которого должен был обосновывать концепцию божественного происхождения династии Птолемеев, а затем и римских императоров. Сарapis почитался как патрон Александрии, бог-оракул, врачеватель (в отождествлении его с Асклепием), защитник мо-

реплавателей⁴¹, т. е. в целом как бог-спаситель, что характерно для религиозной мысли эллинизма.

Первая волна расцвета культа Сараписа приходится на III в. до н. э., постепенно убывая в течение II—I вв. до н. э. в самом Египте, но сохраняясь в греческих центрах его почитания: в Афинах, на Делосе и Родосе, вторая — уже на римское время, что нашло свое отражение на многочисленных предметах мелкой пластики (светильники, статуэтки), геммах, монументальных статуарных изображениях и, наконец, на монетах.

Необходимо отметить, что все это многообразие вещей демонстрируют лишь три иконографические версии образа данного божества: бюст Сараписа, бог на троне и бог, стоящий в полный рост⁴². Второй и третий варианты восходят к статуарным изображениям из главных Сарапеумов в Египте: александрийского и мемфисского. В первом случае бог представлен сидящим на троне, в тунике и хитоне, на голове — калаф. Волосы его убраны в прическу, обрамляющую лицо тяжелыми локонами, разобранными, как и борода, на три-пять прядей. Левая рука — с копьем или скипетром, правая протянута к трехголовому Церберу, сидящему у подножия трона. Прототипом таких изображений, согласно сообщению Плутарха, считается колоссальная статуя из александрийского святилища (Исида и Осирис 28). Мемфисская статуя воспроизводит божество стоящим в полный рост в том же головном уборе, в гиматии и хитоне, с корнукополой в левой руке и патерой — в правой.

Все три варианта воплотились в александрийском чекане. Хронологически наиболее ранними в имперский период являются изображения бюста Сараписа на монетах Клавдия⁴³. В дальнейшем появляются и статуарные изображения (табл. IV). Они реализовались на монетах Веспасиана (69—79) (Сарапис на троне, чекан 75/76 г.) и Домициана (81—96) (Сарапис на троне,

Таблица IV

**Монеты с изображением Сараписа
(александрийский и мемфисский
иконографические варианты) в александрийском
чекане I—IV вв. н. э.**

Веспасиан	I +	Коммод	I +
Домициан	I	Александр Север	I +
Траян	+	Максимин	I +
Адриан	I +	Гордиан III	I +
Антонин Пий	I +	Филипп I	I +
Марк Аврелий	I +	Галлиен	I
Луций Вер	I	Диоклетиан	I

+ — александрийский вариант

I — мемфисский вариант

чекан 88/89 г.), хотя следует отметить, что бог предстает здесь в синкретическом образе: Зевс Сарапис (на монетах Веспасиана, оба статуарных варианта) и Гелиос Сарапис (на монетах

Домициана, вариант со стоящим богом). Изображения собственно Сараписа, воспроизводящие бога сидящим, появляются в чекане Домициана (чекан 89/90 г.) и Траяна (чекан 107/108 г.), а сосуществование обоих вариантов наблюдается начиная с монет Адриана. В чеканах Антонинов наиболее популярны оба варианта (табл. IV). В целом александрийский чекан сохраняет образ Сараписа (однако уже представленного на значительно меньшем количестве типов монет) вплоть до правления Диоклетиана, т. е. до начала IV в. н. э. В римское время, когда культ Сараписа был широко распространен во всем античном мире, монеты с его изображением чеканились в самом Риме, Причерноморье и в Малой Азии. Вместе с тем следует отметить, что ни римские, ни причерноморские монеты не демонстрируют иконографического сходства с кушанскими монетами, воплотившими образ Сараписа: в Риме известен только один тип монет, происходящий от александрийского — в чекане Траяна, Адриана и Каракаллы [Skowronek, 1967, с. 47] и передающий фигуру Сараписа (или бюст его), коронующего императора, стоящего перед ним. Такие монеты появляются в правление Коммода (176—192) [Skowronek, 1967, с. 49]. В причерноморском чекане известны лишь изображения головы Сараписа. Александрийский и мемфисский иконографические варианты воплотились в чеканах малоазийских городов⁴⁴ (табл. V). Наиболее ранние монеты относятся к чекану Клавдия. Начиная со времени Антонина Пия оба статуарных варианта изображаются на монетах малоазийских провинций вплоть до времени Галлиена [Magie, 1953]. Как и в александрийском чекане, такие монеты преобладают в чекане Антонинов.

Исходя из факта определенного воздействия римского чекана на кушанский, можно считать, что прототипы для иконографии Сараписа на монетах Хувишки происходят именно от монетной иконографии. Ими могли послужить монеты александрийского или малоазийских чеканов в очень широком диапазоне, от I до IV в. н. э. (см. табл. IV—V). В поисках более конкретных прототипов обратимся к аналогиям. В александрийском чекане таковыми могут служить: для александрийского варианта монеты Веспасиана и Траяна [Poole, 1892, табл. III/621, 477] (рис. X, 2, 3); для мемфисского — Домициана и Адриана [Poole, 1892, табл. XV/284, XIII/613, 1274] (рис. XI, 4—6). Однако, учитывая стандартизацию воплощений, нельзя ограничиваться лишь этими параллелями. Круг сопоставлений мог быть гораздо шире. Но учитывая то обстоятельство, что на кушанских монетах изображения Сараписа известны лишь в чекане одного царя — Хувишки, можно допустить, что заимствование носило хронологически и территориально ограниченный характер. Иными словами, импульс шел из одного центра, укладываясь в достаточно лимитированном отрезке времени, быть может, совпавшим с правлением одного-двух императоров, в чекане которых известны оба иконографических варианта. Такая прием-

Монеты с изображением Сарapis (александрийский и мемфисский иконографические варианты)
в Малой Азии I—III вв. н. э.

№	Императоры	Провинции											
		Кария	Иония	Мисия	Эолия	Вифиния	Памфилия	Киликия	Лидия	Фригия	Галатия	Писидия	Каппадокия
	Клавдий									I	+		
	Адриан								I +				
	Антонин Пий		+			I +	+	I +	I +				+
	Марк Аврелий		+	+		I +	+	I +	I +		I +	I	+
	Луций Вер					I +		I +	I +		I +		
	Коммод		+			I +	I +	+	I +	I +	I +		
	Септимий Север	I +				I +	I +	+	I +	I +	I +		+
	Каракалла	I +			+	I +	I +	+	I +	I +	I +		I
	Гета	I +				I +	I +	+	I +	I +	I +		I
	Александр Север					I +	I +	+	I +	I +	I +	I	I
	Максими		+	+			I +	+	I +	I +	I +		
	Гордиан I	I +				I +	I +	+	I +	I +	I +		
	Галлиен					I +	I +	+	I +	I +	I +		

+ — александрийский вариант
I — мемфисский вариант

ственность наблюдается в чекане Антонинов, где стандартные воплощения Сараписа представлены на значительном по сравнению с другими императорами количестве типов монет александрийского и малоазийских чеканов. В пользу такого предположения свидетельствует также совокупность материальных памятников из Индии, Средней и Центральной Азии кушанского времени и письменных источников, рассмотренных выше, характеризующих расцвет индо-римской торговли, наступивший на рубеже I—II вв. н. э. В этот период Египет становится основным поставщиком Римской империи в Индию, и эти изменения нашли отражение в монетной иконографии александрийского чекана. На многих монетах Нерона, Траяна и Адриана изображаются парусные торговые корабли, Фаросский маяк, персонификация Александрии, городской бог — Сарапис в ипостаси бога — защитника мореплавателей. При Адриане начинается выпуск монет, свидетельствующих о возвышении культа Сараписа как покровителя императора. Такие типы монет характерны для чекана Антонинов. Кроме того, особенно на монетах Адриана и Антонина Пия часто встречаются статуарные изображения Сараписа, воплотившиеся в чекане Хувишки. Все это позволяет предполагать, что заимствование иконографии могло произойти в процессе наиболее активных связей Кушанского царства с римским миром. Не отрицая возможности воздействия малоазийской монетной иконографии на кушанскую, все же представляются более вероятными заимствования из александрийского чекана. На малоазийских монетах изображения Сараписа появляются в результате торговых контактов с Александрией. Об этом же могут свидетельствовать изображения Сараписа на кушанских монетах, поскольку связи с Римской империей осуществлялись александрийскими купцами.

Итак, по вопросу о хронологической и территориальной локализации прототипов для монет Хувишки с изображением Сараписа мы разделяем точку зрения Р. Гёбля, сформулированную им в его более ранних работах. Он писал, что в целом чекан Хувишки должен был следовать прототипам Антонина Пия (в контексте параллелизма римско-александрийской и кушанской монетной иконографии) [Göbl, 1960, с. 106]. Однако сам подход к сопоставлению александрийских и кушанских изобразительных текстов вызывает ряд принципиальных возражений. Как отмечал Р. Гёбль, изображения Сараписа на монетах Хувишки отличаются от представленных на александрийских монетах, особенно вариант с сидящим на троне богом, ибо фронтальность его позы не имеет параллелей в александрийском чекане. Наличие венка в руке Сараписа сближает его, продолжает Р. Гёбль, с иранскими божествами Михр и Мах, которым присущ этот атрибут. Согласно выводу автора, прототипом изображений Сараписа на кушанских монетах могли послужить не изображения на александрийских монетах, а собственно статуарные воплощения Сараписа, известные в Александрии и оттуда попадавшие в

Кушанское царство. Он даже высказал догадку, что существовало некое святилище, где были выставлены статуи всех богов, находившихся в поле зрения кушан⁴⁵. Такие скульптурные изображения могли оказывать влияние на монетную иконографию [Göbl, 1960, с. 84—85]. Таким образом, Р. Гёбль одновременно предлагает гипотезу «механизма путей проникновения», говоря словами Е. В. Зейমাля, монетных прототипов в Кушанское царство. Другой вариант, выдвинутый Р. Гёблем относительно этого механизма, связан с предположением о существовании в Кушанском царстве отдельных рисунков или гравированных образцов из альбомов («Musterbücher»), попадавших в Бактрию и Индию. При этом, отмечает автор, могло получиться, что кушанский чекан использовал не реализованные в александрийском чекане парадигмы [Göbl, 1960, с. 84].

В поисках возможных прототипов Р. Гёбль исходит из допущения (а точнее, из посылки) о существовании в Египте таких статуарных изображений Сараписа, которые отличались от известных канонических статуй, а именно александрийской и мемфисской, послуживших прототипами для реализации образа Сараписа на александрийских монетах. Отсюда вытекает и предложенное им альтернативное решение вопроса об альбомных прототипах, не нашедших воплощения в александрийском чекане. А подобный вывод противоречит фактической стороне дела. Как уже говорилось, все изображения (за исключением изображений профиля или бюста божества, никак не связанных со статуарными воплощениями) Сараписа воспроизводят только два варианта, уходящие своими истоками к двум колоссальным статуям. Достаточно сослаться на каталог, изданный Г. Катер-Сибес и целиком посвященный изображениям Сараписа, происходящим не только из Египта, но и с других территорий, включая Средиземноморье и Западную Европу [Kater-Sibbes, 1973]. Все объекты воспроизводят александрийский и мемфисский варианты. Аналогичная картина вырисовывается и при анализе отдельных находок римского времени, ставших предметом многих публикаций. То же самое относится и к монетным изображениям. В этой связи следует привести высказывание А. Н. Зографа о влиянии монументального искусства на монетную глиптику применительно к римскому времени. Он писал, что на реверсе монет императорского времени запечатлено не просто божество, как его себе представлял художник или резчик, а статуя, установленная в определенном городе. Констатируя этот факт, автор опирается на следующие признаки: изображение фигуры «под сенью храма или часовенки, помещение ее на базе или пьедестале, приведение ее в связи с каким-либо архитектурным элементом, как, например, столбик или колонна, наконец, воспроизведение ее в каком-либо характерном, но невыгодном для художественного раскрытия образа ракурсе. Но и при отсутствии этих признаков... в типах монет императорского времени, в противовес монетам класси-

ческой эпохи, мы имеем основание рассматривать фигуры богов или героев как точные воспроизведения находившихся в данном городе статуй» (разрядка моя.— *Т. Ш.*) [Зограф, 1951, с. 75]. Все это как нельзя лучше иллюстрирует материал, связанный и с образом Сараписа, запечатленного на александрийских монетах. Следовательно, независимо от того, в какой опредмеченной форме «экспортировался» образ Сараписа, будь то статуя, монетный рисунок или сами монеты, он непременно восходил к известным прототипам⁴⁶.

Вместе с тем при воспроизведении божества в инокультурной среде, в данном случае на кушанских монетах, могли проявиться в той или иной мере элементы местного искусства, и этим, очевидно, вызвано различие между ними и западными образцами. Попытаемся выявить эти различия, начав с иконографического варианта с сидящим Сараписом.

В первую очередь необходимо отметить наличие нимба вокруг головы, что вообще характерно для изображений божеств на кушанских монетах [Rosenfield, 1967, с. 197—198]. Затем — более условно, чем на александрийских экземплярах, переданы пряди волос в прическе: они отгиснуты в виде цепочки кружков⁴⁷. В отличие от прототипов «кушанский Сарапис» безбородый. Иначе представлена моделировка одежды: на александрийских образцах Сарапис либо обнажен до пояса, слегка прикрытый хитоном, либо целиком задрапирован в широкий, складчатый хитон; в кушанском же исполнении на Сараписе плащ, скрепленный на груди двумя бляшками, и широкие штаны. Ноги, покоящиеся на скамеечке, изображены так, что колени и носки развернуты наружу — позиция, характерная для кушанских изображений. Вместе с тем имеются и определенные черты сходства с александрийскими изображениями. Фронтальность фигуры, являющаяся, по Р. Гёблю, основным отступлением от александрийских экземпляров, фиксируется, однако, среди последних [L'Orange, 1953, рис. III/D; Kater-Sibbes, 1973, с. 156, табл. XXVI, cat. 828, 770 (светильники); Hornbostel, 1973, табл. LXXXIII], хотя для них в самом деле более характерна передача фигуры с разворотом влево. Идентичны атрибуты (наличие калафа на голове и посоха в левой руке) и положение рук: левая приподнята, правая простерта (на александрийских — над изображением Цербера, на кушанских — сжимающая венки над тамгой).

Еще большую близость западным прототипам демонстрируют кушанские монеты со стоящим Сараписом. На обоих типах монет фигура бога передана с незначительным разворотом влево, туда же повернута и голова, изображенная в профиль. Правая, слегка согнутая, рука простерта вперед; левая, также согнутая, с кистью у пояса, держит посох с круглым набалдашником. Практически неразличима одежда, на голове — калаф. Вместе с тем на кушанских изображениях с легкостью читаются кушанские черты в трактовке образа, например в позиции ног с раз-

вернутыми наружу носками. На кушанских воплощениях богу придан характерный для монетной иконографии венки. Да и в целом исполнение более грубое, чем мы встречаем на александрийских или малоазийских монетах.

Итак, оба иконографических варианта изображения Сараписа на монетах Хувишки, безусловно, следуют каноническим воплощениям этого божества, получившим столь широкое распространение на александрийских и малоазийских монетах. Вместе с тем детализация образа носит отпечаток местного, кушанского стиля.

Приведенный здесь анализ кушанских монет с изображением Сараписа, на наш взгляд, достаточно очевидно показывает, что поиски буквальных аналогий, в данном случае применительно к кушанскому монетному чекану, адаптировавшему образы других греко-эллинистических божеств, помимо Сараписа, едва ли могут быть плодотворными. Наблюдаемые отступления от прототипов обусловлены объективными причинами, среди которых немаловажное значение имеют религиозные представления, находящие свое выражение в определенной канонизации изобразительных мотивов и образов, в соответствии с которой реализуются и заимствованные сюжеты [Зограф, 1951, с. 101]. По существу, речь должна идти даже не об «отступлениях», а об иной иконографической трактовке, вызванной наличием развитой местной изобразительной традиции. Включаясь в новую иконографическую систему, чуждый прежде для нее персонаж испытывает ее мощное воздействие. В результате синтеза образ приобретает синкретические черты.

Факты заимствования образов египетских богов прослеживаются и на других объектах материальной культуры ряда памятников Индии и Центральной Азии кушанского времени. Их анализ позволяет реконструировать некоторые стороны культурных процессов в египетско-кушанских контактах.

Глава III. ЕГИПЕТСКИЕ БОГИ В КУШАНСКОМ ЦАРСТВЕ: ОБРАЗ И ИКОНОГРАФИЯ (ОПЫТ МОДЕЛИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ЗАИМСТВОВАНИЙ)

Вещественный материал из кушанских комплексов, связанный своим происхождением с Египтом, демонстрирует предметы привозные и местные подражания им. Кроме того, выделяются объекты, возникшие под влиянием египетской и египетско-эллинистической иконографии, но оформленные в стилистической манере, присущей кушанскому искусству. Такая систематизация, основанная на детальном анализе материалов, является не только формальным признаком этих категорий материальных памятников, но и критерием дифференцированного их рассмотрения в разных аспектах и уровнях социокультурных контактов. Если предметы ввоза в первую очередь свидетельствуют о торговых взаимодействиях, то сочетание их с местными подражаниями, а в особенности с предметами, синтезирующими инокультурные образы и кушанские приемы искусства, характеризует качественно иной уровень — уровень межкультурных контактов, в данном случае отражает степень проникновения египетских элементов в культуру кушан.

Весьма примечателен факт, что среди вещей из кушанских слоев, указывающих на контакты с Египтом, выделяется достаточно компактная группа предметов, так или иначе связанных с культово-религиозной практикой. К ним относятся амулеты, изображения египетских богов, саркофаги и в известной степени монеты (точнее, монетная иконография). Естественно, возникает вопрос о том, какую смысловую нагрузку несли эти предметы и образы, запечатленные на них, попадая в иной этнокультурный контекст? Можно ли говорить о сохранении их первоначального значения или о его переосмыслении в русле очень широкого понятия «религиозный синкретизм»?

В эллинистическое и римское время происходил процесс распространения культов различных западных и восточных богов за пределы исконных земель, где они почитались. Об этом свидетельствуют надписи, посвящения и остатки культовых сооружений. Носителями этого явления были лица, причастные к торговле: купцы, караванщики, моряки, ремесленники, торговые агенты, а также переселенцы, гражданские или военные, менявшие местожительство по собственному почину или в результате государственной санкции (например, массовое переселение

жителей Пальмиры в Дакию) [Культура древнего Рима, 1985, с. 205], и, разумеется, служители и проповедники различных религий и культов.

В результате встречного распространения западных и восточных культов оформлялся «религиозный синкретизм», который приобретал различные черты в зависимости от конкретных условий социально-экономического и политического характера. На эллинистическом Востоке он проявлялся в форме «ассимиляции культов» и возникновения «синтетических божеств». Последний формировался в условиях тесной ассоциации религиозных систем (в портах, торговых городах и т. п.) и окончательно складывался в результате плюрализации культов (идея о культовой эквивалентности) (дискуссию по этому вопросу см. [Согомонов, 1985, с. 23—24]). В римское время этот процесс продолжался, охватывая все большие территории, население которых вступало в контакты.

Ряд письменных свидетельств сообщает о проживании выходцев с Запада в таких отдаленных странах, как Индия. И нет оснований считать, что, покидая надолго свою страну, они расставались и со своими богами. Выше упоминалось о существовании римского культового центра в Музирисе — одном из посещаемых римскими купцами портов (см. гл. I, § 4).

К востоку от Гифасиса (р. Беас), пишет Филострат, находились алтари с посвятельными надписями: «Отцу Амону», «Брату Гераклу», «Афине-Провидице», «Зевсу Олимпийскому», «Кабирам Самофракийским», «Гелиосу Индийскому», «Аполлону Дельфийскому» (2, 43). А в крепости Мудрецов (Матхура) были воздвигнуты кумиры богов, «и не только индийских или египетских — тут ничего дивного нет (разрядка моя. — Т. III), но и стародавние греческие: то были изваяния Афины Градодержицы, и Аполлона Делосского, и Диониса Лимнейского, а также и Амиклейского, и множество других, столь же древних, — все эти кумиры были воздвигнуты индийскими мудрецами и почитались на эллинский лад» (Филострат 3, 14).

«Перипл» упоминает о существовании греческих святилищ в Ариаке (41), а Арриан сообщает о деятельности Геракла и победоносном шествии по Индии Диониса (7—9). Конечно, необходимо учитывать склонность, традиционную для греческой мысли, к отождествлению греческих и варварских богов, однако, сообщения этих авторов приобретают большую надежность, когда они упоминают изображения греческих богов в Индии в связи с деятельностью Александра и диадохов. Кроме того, среднеазиатская и центральноазиатская археология предоставила бесспорные свидетельства их почитания в городах греко-бактрийского времени.

Таким образом, воссоздается причинно-следственная цепочка появления эллинистических богов на территориях Кушанского царства, где греческая культурная традиция не только сохранилась, но и развилась благодаря устойчивым и регулярным

контактам с Римской империей. В Кушанском царстве стали известны египетские и эллинистическо-египетские боги, культ которых перешагнул границы не только Египта, но и Римской империи. Это в первую очередь боги александрийской триады: Сарапис, Исида и Гарпократ. Однако различная степень информативности материалов, связанных с образами этих божеств, нашедших отражение в кушанских памятниках, диктует необходимость различных подходов к ним, и соответственно выводы, следующие из анализа этих материалов, находятся в диапазоне от однозначных до альтернативных решений и гипотез.

§ 1. Сарапис

Культ Сараписа стал распространяться за пределы Египта со времени его возникновения в Египте. Наиболее ранние святилища этого божества были основаны на Делосе и Родосе. В римское время появились его храмы в Остии, в полисных системах островной Греции [Magie, 1953, с. 163 и сл.], Западного и Северного Причерноморья, в прибрежных городах Малой Азии [Кобылина, 1978, с. 111—114]. Проникновение культа Сараписа в Малую Азию прослеживается с эпохи Селевкидов, однако документы римского времени фиксируют только культ Зевса Сараписа [Голубцова, 1977, с. 86]. Храм Сараписа существовал при Селевкидах в сирийской Селевкии, а в Антиохии было святилище Исиды¹ [Бикерман, 1985, с. 235]. На территории восточных владений Селевкидов, в Гиркании, в царствование Антиоха I и Стратоники (281—261 гг. до н. э.) существовало святилище Сараписа, о чем свидетельствует обнаруженная здесь надпись — посвящение этому божеству. Храм был основан в качестве религиозного центра купцов и переселенцев из Египта [Welles, 1962; Fraser, 1967, с. 29—32; Кошеленко, 1979, с. 133—135; Бикерман, 1985, с. 235]. К их числу, по-видимому, принадлежал и некий купец из Самарии (близ Фаюма), следовавший сухопутной дорогой в Индию, которому принадлежит могильный камень с надписью по-гречески. Погребение было обнаружено неподалеку от Суз, около Керманшаха, и датируется III—II вв. до н. э. [Fraser, 1967, с. 23—31; Welles, 1962, с. 271—298].

В кушанских комплексах образ Сараписа представлен памятниками изобразительного искусства. К ним относится инталия из Дильберджина (рис. VI, 4), терракотовая статуэтка из Хотана (рис. VII), бронзовая фигурка из Беграма (рис. 8), медальон с изображением богини под сенью храма Сараписа также из беграмской сокровищницы (рис. VI, 1) и, наконец, несколько монет чекана Хувишки, на реверсе которых запечатлено это божество (рис. X, 1; XI, 1—3) (подробное описание предметов см. гл. II). Все эти находки связываются многими исследователями с восточной торговлей Римской империи, в которой кушаны заняли активные позиции, контролируя пути пересечения

важных ответвлений Великого шелкового пути, ведущих как в сторону индийских портов на малабарском побережье Индостана, так и к Восточному Средиземноморью через Иранское плато.

По вопросу о существовании культа Сараписа в Кушанском царстве мнения ученых разделились: одни склоняются к положительному ответу [Göbl, 1957; Rosenfield, 1967, с. 205; Warrington, 1974, с. 299], другие, напротив, отвергают такую возможность [Зеймаль, 1968, с. 120; Ставиский, 1977, с. 174]. Сторонники обеих точек зрения не подвергали анализу всю совокупность материалов из Центральной Азии, запечатлевших образ Сараписа, на чем необходимо остановиться, с тем чтобы определить, насколько доказателен материал при решении вопроса о культе Сараписа в Кушанском царстве.

Весьма существенно, что некоторые из перечисленных изображений Сараписа не были предметами ввоза. В первую очередь это, конечно, относится к кушанским монетам, которые для решения данного вопроса являются наиболее информативным источником, ибо они принадлежат к внутрикультурному контексту. В идеологическом аспекте монете присущи прокламативные функции, постулирующие избирательность изображаемого на ней, продиктованную каким-то смыслом. Следовательно, включение в монетный пантеон иноземного божества должно было быть чем-то мотивировано, например, служить указанием на знакомство с той страной, откуда оно происходит. Однако это констатирует факт существования связей, в результате которых проникала иконография «нового» бога. Раскрытие механизмов заимствований должно основываться на анализе внутренних рычагов идеологических представлений адаптирующей стороны.

Основываясь на анализе иконографии кушанских монет с изображением Сараписа, мы пришли к заключению, что она была не только заимствована, но и переосмыслена местной художественной традицией и представлениями. Образ иноземного бога исполнен в кушанском стиле и наделен чертами индо-иранского божества местного пантеона. И такое переосмысление может рассматриваться как свидетельство усвоения не только его иконографии, но и самого образа. Это предположение приобретает большую основательность в сочетании с рядом фактов. Во-первых, изображение Сараписа (как и других греко-эллинистических богов) сопровождается легендой, выполненной по-бактрийски и раскрывающей имя божества, что не позволяет ограничиваться констатацией факта заимствования его иконографии. (В противном случае был бы закономерен вопрос: «Для воплощения какого божества использовалась эта иконография?» На который должен следовать ответ: «Для воплощения Сараписа», о чем свидетельствует надпись. Исходя из коммуникативной функции языка, она предполагает адресата информации, изложенной и изобразительным кодом.) Во-вторых, Сарапис появляется на кушанских монетах одновременно с другими греко-

эллинистическими богами: Гераклом, Гелиосом и Гефестом, которые обнаруживают не только иконографические, но и функциональные параллели среди индо-иранских богов кушанского пантеона, также изображенных на монетах. Это Шива, Митра и Атеш².

Представления, связанные с обожествлением солнца, огня и их антропоморфной персонификацией, равно как и культ бога-воителя, были распространены и в греко-римском мире, и в кушанском обществе, и это, должно быть, послужило базой для отождествления функционально сходных божеств и включения западных параллелей в кушанский монетный пантеон. Исходя из этого можно заключить, что и Сарапис отождествлялся с каким-либо местным божеством (или божествами). Рассмотрим это подробнее.

Типы монет Хувишки с изображением Сараписа характерны для монетной иконографии этого царя и его предшественника — Канишки. Именно таким вариантам, чаще представляющим бога стоящим, следовали чеканщики при воплощении кушанского пантеона на реверсе некоторых типов монет. Различия ограничиваются легендами и атрибутами. Например, варианту со стоящим Сараписом соответствует иконография иранских божеств: Фарро, Митры и Мао [Rosenfield, 1967, табл. IX/173, VI/122, V/101], греческого Гелиоса [Rosenfield, 1967, табл. V/90, II/31], божества, которое ряд исследователей отождествляет с египетским Хором (легенда OXSHO или OROE) [Rosenfield, 1967, табл. III/54; X/202; 203, с. 101], однако, по мнению Е. В. Зеймалю, подобное отождествление несостоятельно [Зеймаль, 1974б, с. 57]. Вариант с сидящим на троне Сараписом сопоставим с изображениями Манаобаго и Ардохшо [Rosenfield, 1967, табл. V/83, 93—99].

Иконографическое сходство сочетается с идентичностью некоторых атрибутов, например наличием посоха, венка с лентами. Как и стоящий Сарапис, Мао, Митра и Гелиос левой, чуть согнутой и прижатой к телу рукой опираются на посох. При этом правая рука с одним или двумя вытянутыми пальцами простерта над тамгой в магическом жесте, который, по мнению Х. Лоранжа, выражает концепцию бога-спасителя [L'Orange, 1953, с. 151—154]. И Сарапис в александрийской и мемфисской иконографических версиях, и стоящие Митра, Мао, и редко встречающиеся на кушанских монетах Атеш и Гефест, а также сидящие Манаобаго и Ардохшо держат в правой руке диадему или венок с лентами, которые иногда можно видеть на голове у самого божества или царя, изображенного на аверсе монеты. Как посох (или скипетр), так и венок (или диадема) для многих культурных традиций являются символами власти. Так, на некоторых монетах Нерона александрийского чекана Сарапис держит в правой, отведенной руке лавровые ветви [Poole, 1892, с. 19]. На реверсе александрийских монет Траяна (110—111) и Адриана (132—133) божество коронует императора, протягивая

ему венки правой рукой [Rosenfield, 1967, табл. IX/4]. Здесь Сарапис дарует императору власть и победу. На кушанских монетах божества с венком в правой руке имеют при этом в левой скипетр или корнукополу — символы высшей власти и изобилия, даруемые ими царю.

Анализируя иконографию реверсов кушанских монет, Дж. Розенфильд определил ее стандартизацию, охватывающую образы божеств, восходящих к разным пантеонам, в качестве характерной черты кушанской монетной иконографии, вызванной религиозным синкретизмом, присущим римскому миру и другим предшествующим и последующим государственным образованиям, в том числе и Кушанскому царству, а это, по его мнению, было обусловлено развитыми многосторонними контактами между различными народами, с присущим им духовным миром [Rosenfield, 1967, с. 73, 88]. Говоря о значении этих изображений, он выдвинул гипотезу, что большинство божеств на кушанских монетах выражает идею поддержки царской власти и символизирует изобилие, процветание и военную мощь царствующего дома, власть которого санкционирована богами [Rosenfield, 1967, с. 70—73]. Достаточно веским аргументом в пользу такого предположения являются приданные богам атрибуты, служившие знаками верховной власти и символами плодородия. В ряде случаев верховного божества подчеркнут наличием трона, маркирующего центр вселенной и помещенного в центре поля реверса. На кушанских монетах, как говорилось, на нем восседают Ардохшо, Манаобаго и Сарапис. Все эти божества изображались строго в фас (лишь у Манаобаго голова повернута вправо), с венком или диадемой в руке. Трон Сараписа и Манаобаго покоится на ножках в виде лап кошачьего хищника. На сходство иконографии этих богов обратил внимание Дж. Розенфильд, отметив при этом, что, очевидно, они воплощают концепцию инвеституры [Rosenfield, 1967, с. 98]. В отличие от Сараписа Манаобаго изображался с четырьмя руками, а это сближает его с Шивой (бактрийская легенда OESHU), культ которого хорошо прослеживается в Бактрии и Гандхаре еще до прихода кушан [Rosenfield, 1967, с. 93, со ссылками на литературу]. Образ Шивы популярен на кушанских монетах. Очень часто он предстает с атрибутами Геракла: львиной шкурой, палицей, плодом, что свидетельствует о слиянии этих персонажей на почве представлений о божественном воителе, избавителе, созидателе, защитнике [Vanerjea, 1941, с. 131 и сл., 257 и сл.; Зеймаль, 1963, с. 40; Ставиский, 1977, с. 195]. А эти сопоставления позволяют подойти к вопросу о функциональном сходстве Сараписа и Шивы³, выходя за пределы монетной иконографии.

В античной иконографии представления о божественном воителе реализовались чаще всего через образ Геракла. Однако этот аспект не был чужд и Сарапису. П. М. Фрезер упоминает один рельеф из птолемеевского Египта. На нем изображены Сарапис, Афина и Геракл — божества-воители, что, по мнению ученого,

свидетельствует о формировании представлений об их функциональной близости уже с III в. до н. э. [Fraser, 1972, I, с. 208]. Такие представления как будто не противоречат природе Сараписа как бога-спасителя, отождествленного со вселенскими богами Амоном и Зевсом, чьи функции связаны с идеей поддержания космического порядка, борьбы с хтоническими существами, с которыми они вступают в схватку и остаются победителями. В римское время Сарапис нередко изображался вместе с богами-воителями: Гераклом, Афиной, Аресом, о чем свидетельствуют монеты александрийского чекана [Poole, 1892, табл. XV/1108, 1109, 1299, 2211]. На беграмской статуэтке (а она, безусловно, александрийского происхождения) представлено синкретическое божество Гаракл-Сарапис. Это воплощение, попав на территории, где издавна почитался Шива, могло отождествляться с ним, особенно учитывая, что в кушанском монетном чекане Шива предстает с атрибутами Геракла, в том числе с палицей, изображенной на беграмской статуэтке Геракла-Сараписа.

Далее, и Сарапис и Шива почитались в качестве богов, связанных с морской стихией. Нередко Шива изображался на монетах кушан с трезубцем, заимствованным у Нептуна, который сопоставим с Сараписом в ипостаси божества морской стихии. Известны изображения античных кораблей, носовая часть которых увенчана скульптурой Сараписа. В одних надписях отправлявшиеся в морское путешествие обращались к Сарапису с просьбой защитить их во время опасного путешествия. В других посвятитель благодарит Сараписа за успешное завершение плавания [Bell, 1954, с. 20]. Возможно, этот аспект Сараписа был известен далеко за пределами античного мира, куда прибывали корабли с Запада. И отзвуком знакомства с такой ипостасью Сараписа, может быть, является изображение, очень близкое воплощениям этого бога, в росписях пещеры Минг-ой у Кызыла, которая так и называется «пещера морского путешествия» [Grünwedel, 1912, с. 146—147]. Следует упомянуть в этой связи и гипсовый медальон с изображением бюста Сараписа на портале храма, под сенью которого на ложе в виде египетской ладьи возлежит Исида Фаросская (см. гл. II, § 3). Пути проникновения Сараписа в Центральную Азию в этом аспекте «подсказывает» «Перипл Эритрейского моря», где о-в Масира у юго-восточного побережья Аравийского полуострова носит имя этого божества (Перипл 33). Посвятительная надпись, найденная во время археологических работ на о-ве Файлака в Персидском заливе, подтверждает этот вывод [Bersina, 1988, с. 103].

И Шива и Сарапис наделялись функциями богов плодородия (в этом аспекте их объединяет связь с быком: Сараписа с Аписом, Шивы — с Нандином; им свойствен фаллический аспект).

Таким образом, адаптация образа Сараписа могла происходить благодаря его функциональному сходству с известным в Кушанском царстве Шивой, обладавшим теми же аспектами, что и Сарапис, отраженными в их иконографии и атрибутах. Одна-

ко, говоря о монетной иконографии, мы не обнаружили ее сходства у этих двух божеств. Оно опосредовано сходством иконографии Сараписа и Манаобаго. Манаобаго же иконографически близок Шиве, который изображался многоголовым и многоруким, а эти черты, по мнению Дж. Розенфильда, символизировали божественное могущество [Rosenfield, 1967, с. 80]. И это божественное могущество, воплощенное таким образом в монетной иконографии, подчеркивало престиж правителя, от имени которого чеканилась монета. Вероятно, эти божества были обязаны своими изображениями на монетах представлениям о богах-покровителях правящей династии, конкретнее — ее представителя⁴. И Сарапис сопоставим с этими богами именно в этом смысле.

Иконография Сараписа и приданные ему символы инвестируют указывают на более широкий круг отождествлений, однако не меняют значения его образа на кушанских монетах. Сарапис здесь выступает как династическое божество, санкционирующее власть царю, дарующее процветание, военное могущество, т. е. и в кушанской культуре он сохранил те же функции, которые были ему присущи во времени возникновения его культа в птолемеевском Египте.

Сарапис появляется в кушанском монетном пантеоне вместе с другими греко-эллинистическими богами, отождествляясь с местными, иранскими и индийскими, на почве представлений о династическом божестве-покровителе. Расширяя пантеон за счет иноземных богов, кушанские цари, по-видимому, преследовали политические цели: пропагандировать идею незыблемости и силы правящей династии в многоэтнической державе, о чем в первую очередь свидетельствует нумизматический материал.

На проникновение образа Сараписа не только в монетный, но и в реальный кушанский пантеон указывают находки вещей с его изображениями. Эти предметы, за исключением статуэтки из беграмской царской сокровищницы, которая в числе других ценных предметов могла быть даром приезжих александрийских послов или купцов, что, как известно, практиковалось в Римской империи (ср. Перипл 28 — о вывозе статуй в Кану), едва ли представляли собой большую художественную ценность. Скорее всего это были вещи достаточно универсальные и дешевые, которые могли изготавливаться на месте, следуя привозным образцам. Во всяком случае, что касается хотанской статуэтки, то М. Мейер рассматривает ее именно таковой (на это указывает грубость исполнения), хотя и считает, что она близка фаюмским терракотам [Maillard, 1975, с. 229]. Иконографически это воплощение сходно с вариантом с сидящим на троне Сараписом на монете Хувишки.

На местное изготовление указывает и инталия из жадента, обнаруженная в Дильберджине, материала, который не использовался в античном мире, но разработки которого были известны уже в древности на Восточном Памире, в районе между

Кашгаром и Хотаном, а также в Восточном Гиндукуше, у Хава-на. Находки в Ай-Хануме показали, что здесь и на соседних территориях в Греко-Бактрии были знакомы с обработкой различных пород камня, в том числе и местных. Иконографически эта инталия с изображением бюста Сараписа восходит к александрийским образцам III—II вв. до н. э. и рассматривается как свидетельство наличия адептов культа Сараписа в Центральной Азии уже в то время [Grenet, 1982, с. 155—157]. Исходя из данной датировки, можно заключить, что образ Сараписа мог проникнуть на эти территории уже в III—II вв. до н. э. через Селевкидское царство, где культ Сараписа был известен и, судя по приведенным фактам, сохранился в кушанское время. Однако это не более чем предположение. Тем не менее такой подход снимает вопрос, почему кушанские правители включили это «экзотическое», по образному определению Б. Я. Ставиского, божество в монетный пантеон, и одновременно объясняет наличие здесь серии местных воплощений Сараписа. Однако их датировка затруднительна.

§ 2. Гарпократ, Бес, Птах-Секер-Осирис

В кушанских материалах известны изображения другого египетского божества александрийской триады — Хора в ипостаси Хора-младенца-Гарпократа (от егип. ḥr-p³-hrd). Причем наряду с предметами, указывающими на египетское происхождение, встречаются объекты, изображения местных богов, в которых отразилась иконография Гарпократа.

К собственно египетским (и, возможно, местным подражаниям) относятся следующие вещи: бронзовые статуэтки из Беграма и Таксилы, выполненные в традициях эллинистического искусства (рис. 9, 12), медальон из Таксилы, где Гарпократ с крыльями Эрота сидит на цветке лотоса (рис. XII, 5), подвеска-амулет из хризоколлы в виде обнаженного мальчика с пальцем у рта, опирающегося на колонку или палицу, с городища Мунчак-тепе в Уструшане (табл. II, 107), терракотовые статуэтки из Восточного Туркестана, на одной из которых, найденной в Турфане, Гарпократ изображен на галолирующем коне, на другой — вместе с Сараписом, сидящим на троне, из Хотана (рис. VIII, VII) и, наконец, статуэтка из стеатита, приобретенная на кабульском рынке и ныне хранящаяся в Бруклинском музее [Parlasca, 1983] (рис. XIII). Все эти предметы передают образ младенца в типичной позе, с пальцем у рта, в котором без сомнения угадывается один из наиболее популярных в греко-римском мире персонажей египетского пантеона. Иконография этого божества нашла свое воплощение при реализации образов индо-иранских богов, механизм заимствования которой рассматривается ниже.

Как сообщает Плиний, очень многие в его время носили

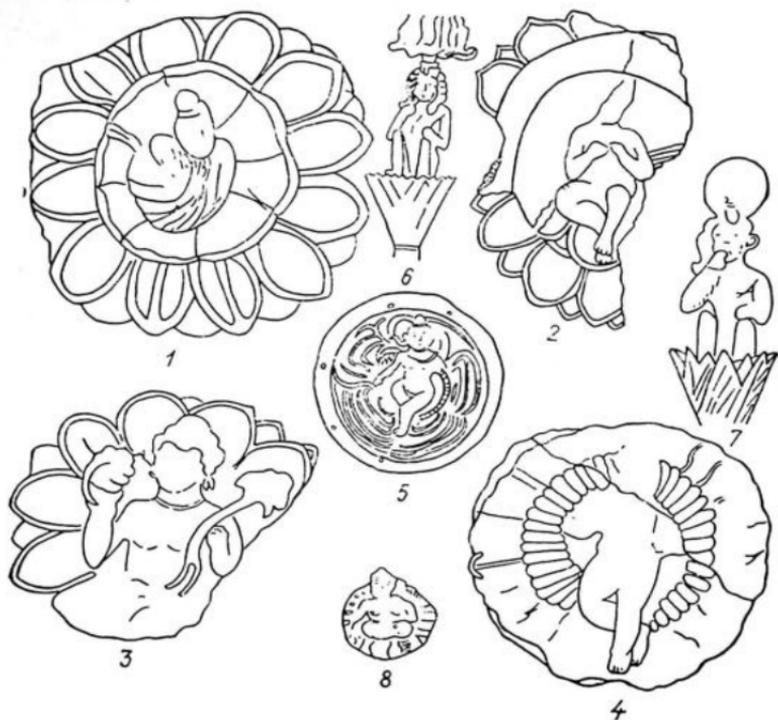

Рис. XII. Изображения Майтрейи и Гарпократа: 1—4) рельефы из Буткары (по М. Тадден); 5) медальон из Таксилы (по Дж. Маршаллу); 6, 7) статуэтки Гарпократа из Египта (по Ф. Питри); 8) подвеска из Невасы (по Х. Д. Санкалии)

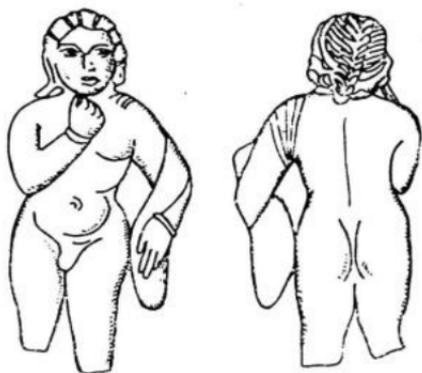

Рис. XIII. Статуэтка Гарпократа из Бруклинского музея (по К. Парляске)

на пальце изображения египетских богов, в том числе Гарпократа (Plin. XXXIII, 41). По всей вероятности, речь идет о магических геммах, получивших в исследовательской литературе определение «гностические» геммы [Неверов, 1983, с. 127]. От поздней античности до нас дошло огромное количество таких

гемм-амулетов. Ценность этих источников состоит в том, что они демонстрируют изображения богов, к которым обращались люди в повседневной жизни (фиксируя, так сказать, пласт народных верований), вместе с тем сообщают информацию о существовавших официальных религиозно-философских построениях позднего эллинизма и римского времени, характерной чертой которых являлся религиозный синкретизм на пути к монотеизму. Он реализовался через представления о космических божествах, вобравших функции эллинистических и восточных богов, таких, как египетские Сарапис, Исида, Анубис и Гарпократ.

В официальной религиозной мысли римского времени природа Гарпократа наиболее полно и всесторонне прослежена в повествовании Плутарха «Об Исиде и Осирисе» — греческой версии древнеегипетского мифа об Осирисе, отразившей концепцию популярной в то время стойко-платонической школы философии. Гарпократ — суть производное от соединения сверхчувственного и материального в природе, олицетворением которой являются Исида (материальное начало в природе) и Осирис (ее чувственное начало), отсюда Гарпократ есть чувственное подобие нематериального мира (54, 56). Хор — божество космическое. «Он не является ни вечным, ни неизменным, ни бессмертным, но, беспрестанно перерождаясь, он движется и остается юным и неуничтожимым благодаря периодам и смене явлений» (57). Данная характеристика как нельзя лучше отражает связь Гарпократа с представлениями о вечно юном, ежедневно возрождающемся Солнце. Характерно, что одна из иконографических версий Гарпократа, воплотившая образ младенца, сидящего (или стоящего) на раскрытом цветке лотоса (буквальное прочтение древнеегипетской легенды о рождении Солнца, ставшей в позднейшем Египте вариантом официальной космогонии [Матье, 1940, с. 11]), была широко распространена в греко-римское время. Хор как солярное божество представлен на античных геммах на цветке лотоса, зачастую с древнеегипетскими символами светила: солярной ладьей, соколами, павианами и др. Имеющиеся надписи подчеркивают космический характер этого божества [Неверов, 1981, с. 32].

Поздние воплощения Гарпократа, относящиеся к римскому времени, характеризуются гротескностью облика. Как неоднократно замечал Плутарх, это божество имело физический изъян — недоразвитые ноги, поскольку был рожден преждевременно (19, 54, 65). Несомненно, древний писатель был знаком с египетскими источниками, освещающими миф об Осирисе⁵, о чем свидетельствует совпадение многих деталей, в том числе и намеки на физические аномалии Гарпократа⁶. Толкование этого факта дается им с точки зрения генезиса религиозно-философской мысли, «еще несовершенного и несформировавшегося учения людей о богах». Палец прижат к губам в знак молчания и тишины (68).

Космическая сущность Гарпократа отразилась в серии изо-

бражений на стелах и в статуэтках, объединенных общим названием «Хор-на-крокодиле», известных с правления Рамессидов вплоть до римского времени, стелы были особенно популярны в птолемеевское время. Хор-младенец (или юноша) стоит на крокодиле или на паре крокодилов, держит в руках змей, антилоп или львов. Над ним изображена голова Беса — божества, причастного к культуре Гарпократа. Зачастую на плечах Гарпократа восседают соляные соколы. Эта иконография Гарпократа была заимствована у синкретического божества Птаха-Секера-Осириса в облике карлика [Bonner, 1950, с. 585], также бога космического (в аспекте бога-творца). Подобные изображения позволяют читать в них закодированную идею о трехчастном вертикальном членении мира, каждый уровень которого маркирован с помощью звериного кода: соколы (и солнечный диск на голове божества) связаны с небом, змеи и прочие обитатели пустыни — с землей, крокодилы — с подземной (=подводной) стихией, миром нижним.

В повседневной жизни такие изображения играли роль оберегов. Небольшие по размеру воплощения предназначались для ношения в качестве амулетов (фигурки и маленькие стелы имели ушки для подвешивания). На оборотной стороне стел помещались надписи с магическими текстами и заклинаниями против всех вредоносных сил на небе, на земле и в воде, которые символизированы змеями, крокодилами и львами (см., например, тексты на магических стелах из собрания ГМИИ [Hodjash, Berlev, 1982, с. 244 и сл.]). На одном рельефе птолемеевского времени изображение «Хора-на-крокодилах» сопровождается надписью «Хор, убивающий змей» [Sandman-Holmberg, 1946, с. 183, рис. 19]⁷. Магическими свойствами наделялись и фигурки карликов, которые отождествляются согласно надписям. Например, упомянутая выше фаянсовая статуэтка в виде Птаха-карлика из Гизы (см. гл. II, § 2). Бес также изображался стоящим на крокодилах [Blanchard, 1909, с. 19—20, табл. VIII, 26, X, 41, 42].

Ряд статуарных воплощений указывает на то, что Бес полностью сливается с Гарпократом [Roeder, 1956, табл. 15L]. Имеются изображения, сочетающие атрибуты Птаха и Гарпократа [Roeder, 1956, табл. 79 а; Павлов, Ходжаш, 1985, ил. 130]. Фиксируются случаи, когда Гарпократ предстает с уткой в руках или сидящим на ней, подобно «мальчикам-с-локотей» — сыновьям Нила, которым присущи такие атрибуты, как утка или другая водоплавающая птица, цветок лотоса или рыба. Таким образом, иконографически можно проследить слияние или отождествление Гарпократа с другими хтоническими божествами египетского пантеона, имеющими облик младенца или карлика.

Этот процесс наблюдается и за пределами египетского пантеона, когда у Гарпократа появляются атрибуты божеств греческого и иранского пантеонов в том же образе. Они, эти божки-младенцы, в свою очередь, сливались между собой, образуя различные комбинации, например крылатый Аттис (как слия-

ние с Эротом), Мен-Аттис, Митра-Аттис, культы которых прослеживаются в Северном Причерноморье [Кобылина, 1978, табл. 21, 29—34]. В результате подобного слияния и отождествления Гарпократ изображался с палицей Геракла, рогом Обилия и гермой Диониса, крыльями Эрота. Подобно Митре, Гарпократ может быть представлен на вздыбившемся коне (например, на турфанской терракоте; рис. VIII). В свою очередь, и Митра испытал влияние иконографии Гарпократа [Кинжалов, 1958, с. 121].

Во всех случаях Гарпократ изображался в коронах Верхнего и Нижнего Египта, с локоном детства у виска, однако может быть и лысым или с обнаженной головой, нагим, по египетским иконографическим канонам, или одетым в тунику и хитон. При всех вариантах он, как правило, держит палец у рта.

Следует отметить, что воплощения Гарпократа греко-римского времени выполнялись как в египетской, так и в греко-эллинистической манере. Все перечисленные иконографические версии образа Гарпократа характерны для римской эпохи и реализовались на многочисленных предметах мелкой пластики, распространенных на обширной территории и зафиксированных на памятниках различной культурной и этнической принадлежности. Проникали эти предметы в пределы Кушанского государства в результате международной торговли. Это легко проследить по топографии находок: они обнаружены в Таксиле и Беграме, располагавшихся на торговых магистралях, соединявших прибрежные районы Западного Индостана с Центральной Азией. Происходят они и из Восточного Туркестана, через который пролегал караванный путь в Китай.

Кушанское искусство испытало воздействие иконографии Гарпократа при изображении местных божеств. В первую очередь это касается гандхарской школы [Вагегеа, 1941, с. 284—286, табл. II, 21, IV, 3]. Объектами исследований стали четыре рельефа из буддийского комплекса Буткара I в Пакистане (публикация скульптуры см. [Фассеппа, 1962]). На этих рельефах, служивших элементами внешнего убранства ступы, изображены младенцы на распустившихся цветках лотоса. Итальянский исследователь М. Таддеи, уделивший специальное внимание данным рельефам, отметил, что как гандхарские, так и эллинистические изображения с такими композицией и иконографией, восходят к одному прототипу или к одному классу вещей, а именно к изображениям Хора или Гарпократа главным образом греко-римского Египта (рис. XII, 1—4; ср. 6, 7).

Для всех четырех рельефов приводятся иконографические и стилистические параллели и аналогии из Египта, датированные птолемеевским временем. Особенно важно наблюдение М. Таддеи, что среди египетских аналогов имеются и такие, которые, подобно гандхарским рельефам, изображают младенца сидящим не на цветке лотоса, а в цветке лотоса. Единственное отличие: если на александрийском изображении Гарпократ представлен

строго фронтально, то на гандхарском рельефе (№ 1) — с небольшим разворотом вправо. Наряду с элементами, указывающими на влияние египетской иконографии на гандхарскую, автор отмечает пример обратного воздействия. Так, известно изображение Гарпократа из Египта, представляющее это божество сидящим по-восточному, в «буддийском стиле» (ср. индийское воплощение из Невасы, рис. XII, 8).

Однако при отождествлении персонажа на гандхарских рельефах из Буткары I М. Таддеи не считает возможным связывать его с Гарпократом. Этому противоречил бы чисто буддийский контекст. При воплощении существа на цветке лотоса на гандхарских рельефах была использована иконография Гарпократа. Но и подобная адаптация изобразительного мотива должна рассматриваться как отражение сходства известных представлений и сознательная аналогия мышления. Исходя из этого положения, М. Таддеи приступает к отождествлению этого персонажа с одной из персонификаций местных буддийских религиозных представлений и приходит к выводу, что цветок лотоса — это мандала, а божество, помещенное в ней (на ней), — Майтрейя. Проводя иконографическую параллель между Майтрейей и Гарпократом, М. Таддеи отмечает и их концептуальную близость (связь обоих с Луной и Солнцем). Таким образом, заимствование иконографии не случайно, а отражает внутреннее единство, параллелизм представлений, связанных с обоими божествами различных пантеонов. И такое сходство, как отмечает автор, неудивительно в историко-культурном контексте контактов Индии с Западом [Taddei, 1969].

Что касается феномена заимствования инокультурной иконографии для реализации местных религиозных представлений в изобразительных текстах, то такие примеры известны (см. [Раевский, 1980; Раевский, 1985, с. 163—178]). Таково, по сути, само гандхарское искусство. В данном случае важно другое. Дает ли какие-либо перспективы установленный факт заимствования иконографии или на нем замыкается цепь поисков и исследований? Иными словами, может ли иконографическое сходство указывать на заимствование или адаптацию образа иноземного божества местным субстратом?

Обнаруженное современным исследователем иконографическое сходство адекватно восприятию и непосредственных адептов иконографии, знакомых с прототипами, о чем свидетельствует известный среди гандхарских находок материал, связанный с образом Гарпократа, в частности медальон из Таксилы, представляющий Гарпократа-Эрота на цветке лотоса. Иное дело концептуальная близость обоих богов. Принимая выводы М. Таддеи о подмеченной им концептуальной близости, о сходстве представлений, отраженных в иконографии богов различных пантеонов, пришлось бы констатировать, что этот параллелизм должен был быть отмечен этими адептами, т. е. они должны были быть знакомы с культом Гарпократа. И исключать такую возмож-

ность нет оснований, учитывая всю совокупность взаимовлияний в области культуры между Индией и эллинистическо-римским миром, это зафиксировано рядом исследований [Бонгард-Левин, Ильин, 1985, с. 588—589; Бонгард-Левин, 1981, с. 107—111; Бонгард-Левин, Карпюк, 1982, с. 42—52]. Подтверждением такого предположения служит сама организация международной торговли, предусматривавшая долговременное проживание выходцев с Запада на территории Индии, в международных портах, торговых центрах и столичных городах. И, видимо, не случайно в Гандхаре, лежащей на пересечении торговых путей, сложилось искусство, испытавшее влияние римско-эллинистического искусства. Под воздействием античной иконографии здесь реализовались местные буддийские религиозные представления, которые актуализировались благодаря знакомству с религиозно-философскими представлениями античного мира. И одним из элементов такого влияния стала иконография Гарпократа, сидящего на лотосе, из эллинистического Египта, иконография, соответствующая религиозно-философской версии Майтрейи.

Но и не только. Влияние образа Гарпократа М. Таддеи усмотрел и в другом сюжете, однако в данном случае речь скорее идет не о заимствовании иконографии, а о воздействии самого сюжета. Автор подверг анализу рельеф из буддийского комплекса в Сауди Шариф (Пакистан) и аналогичный фриз из Буткары I со сценами из жизни Будды и пришел к выводу, что прототипом этих изображений является сцена удушения Антея Геркулесом, которую он определяет как типичную для монетной иконографии александрийского чекана главным образом времени Антонина Пия. Хотя автор не отрицает популярности этого сюжета и вне Александрии римского времени, все же отмечает, что в египетской мифологии существует параллель мифу об Антее. Более того, он очень близок ей, и в этом случае возможно отождествление Геркулеса с Гарпократом. Гандхарские скульпторы были знакомы с этим сюжетом по образцам, имеющимся в мастерских. Они датируются I в. н. э. [Taddei, 1965, с. 174—178]. Однако, на наш взгляд, такие параллели не свидетельствуют о прямом воздействии иконографии именно Гарпократа на местные воплощения.

Не исключено, что именно через Гандхару иконография Гарпократа проникала на территорию Кушанского царства и сопредельные области, находившиеся под его влиянием. Так, в Хорезме в кушанских слоях были найдены головки от объемных скульптур мальчиков, причем несколько целых экземпляров обнаруживают сходство с Гарпократом. Четыре головки происходят из Топрак-калы. На двух экземплярах видно, что палец руки приложен ко рту, волосы разобраны на три косицы: две над висками, а одна надо лбом. Безусловно, подобные изображения испытали влияние иконографии Гарпократа. Однако наличие больших отверстий в ушах для серег свидетельствует о влиянии индийского искусства. Слияние эллинистическо-египет-

ского и индийского искусства указывает на то, что в Хорезме такие воплощения попадали через Гандхару, где известны многие аналогии. Примечательно, что изображения детей появляются в Хорезме не раньше кушанского времени [Воробьева, 1978, с. 235—239].

Образ ребенка в Хорезме представлен еще одним изображением. Здесь была найдена статуэтка богини с ребенком на руках, которая сопоставляется с одним из типов изображений Иисуса. Эту находку Ю. А. Рапопорт приводит в качестве одного из аргументов воздействия иконографии богини на местное воплощение из святилища Топрак-калы, где статуя богини занимает центральное место в скульптурной группе, при этом отмечается возможность влияния мифов об Иисусе на хорезмские верования [Топрак-кала, 1984, с. 133]. К этому следует добавить следующее: Дж. Розенфильд, анализируя женские изображения на кушанских монетах, отмечал, что на них Нана коррелирует с индийской Умой или Парвати — супругами Шивы, в то время как из другого региона параллельно ей является Исида [Rosenfield, 1967, с. 88].

Образ божественного младенца прослеживается по этнографическим и археологическим материалам из Средней Азии — в Хорезме и Согде и рассматривается как один из вариантов среднеазиатских умирающих и воскресающих богов [Снесарев, 1969, с. 208; Толстов, 1948, с. 204; Лобачева, 1986, с. 23—24]. В Хорезме это царица Мина [Бируни, 1957, с. 257—258], в Согде — Сиявуш [Толстов, 1948, с. 202—205; Дьяконов, 1951, с. 38—44]. Мифологические образы наложили отпечаток на некоторые мусульманские жизнеописания и праздники святых. Этнографические данные позволяют улавливать элементы и целые сюжеты, характерные для представлений об умирающих и возрождающихся богах, такие, как Осирис, Адонис и Дионис, «перекрытых» образами мусульманских святых, что подтверждает существование подобных персонификаций в древней Средней Азии⁸.

В римско-эллинистическом искусстве божества умирающей и возрождающейся природы очень часто изображались как младенцы, причем их иконография свидетельствует о смешении их образов. Они наделяются атрибутами и других богов-младенцев, например крыльями Эроса. И в таком своем отождествлении они обнаруживают сходство с Гарпократом, о чем говорилось выше. Особенно это относится к Дионису.

Культовый Дионис получил распространение в Египте с птолемеевского времени; он почитался как бог-покровитель династии Лагидов. Некоторые представители этой династии именовали себя «Новым Дионисом» [Fraser, 1972, I, с. 204], и в этом аспекте Дионис отождествлялся с Сараписом. Вместе с тем в качестве божества плодородия он был близок Нилу, а благодаря иконографии ребенка сопоставим с Гарпократом. Но и Гарпократу приданы атрибуты Диониса: виноградная гроздь и рог изобилия, с которыми он стал изображаться на терракотах [Ко-

былина, 1978, рис. 15 на с. 150] и фаянсовых амулетах [Алексеева, 1975, с. 37, табл. 7, 12]. На некоторых амулетах Гарпократ левой рукой обнимает столбик, нередко увенчанный виноградной гроздью, а иногда и без нее. Этот предмет Ф. Питри рассматривает как палицу [Petrie, 1914, с. 40, табл. XLVII, 145y], однако подобная трактовка представляется малоубедительной, так как Геракл всегда держит палицу в правой руке. Кроме того, она непомерно велика для Гарпократа. Вероятнее всего, это колонка или столбик, заменяющий рог изобилия или колонку с гермой Диониса.

Аналогичная статуэтка Гарпократа происходит из Мунчактепе (гл. II, § 2; табл. II, 107): обнаженный, лысый Гарпократ с пальцем у рта обнимает колонку. Однотипная терракота, датированная I в. н. э., происходит из Кеп [Кобылина, 1978, рис. 16 на с. 151]. И в этой иконографической версии Гарпократ тождествен Дионису. Об аспекте плодородия свидетельствуют еще две статуэтки из Центральной Азии, кабульская (рис. XIII) и хотанская, где Гарпократ изображен стоящим у трона Сараписа, держащего рог изобилия (рис. VII).

Культ Диониса прослеживается по материалам Бактрии, Хорезма и Гандхары кушанского времени. Об этом сообщают античные авторы, свидетельствуют образительные памятники римского и византийского времени из Египта. На коптских тканях становятся очень популярными сцены триумфа Диониса — покорителя Индии [Матье, Ляпунова, 1951, с. 54—57].

Из Дильберджина происходят четыре очень сходные фигурки юного Диониса. Это терракотовые скульптурки с обнаженным телом, с кистью винограда в правой и птицей на левой руке, на шее — ожерелье, на правом запястье — браслеты. Отмечалось, что такое воплощение несвойственно эллинистическому искусству. Скорее всего это божество растительного мира, известное в Бактрии [Кругликова, 1978, с. 272, рис. 1]. Эти терракоты типологически близки хорезмским, которые также изображают мужской обнаженный персонаж с виноградной гроздью в левой руке и, предположительно, птицей — в правой, на шее — ожерелье. Такие персонажи отождествляются с богами дионисийского круга. Примечательно, что статуэтка подобного персонажа найдена на месте древнего археологически выявленного виноградника кушанского времени [Воробьева, 1978, с. 236]⁹.

Такие статуарные изображения образуют единый иконографический тип с терракотовыми скульптурами в виде сидящих «атлантов», известных на территории Хорезма в слоях первых веков нашей эры, которые обнаруживают сходство с гандхарскими изображениями, причем ближайшими аналогиями хорезмских «атлантов» являются якши — «атланты», известные на фризах ступ из Таксилы [Воробьева, 1978, с. 238].

В индуистской мифологии якшам отводится роль второстепенных полубожественных существ, благосклонных к людям. С ними связывались представления о плодородии, богатстве, они

считались хранителями сокровищ, зарытых в землю или сокрытых в пещерах. Якши изображались в облике прекрасного юноши или, напротив, уродливого карлика с кривыми ручками и ножками [Мифы народов мира, 1982, с. 682; Маслов, 1987, с. 57—60]. В Северной Индии такие изображения были очень популярны в кушанское время [Coomaraswamy, 1927, с. 68 и сл.; Венергеа, 1941, с. 319—326]. Они встречаются и в Центральной Индии. Одно из них происходит из Невасы и датируется первыми веками нашей эры (индо-римские слои) [Sankalia, Deo, Ansari, 1960, с. 363, рис. 170, № 8, рис. 181, № 7] (рис. IV, 16). Это terra-cotta амулет в виде стоящего на низкой подставке карлика с браслетами на руках, прижатых к груди, с каким-то предметом в них. Голова утрачена. Нижняя часть тела задрапирована в широкие штаны с поперечными складками. Подобное же изображение, но из камня, найдено в Питалкоре, к северу от Пифана. Оно датируется II в. до н. э. Существует мнение, что иконография якшей — карликов была заимствована у эллинистических эротов [Goetz, 1974, с. 26, табл. XIV, 36]. Вместе с тем изображения из Невасы и Питалкоре чрезвычайно близки египетским карликам Гарпократу, Птаху-Секеру-Осирису и Бесу (рис. IV, 1; табл. II, 102—108; рис. 15—16). Более того, обнаруживается и их функциональная близость.

В Египте, особенно позднего времени, в представлениях о космических божествах в облике младенца или карликообразного существа наряду с Гарпократом выступает и триединный Птах-Секер-Осирис. Эти персонажи отражали верования в богов всемогущих, самовозрождающихся, дарующих всевозможные блага, гарантирующих плодovitость человека и плодородие природы, в богов-оракулов. Последний аспект был присущ и Бесу. Известно, что вплоть до IV в. н. э. в Абидосе сохранился пережиток культа Осириса в виде оракула бога Беса, карликового божества из «свиты» Осириса [Коростовцев, 1976, с. 131].

Функциональное сходство Беса, Гарпократа и Птаха-Секера-Осириса отразилось и в их иконографии, воплощенной на многочисленных предметах мелкой пластики, в том числе на фаянсовых амулетах. Они изображались в виде фронтальных фигурок большого карлика с кривыми ручками и ножками, наделенных совершенно одинаковыми атрибутами (подробнее см. [Шеркова, 1981б]). Отличительными признаками являются у Беса — борода, у Гарпократа — палец у рта и локон детства (иногда отсутствующий), у Птаха-Секера-Осириса — лысая голова. Нередко все эти признаки сосуществуют в одном воплощении.

Подобная синкретизация представлений, реализующаяся в иконографии богов-карликов, ставших очень популярными, может свидетельствовать о существенных изменениях в религиозных представлениях позднего Египта. Чем можно объяснить эти тенденции? По мнению М. А. Коростовцева, «среди египтян было широко распространено поверье, что существа, благосклонные

к человеку, могут выступать в облике карлика с безобразным лицом и кривыми ногами» [Коростовцев, 1976, с. 144]. И далее: «За помощью человек обращался к Бесам и им подобным, ибо „великие боги“ не всегда были склонны непосредственно вмешиваться в его обыденную жизнь» [Коростовцев, 1976, с. 145]. Аналогичные идеи не были чужды и другим культурам, поэтому эти боги в греко-римское время стали популярны и за пределами Египта, смешиваясь с богами других пантеонов в облике карликообразных существ.

Возвращаясь к кушанским материалам, отметим, что в них нашли отражение образы всех трех египетских богов — Гарпократа, Беса и Птаха-Секера-Осириса (см. гл. 2, § 2). Иконографическое и смысловое сходство Гарпократа и Птаха-Секера-Осириса (а отчасти и Беса) в Египте дает основания считать, что в инокультурной среде они тем более становились неразличимы. Поэтому для выяснения значения их изображений в кушанской культуре необходимо обратиться к материалам, условия отложения которых в закрытых комплексах были наиболее благоприятны для интерпретации их семантики в инокультурной среде. Таковыми являются амулеты из погребений Птаха-Секера-Осириса.

Семантически образ Птаха-Секера-Осириса близок образу Осириса [Шеркова, 1981а, с. 50]. Одним из ритуалов в осирисском обрядовом цикле было захоронение глиняных статуэток Осириса с зернышком ячменя внутри них. Согласно интерпретации Дж. Фрезера, они должны были ускорить рост побегов, обеспечить хороший урожай нового земледельческого года, а положенные в могилу — оживить покойного, т. е. обеспечить бессмертие его души [Фрезер, 1980, с. 418]. Многочисленные изображения иллюстрируют представление об Осирисе как божестве плодородия: как бы из тела бога прорастают побеги. В других случаях передается проросшее изображение Осириса [Матье, 1940, с. 55, рис. 34 а, с. 56, рис. 34 б, 35]. Статуэтки Осириса, положенные в гробики, сопровождали умершего в его могиле. А в гробнице Тутанхамона была найдена деревянная формочка для проращивания зерен, изображающая Осириса и свидетельствующая о реализации представлений о посмертном воскрешении покойного [Картер, 1959, табл. 114].

Сходные обычаи фиксируются и в других этнокультурных регионах. Ритуальный посев семян хлебных злаков на могилах известен по материалам древней Аттики, и был рассмотрен как очистительная жертва [Богаевский, 1916, с. 138]. При этом отмечается, что зерна редко высевались на могилах взрослых. Как правило, это делалось на могилах детей. В мифологических представлениях греков образы зерна и ребенка были метафоричны, поэтому такие представления персонифицировались в образе бога-ребенка Плутона, связанного с Деметрой. Аналогичный обычай при археологических работах был прослежен на могильнике у с. Золотое в Крыму. В одном из детских погреб-

бений I в. н. э., в котором зафиксированы обгоревшие зерна злаковых растений, была найдена итифаллическая скульптурка Гарпократа из египетского фаянса, который отождествляется с Плутосом [Корпусова, 1983, с. 78—79]. В этом же могильнике обнаружены изображения Беса, сопоставляемого с кабирами, культ которых прослеживается на этой территории с VI в. до н. э. [Корпусова, 1983, с. 78—79].

Обычай проращивания злаков, приручиваемый к новому земледельческому году, зафиксирован в различных районах Ирана и Средней Азии. Согласно сведениям, сохранившимся в раннесредневековых арабских источниках, в древнем Иране за 25 дней до Навруза в царском дворце возводили двадцать кирпичных столбов и на каждый из них насыпали злаки. На шестой день Навруза их собирали, рассыпали по полу зала царского дворца и по ним гадали. Особое внимание царь уделял зернам ячменя [Иностранцев, 1909, с. 90]. У белуджей Туркмении был известен обычай в Навруз поливать могилы умерших родственников водой и обсыпать их пшеницей, что связано с представлениями о кормлении умерших. Своими корнями этот обычай уходит в древнеиранские верования, зафиксированные в Авесте, где упоминаются духи-повелители вод и растительности — Хаурватат и Амеретат, которые персонифицировали также идеи о здоровье и бессмертии [Гаффеберг, 1975, с. 241—242].

С культом плодородия в Средней Азии связано приготовление в Навруз ритуальной пищи — сумальяка. Определенное количество зерна пшеницы промывали и проращивали на доске в течение семи дней. Этот обычай приручивался ко времени посевов. Проращивание зерен должно было обеспечить хороший урожай [Снесарев, 1969, с. 211—212]. В этнографических материалах припамирских народностей имеются данные о ритуальных действиях, гарантировавших урожайность злаковых культур в новом году. Основная роль в них отводилась мальчикам [Мухитдинов, 1986, с. 84—85].

Таким образом, широкое распространение обычая проращивания зерен и его связь с представлениями об умирающих и воскресающих богах в образе ребенка в Средней Азии, судя по древним и этнографическим источникам, позволяют рассматривать фигурки Птаха-Секера-Осириса и иконографически близкие изображения Беса и Гарпократа в системе представлений о плодородии в кушанской культуре.

В гандхарском искусстве к числу «вспомогательных» персонажей, причастных к культу плодородия, относятся путти, несущие гирлянды цветов, виноградных гроздьев, участвующие в дионисийских сценах. Нередко они, подобно эротам, изображаются с крыльями. Серия таких изображений происходит из Тилля-тепе [Сарианиди, 1983, рис. 27; Sarianidi, 1985, с. 89, ил. 36, Cat. 6, 5, с. 144—145, ил. 85, Cat. 2, 5, с. 149, ил. 87, Cat. 3, 2], а также с городища Тахти-Сангин. По мнению Б. А. Литвинского и И. Р. Пичикяна, тахтисангинские изображения указы-

вают на прямые заимствования эллинистических образцов I в. н. э. и отождествляются с синкретическим божеством Эротом-Камой, причастным к дионисийскому культу [Литвинский, Пичи-кян, 1979]. Нельзя вместе с тем исключать и воздействия египетской иконографии: именно с такими атрибутами, как и тахтисангинские, — с уткой, виноградской гроздью, с цветком лотоса, иногда с крыльями — изображали мальчиков-с-локоть [Матье, Ляпунова, 1951, с. 44—48, 59]. Иногда их трудно отличить от Гарпократа (ср. [Roeder, 1956, табл. 17f]).

Таким образом, все воплощения богов-младенцев связаны с представлениями о плодородии. Эти образы создавались в сложных процессах религиозного синкретизма на значительных территориях от античного мира до районов Индии, Средней и Центральной Азии, где их развитие происходило не без воздействия со стороны эллинистическо-римской культуры. Прототипами могли служить такие воплощения, как найденные в Таксиле, Беграме, Арикамеду. При создании местных образов их иконография переосмыслилась, приобретая местные черты. Усвоение инокультурной иконографии основывалось на сходных мифологических представлениях, персонифицированных существами в облике юноши, младенца или карлика, причастных к культу плодородия. Подобный образ приобретают и высшие божества, например Вишну при совершении трех великих шагов. Аватара Вамана (карлик) была наиболее ранней из всех воплощений этого бога, причем в данном случае необходимо подчеркнуть связь Вишну с растительным миром [Кёйпер, 1986, с. 107]. В одном из мифов Вишну представлен в облике мальчика [Мифы древней Индии, 1975, с. 39—40]. Известны изображения Вишну в виде многорукого мальчика с поднесенной ко рту одной из левых рук [Вапергеа, 1941, табл. III/6, 7]. Такая иконографическая версия Вишну была достаточно распространенной.

§ 3. Фигурные амулеты и бусы

В первые века нашей эры фигурные амулеты и бусы из египетского фаянса получили феноменальное распространение у самых разных народов. Их носили горожане и сельские жители, оседлое население оазисов и кочевники степных и пустынных районов — словом, все те, кто входил в орбиту торговли античного мира. Фаянсовые амулеты сопровождали и умерших в их загробной жизни. В чем же был секрет такой популярности этих вещей? Какое место находили они в религиозных представлениях пестрого в этническом и культурном отношении населения? Каким смыслом наделялись эти египетские изделия, попадая в инокультурный контекст? Сохраняли ли они связь с египетскими культурами или ассимилировались местными религиозными представлениями?

Эти вопросы поднимались в специальной литературе. Так, для древнего населения Северо-Кавказского края они, по мнению Б. Б. Пиотровского, несомненно, имели магическое значение, однако во многих случаях совершенно не связанное с египетскими культами. Египетские статуэтки наделялись значением древних местных амулетов [Пиотровский, 1931, с. 30]. Аналогичная точка зрения принадлежит В. Б. Виноградову [Виноградов, 1968, с. 39—54].

Редкость египетских амулетов в Малой Скифии трактуется как отсутствие сходства в идеологических представлениях скифов, эллинизированного населения античной ойкумены и Египта [Сымонович, 1961, с. 270—273]. Вместе с тем применительно к памятникам Северного Причерноморья высказывались соображения, что предметы мелкой пластики из египетского фаянса свидетельствуют о распространении египетских культов не только в городах, но и в сельской местности Боспорского царства. Так, по мнению Н. А. Богдановой, наличие египетских изделий в погребениях Крыма первых веков нашей эры говорит о том, что местному населению было известно значение, которое придавали этим амулетам египтяне [Богданова, 1980, с. 86].

По наблюдениям А. К. Коровиной, египетские амулеты в Северном Причерноморье встречаются исключительно в детских погребениях, причем лишь в немногих и чаще целыми наборами, и такое обстоятельство рассматривается как факт поклонения египетским богам родственников умерших детей [Коровина, 1971, с. 110]¹⁰. Аналогичная картина наблюдается и в сельских некрополях, однако интерпретация подобной ситуации существенно отличается от вышеприведенной: египетские культы находили здесь, в Боспорском царстве, свои параллели, отождествлялись с местными культами, особенно с культами плодородия (например, Бес с кабирами, Гарпократ с Плутосом). С культом плодородия связываются изображения Гарпократа и Беса, амулеты в виде различных животных, например черепахи, льва, скарабея и т. д., а также фаллические амулеты. Эти образы и символы реализовались в произведениях греческой коропластики в представлениях о плодородии [Корпусова, 1983, с. 78—79].

Говоря о семантике таких воплощений, Е. М. Алексеева отметила, что в сильно эллинизированном обществе она претерпела изменения; связь изображений с определенными древнеегипетскими культами была утрачена, заново переосмыслена либо частично сохранилась [Алексеева, 1972, с. 10]. В последнем случае речь идет о предметах, которые и в первоначальном виде были наделены апотропейческим смыслом или символизировали общепринятые понятия. «Не случайно,— пишет автор,— наиболее распространенными становятся те изображения, которые содержат общежизненный характер, например, Бес охраняет веселье, добро, детей, дом; лев символизирует силу; Гор и знаки его олицетворяют солярный культ» [Алексеева, 1975, с. 30].

Феноменально само по себе столь широкое распространение

предметов мелкой пластики из египетского фаянса, изготовление которых продолжалось более трех тысяч лет. Однако эта феноменальность базируется на вполне реальных основах: доступность и относительная простота обработки материала, имитирующего драгоценные и полудрагоценные камни, дешевизна поделок и спрос, который перерос границы Египта по крайней мере со времени Ахеменидского царства [Пиотровский, 1958; Коростовцев, 1957; Ставиский, 1975; Литвинский, 1973, с. 134 и сл.; Шеркова, 1983 а, б]. В греко-римское время несколько видоизменился и стабилизировался набор предметов из египетского фаянса. Широко распространялись амулеты в виде амфорок, кулачков-«кукишей», руки и ноги, виноградной грозди, фалла, различных представителей фауны: лягушек, скарабеев, львов и пр. На второй план отступили чисто египетские сюжеты, сакрализованные предметы, что можно объяснить утратой их актуальности, особенно за пределами Египта. Они заменились на изображения, символика которых имела достаточно универсальный для многих культур характер. Она охватывает круг народных представлений, связанных с понятиями плодородия и рождения, независимо от того, на том или этом свете фаянсовые изделия сопровождали своего владельца.

В эпоху эллинизма первоначальное значение этих амулетов, конечно, могло исчезать и исчезало, однако как старое, так и новое значение в широком смысле было апотропическим, поскольку обереги или амулеты для того и предназначены, чтобы наделять его владельца определенной благодатью. Такие вещи характерны для народной религии, народных верований и суеверий, которые в основе своей универсальны. Подчас одно и то же изображение сопровождается различными надписями, свидетельствуя, что в двух случаях одинаковые вещи несли различное конкретное содержание. Это относится и к изображениям египетских богов, которые сохранились в наборе египетских амулетов, распространенных в эллинистическое и римское время. И подобные воплощения также характеризуют пласт народных верований, на уровне которых люди обращались к богам со своими повседневными заботами. Такая своего рода религиозная демократизация, может быть, и послужила причиной популярности образов богов-младенцев и карликов, характерных для различных пантеонов эллинистического и римского времени. Именно они, боги-младенцы и карлики, стали популярными персонажами амулетов и прочих предметов мелкой пластики. Они наделялись универсальными способностями, ибо были «рождены» эпохой эллинизма с присущими ей представлениями о космических богах. Предполагаемая многоаспектность этих божеств не позволяет однозначно интерпретировать и их изображения, например, Хора связывать лишь с солярным культом, льва — с представлениями о силе и т. п. Таким образом, выясняя значение того или иного изображения из египетского фаянса, попавшего в иной этнокультурный контекст, необходимо учитывать

характер религиозных представлений этого контекста, т. е. культуры, в которую проникают такие предметы. Рассмотрим с этой позиции формы амулетов из кушанских комплексов.

Признаки, которые характеризуют отложение египетских амулетов в закрытых кушанских комплексах (см. гл. 2, § 2), позволяют говорить о неслучайности таких находок, следовательно, это указывает на их адаптацию, наделение их каким-то смыслом, присущим данной культуре.

Так, амулеты типа кулачка-«кукиша» могли усваиваться кушанской культурой уже в силу того, что сакральный смысл сложенных в кукиш пальцев имел широкое распространение с самых древних времен. В Месопотамии на рельефах различных эпох встречается изображение руки, поднятой для заклинания, в том числе с пальцами, сложенными в виде кукиша [Wetzell, Schmidt, Mallwitz, 1957, с. 43]. Как представляется, знак кукиша семантически близок, если не однозначен, фаллическим амулетам.

В Египте фаллический культ был тесно связан с образом Осириса как бога плодородия. Согласно мифу, Исида отыскала расчлененное Сетом тело мужа, за исключением детородного органа, который убийца коварно бросил в реку. Как сообщает Плутарх, богиня изготовила его изображение и повелела поклоняться ему и носить в фаллических процессиях. Впереди этих священных шествий несли статую Осириса с неестественно большим фаллом и сосуд с водой, так как всякую влагу, в том числе и Нил, считали истечением Осириса. Символом увлажнения и оплодотворения всего в природе считается тростник, который рассматривается как знак царя и южных пределов мира и который имеет внешнее сходство с фаллом (Исида и Осирис, 36). Таким образом, миниатюрное изображение фалла наделяло его носителя той силой и плодovitостью, которой обладало само божество. Согласно совершенно справедливому замечанию Дж. Фрэзера, бог растительности Осирис рассматривался в качестве божества жизненной энергии, так как мифологическое мышление, присущее людям древности, не допускало разграничения между воспроизводящей способностью животного и растительного мира [Фрэзер, 1980, с. 422].

Дж. Фрэзер приводит описание захоронений, в которых фигурки Осириса помещались между ног умерших [Фрэзер, 1980, с. 418]. В этой связи интересно отметить, что статуэтка Птаха-Секера-Осириса из могильника Туп-хона находилась на скелете умершего, в области таза. Такое местонахождение амулета в виде триединого божества, близкого Осирису в аспекте божества плодородия и потустороннего, подземного мира, может указывать на то, что эта статуэтка была положена в погребение в силу существования местных сходных представлений о самовозрождающемся божестве, семантически тождественном произрастанию злаков. Этот аспект не противоречит близости таких представлений фаллическому культу (см. выше).

Конечно, нет оснований говорить о механическом переносе культа Осириса в иной этнокультурный контекст. Фаллический культ носил достаточно универсальный характер у многих народов древности и связывался с умирающим и воскресающим божеством растительного мира. Имеется он, как известно, и в дионисийском культе, а также детально прослежен на индийских материалах [Wojtilla, Wojtilla, 1976; Фрэзер, 1980, с. 382], в Гилгите и у таджиков [Йеттмар, 1986, с. 276]. Отзвуки фаллического культа известны по этнографическим материалам Средней Азии и Ирана. Так, у современных зороастрийцев Ирана Навруз считается самым благоприятным временем для помолвок и свадеб [Bouse, 1982, с. 172—175]. Этот обычай имеет глубокие корни, так как уже в ахеменидское время браки заключались в начале весеннего равноденствия (Страбон, XV, 3, 17). Согласно Г. Виденгрёну, в этом празднике в древнем Иране реализовалась идея обновления жизни, и вместе с тем существовали определенные ритуалы, связанные с культом плодородия, в том числе и фаллические ритуалы [Widengren, 1965, с. 48—49].

Реликты фаллического культа у таджиков долины Хуф, в Ленинабаде и Кулябской области прослежены на примере приготовления богурсака в форме круглых в сечении валиков и лепешек с желобком, символизирующих женское и мужское начало¹¹, а также обычай гадания женщин по форме брошенных в масло кусочков теста о половой принадлежности будущего ребенка, что восходит к представлениям о связи человеческой плодovitости с хлебом [Снесарев, 1969, с. 226].

Цилиндрические футляры для молитв из Корана также рассматривают как один из пережитков фаллического культа в Средней Азии. Наряду с треугольными футлярами они непосредственно связаны с культом плодородия, ибо являются необходимыми элементами свадебного костюма невесты. Их также носят женщины, которые стремятся иметь многочисленное потомство [Борозна, 1975, с. 290—291].

Эти данные помогают уяснить механизм усвоения в древности чуждых по воплощению, но близких по сути реалий фаллического культа. Фаллический культ был распространен в земледельческих обществах, которым были присущи представления об умирающей и возрождающейся природе, персонифицированной в образе антропоморфного божества с атрибутами, указывающими на его плодотворное начало. Таким образом, элементы этого образа как части целого, к тому же доходчивые по своему воплощению, могли замещать образ целого. Так, через образ антропоморфного божества плодородия могли проникать сходные образы божеств из иных регионов, а также их символы, в том числе и в виде фаллических амулетов. Для примера можно привести факт распространения амулетов в самом Египте. Как уже говорилось, фаллический культ в Египте был связан с образом Осириса, однако фаллические амулеты получили распространение лишь в римское время, следовательно, сама форма

амулета была заимствована, однако она логически «вписалась» в круг местных представлений, реализуя, таким образом, существовавший здесь в течение тысячелетий культ плодородия. Фаллические амулеты должны были обеспечить его обладателю «божественное процветание», плодородие и, возможно, восхождение после смерти.

Семантически близки этим амулетам миниатюрные воспроизведения виноградной грозди — необходимого элемента дионисийских сцен и в эллинистическом, и в буддийском искусстве, а также персонажей, причастных к этому культу или отождествляемых с божествами плодородия. С этим же кругом представлений связаны и амфоровидные подвески-амулеты, символизирующие животворящую, всеочищающую влагу и ритуальное возлияние¹².

Местные верования, связанные с рождением и плодородием, воплощались в образах некоторых животных. К ним относятся изображения лягушки и скарабея, найденные в Индии и Средней Азии. Согласно этнографическим данным Средней Азии, изображение черепахи, лягушки и жабы часто помещали на браслетах, кольцах и других украшениях. Они символизировали богатство, а также гарантировали безопасность от злых сил [Борозна, 1975, с. 284—285; Васильева, 1986, с. 190, 192]. Земледельческим населением Средней Азии был сакрализован и жук скарабей. Ношение рогов этого насекомого (или его различных имитаций) обеспечивало плодовитость. Эти существа наделялись охранительными свойствами [Борозна, 1975, с. 285; Васильева, 1986, с. 192]. Археологические находки изображений этих представителей фауны подтверждают глубокую древность верований, связанных с ними, что обусловило проникновение привозных изделий в виде скарабеев.

Среди амулетов, отражающих представления о земледельческом плодородии, есть и бусы различных форм, в том числе из египетского фаянса. Они являлись составной частью в наборе бус, включающем и местные формы, которым придавалось магическое значение. Бусы имитировали форму зерна и, таким образом, отражали представления о плодородии, переносимые на их обладателя, в первую очередь на женщину. Примеры ношения зерновидных бус фиксируются материалами этнографии Средней Азии [Борозна, 1975, с. 288—289], которые демонстрируют популярность пастовых голубых бус у детей [Васильева, 1986, с. 190].

Таким образом, адаптация форм египетских амулетов происходила потому, что эти символы не были чужды кушанской культуре. Содержание заимствованных инокультурных предметов переосмысливалось в контексте местных представлений, которые в конечном счете обнаруживают сходство не только с изначальным содержанием, но и с тем, которое им придавалось в различных этнокультурных общностях и — шире — в рамках многоэтнических образований. Эти качества дали им возмож-

ность столь широко распространиться в период расцвета международной торговли в первые века нашей эры, ибо они отражали универсальные религиозные представления, свойственные народным религиям, что лаконично выражено в традиционной древнеегипетской формуле: «Жизнь, благополучие, здоровье».

Итак, рассматривая вопрос о воздействии идеологических представлений римского Египта на культуру кушан, мы попытались проанализировать механизмы этого воздействия, в результате чего пришли к некоторым выводам.

Рассмотренные материалы затрагивают пласт как официальных, так и традиционных религиозных представлений полиэтнического, социально дифференцированного Кушанского государства. На обоих уровнях фиксируются примеры заимствований из египетской культуры римского времени. Они проявлялись в форме творческого переосмысления инокультурной иконографии или непосредственной адаптации пришедших извне реалий в соответствии с присущими данному обществу идеологическими и эстетическими представлениями, с учетом также племенных, территориальных, этнических, социальных и прочих специфических особенностей.

Однако содержание и социальная направленность официальных и традиционных религиозных представлений различны, как и мотивация их заимствований. Официальная религия призвана упорядочить представление о космосе, миропорядке с его проекцией на человеческое общество, отсюда центральный момент — объяснить и обусловить происхождение и законность верховной власти, аргументировать ее стабильность связью с космическими силами, персонифицированными богами-покровителями. При этом иноземные боги выполняют функцию архетипа, образца и становятся элементом культуры социальных верхов. Эта сфера общественного сознания, обладая, таким образом, определенной открытостью по отношению к инокультурным феноменам, производит заимствования избирательно, что свидетельствует о знакомстве с содержанием инноваций, которые оказываются явлениями одного порядка с феноменом культуры-адепта. По этому каналу социокультурной коммуникации в кушанскую культуру и проник образ Сарapisа, запечатленного на монетах, при этом сохранилась концепция династического божества.

К несколько иному выводу приводит анализ изображений Гарпократа на гандхарских рельефах. С помощью его иконографии здесь были реализованы представления о космической сущности персонификации будды грядущего миропорядка — Майтрейи. И хотя здесь налицо концептуальное сходство обоих персонажей, определенное не только современным исследователем, но и непосредственными адептами этого заимствования, тем не менее материал позволяет сделать вывод о заимствовании не образа Гарпократа, а его иконографии.

Более консервативная по своей природе традиционная религия, охватывающая основные массы населения, непосредствен-

но связанного с хозяйственно-производительной деятельностью, заимствует инокультурную иконографию, приспособляя ее к своей многовековой традиции, наполняет ее содержанием, присущим местным народным верованиям, которые лишь в силу известного сходства социально-экономического уклада и тенденций развития общества могут наделять эти инокультурные элементы тем же или сходным смыслом, которым они обладали первоначально, в иной среде. Так происходила адаптация фигурных египетских амулетов, которые наделялись смыслом, связанным с представлениями о рождении и плодородии [Шеркова, 1990]. Универсальность этих представлений послужила причиной их адаптации многими культурами, куда они проникали в результате целенаправленных торговых контактов или каких-либо опосредованных связей. Конкретный смысл, первоначальное значение инокультурных сюжетов и образов, связанных генетическими узами с изначальным контекстом мифологических и религиозных представлений, элементами которого эти сюжеты и образы являлись, в инокультурной среде уже сивелированы. Фиксируется лишь конечный результат, нюансы («история» образа, сюжета) остались за пределами знаний адаптирующего субстрата. К этому выводу приводит сравнительный материал, связанный с образами египетских божков-идольчиков, особенно из закрытых комплексов, имеющих различную этнокультурную принадлежность. И в конечном результате такие воплощения также отражают представления о рождении (возрождении) и плодородии, свойственные народным верованиям (ибо миф о том или ином персонаже может не учитываться или быть забыт народной религией в первоначальном регионе его распространения).

И наконец, необходимо отметить, что в условиях установившихся торговых и — шире — культурных контактов, предполагавших длительное проживание носителей других культур за пределами своей страны, наличие культов иноземных богов кажется вполне естественным. И это указывает направление к решению вопроса о путях проникновения и заимствований некоторых идеологических и эстетических представлений египетской культуры культурами Индии, Средней и Центральной Азии кушанского времени.

Контакты Египта с Кушанским царством осуществлялись в русле восточной торговой политики Римской империи и определяли одно из важнейших ее направлений. Во II в. н. э. произошло перемещение центров римской торговли из Южной Индии в северо-западные области Индийского субконтинента. Известные в историографии гипотезы, определяя причины подобного явления, во главу угла ставили специализацию этих территорий по торговле основными товарами: из Южной Индии вывозили драгоценные камни и пряности, из Северной — хлопок. Отсюда и изменения в обменном товаре: вместо золотых и серебряных римских монет стали вывозиться главным образом изделия различных ремесел.

Однако уже во второй половине I в. н. э. через порты Северо-Западной Индии в Римскую империю переправляли товары из Южной Индии, Китая и Центральной Азии. Поэтому перемещение центров международной торговли в эти области можно связывать с расширением границ государства Великих Кушан до Индии на юге и Восточного Туркестана — в восточном направлении.

Факт сложения централизованного государства с выходами в море сыграл важную роль в торговле Римской империи с Индией и Китаем. Стабилизация обстановки в Центральной Азии благоприятствовала ее развитию и обусловила приоритет над другими направлениями.

В кушанский период произошли заметные сдвиги в экономике регионов, входивших в состав Кушанского царства. Возникла сеть ирригационных районов-оазисов с городскими центрами, в которых развивались ремесла и торговля, в первую очередь в Бактрии, где в этот период отмечается «бурная вспышка» товарно-денежных отношений. Показателем экономической и политической стабилизации явилась денежная реформа Вимы Кадфиза, унифицировавшая весовое и иконографическое содержание медного и введенного золотого чекана.

Наряду с внутренними причинами возникновение золотого чекана у кушан было вызвано требованиями международного рынка. Появление золотой монеты указывает и на масштабы торговли. Известное сходство с римскими монетами, особенно в области иконографии, в сочетании с римскими импортами, найденными в кушанских комплексах, служит достаточно веским

доказательством активности этого направления связей, реализовавшихся в товарообмене, в котором использовался золотой чекан.

Участие в международной торговле сыграло положительную роль в развитии экономики Кушанского царства, способствовало товарности ремесленного производства и сельского хозяйства, появлению цепочки торговых центров, протянувшихся вдоль торговых трасс. Кушанские цари и администрация поощряли торговлю, имея от нее непосредственные выгоды в виде торговых пошлин, богатых даров, пополнявших царскую сокровищницу.

В период существования Кушанского царства происходили наиболее интенсивные контакты Индии с Римской империей, которые в течение I в. н. э. базировались на установлении регулярного торгового мореплавания в бассейне северной части Индийского океана. В какой-то степени они осуществлялись и по континентальным торговым путям. Однако в целом сухопутная торговля носила дистанционный характер. Это отразилось на характере некоторых заимствований кушан из египетской культуры, которые были «парфянизированы».

Говоря о расцвете торговых контактов между Римской империей и Индией, составной частью которых были египетско-кушанские связи, мы имеем в виду эволюцию не только количественных характеристик, связанных с частотой и регулярностью торговых вояжей, расширением сфер действия международного товарообмена, но главным образом сущностные параметры этой торговли, ее содержание. Объектами торговли становятся не только предметы роскоши (хотя по-прежнему они охватывают значительную долю общего объема товарообмена между странами). Торговля становится важной для экономического развития внутри стран. За счет восточной торговли в Египте развивались многие ремесла, продукция которых была представлена дорогостоящими предметами вывоза. В Кушанское царство проникает значительное количество предметов римского искусства, которое оказало воздействие на кушанскую культуру. Важным свойством египетского вывоза являлась торговля предметами, специально изготовленными для той или иной страны, выполненными в соответствии с местными вкусами, будь то объекты дешевые или предназначенные для царей и правителей. Этим может объясняться существование в кушанском искусстве предметов, сочетающих черты местного и римско-эллинистического искусства.

Таким образом, говоря о расцвете торговли, мы затрагиваем и область культурных взаимодействий, которые в большей степени отразились на кушанской культуре, хотя и Римская империя испытала воздействие индийской культуры.

Непосредственным результатом торговых контактов с Египтом стали местные имитации привозных вещей, пользовавшихся спросом у кушан. Это бусы, амулеты и другие предметы мел-

кой пластики. Кушанское искусство широко использовало иконографию греко-эллинистических богов, таких, как Дионис и Геракл. Они не утратили своих исконных атрибутов, сохраняя связь с представлениями о плодородии и богах-воителях, отражая сходные местные верования. На их популярность указывают многочисленные воплощения этих богов, известных здесь со времени Греко-Бактрийского царства, однако по всему облику это уже кушанские боги, лишь атрибуты напоминают об их первоначальном происхождении.

В процессе усвоения иконографии греко-эллинистического пантеона в Кушанском царстве нашли отражение и египетские боги, такие, как Сарапис и Гарпократ — наиболее почитаемые в римское время. В официальной религиозной мысли они отражали концепцию верховной власти царя. Поэтому неудивительно, что воплощения именно этих божеств оказались в царской сокровищнице Беграма и столичном городе Таксиле. Известно, что представители Римской империи, совершая миссии в другие страны, практиковали вывоз статуй своих богов, которые предназначались для местных правителей в качестве даров. Статуэтки Гарпократа и Сараписа могли быть преподнесены александрийскими купцами или послами. Таким путем могло происходить знакомство с иноземными богами в условиях достаточно регулярных контактов с Римской империей. И как следствие этого — иконография александрийских богов проникала в кушанское искусство, причем в первую очередь в искусство социальных верхов.

Феномен сознательного заимствования иконографии иноземных богов обусловил и проникновение самого образа бога. Анализ материалов, связанных с адаптацией иконографии Сараписа и Гарпократа в монетной иконографии и элитарном гандхарском искусстве, указывает на их концептуальную близость местным божествам, с которыми они отождествлялись. Такой характер заимствований должен был базироваться на определенном сходстве представлений, в том числе о божественных источниках царской власти.

Параллельно происходили заимствования извне традиционной культуры населения Кушанского царства. Они также проявлялись на основе отождествлений, однако управляемых законами, свойственными народным религиям. И здесь обнаруживается избирательный принцип заимствований инокультурных реалий, которые по своему содержанию могли быть приспособлены к местным представлениям. Например, среди них встречаются изображения того же Гарпократа. Однако, как и в Египте, где среди широких масс населения его образ отнюдь не был связан с представлениями о царской власти, а отражал верования в его защитные свойства, так и в новой среде на такие изображения переносились сходные идеи. Следует подчеркнуть, что в известном смысле иконография персонажа может отъединяться от самого образа. Если при воплощении Майтрейи са-

мым существенным было помещение Гарпократа на лотосе, то для адаптации Гарпократа народной религией достаточным оказался облик этого божества в виде младенца, который отражал представления о божестве-зерне, как одной из иконографических версий бога умирающей и возрождающейся природы. В этом аспекте осмыслялись и другие божества, представленные в облике младенца или карлика, проникшие сюда и отождествленные с богами, выражающими концепцию плодородия и воскрешения. Семантически близки им были фигурные амулеты и бусы. Это явление было характерно не только для кушанской, но и для других культур, оказавшихся в сфере контактов с римским миром.

Прямые контакты Египта с Кушанским царством осуществлялись в достаточно узких хронологических рамках—с рубежа I—II — по III в. н. э. К этому выводу позволяет прийти совокупность источников, свидетельствующих не только о торговых, но и о культурных связях. Рассмотренные примеры заимствований из египетской культуры римского времени очерчивают еще более ограниченный отрезок времени, соответствующий периоду от 80-х годов I в. н. э. до конца II в. н. э. Наиболее выразительны эти материалы в монетной иконографии Канишки и Хувишки, где представлен ряд греко-эллинистических богов, исчезновение которых с монет Васудевы можно рассматривать как симптом изменения не только религиозной ориентации в Кушанском царстве, но и во внешних сношениях. В III в. н. э. египетское мореплавание переживало кризис, и торговля с Индией осуществлялась через Аксумское царство. Именно сюда направлялись послы Васудевы с предназначенными для местного царя богатыми дарами в виде золотого кушанского чекана. Лишь со второй половины IV в. н. э. египетская морская торговля возобновилась, о чем свидетельствует папирус, датированный 359 г. н. э. [Roberts, 1947, с. 270].

Введение

¹ В этом аспекте имеют значение § 38, 39, 41, 47, 48, 52. П. Эггермонт считает, что в этих пассажах отражено время последних лет правления Куджулы Кадфиза перед восшествием на престол Вимы Кадфиза и его вторжением в Индию [Eggermont, 1968]. В. Шофф датирует «Перипл» не ранее 50-х годов н. э., скорее даже 60-х годов н. э., а вторжение юэчжей на территории в долине Инда относит к 95 г. н. э., т. е. ко времени после написания этого итинерария [Schoff, 19126, с. 9—14]. Дж. Кеннеди считает, что в § 47 автор констатирует ситуацию, когда бактрийцы находились под властью кушан [Kempedy, 1913, с. 128—129]. Этот же пассаж Д. Макдоуэл рассматривает как испорченный и полагает, что на этом основании он не может учитываться при исторических реконструкциях [Macdowall, Wilson, 1970, с. 221—223]. По мнению Д. Е. Сиркара, который датирует «Перипл» между 78 и 80 гг. н. э., в нем описываются события перед установлением власти кушан над Скифией [Sircar, 1966, с. 241—245].

В § 38 говорится, что в регионе, примыкающем к нижнему течению Инда, властвовали парфянские цари. Следовательно, эти территории еще скорее всего не входили в состав Кушанского царства. Оно было ограничено Бактрией, где, как пишет в 47-м пассаже аноним, обитал «очень воинственный народ бактрианов». Ниже (§ 64) бактрийцы характеризуются им как торговый народ, через посредство которого в Индию поступали китайские товары [Бичурин, 1950, II, с. 132]. По-видимому, аноним смешивает кушан и бактрийцев (§ 47). Торговля с Западом в регионе нижнего течения Инда происходила и в так называемый «темный период» между падением Греко-Бактрийского царства и сложением Кушанского [Dobbins, 1971; Casson, 1983]. Аноним сообщает, что в Баригазе были в обращении монеты Аполлодора и Менандра. Имеются данные о находках монет Аполлодора и других индо-греческих царей в Восточной Африке [Хвостов, 1907, с. 347].

Глава I

¹ Об этом же районе сообщает и Арриан, упоминая царя Пора, могущество которого уступало лишь Чандрагупте, и легендарную царицу Пандею из династии Пандавов (Арриан 5—9), сведения о которой сохранились в эпической литературе. В «Жизнеописании Аполлония Тианского» Филострат описывает храм в Таксиле, интерьер которого включал сцены с изображениями царя Пора и Александра Македонского (Филострат 2, 20, 24).

² Рассказ Плиния об Аннии Плокамусе, случайно попавшем на Шри-Ланку во время плавания в Индию, по мнению М. М. Хвостова, может рассматриваться как свидетельство о состоявшемся посольстве, поскольку путешественник был принят царем, сильное впечатление на которого произвели римские монеты, показанные ему Аннием Плокамусом [Хвостов, 1907, с. 365].

³ При археологических раскопках в Петре было обнаружено сооружение, которое предположительно рассматривается как незавершенный буддийский храм, датируемый II—III вв. н. э. [Goetz, 19746, с. 245—248].

⁴ На Синайском полуострове в прибрежной полосе в римское время существовало два святилища Зевса Касия. Одно из них находилось в Пелузии,

другое неподалеку от него, на песчаном безводном холме, образующем мыс (Страбон XVI, 1, 31). Эпитет божества происходит от названия горы к югу от Антиохии, и распространение культа этого локального божества в Египте связывают с деятельностью мореплавателей; это божество изображалось в облике младенца с палицей и яблоком [Воплер, 1946, с. 51].

⁵ На торговые связи ханьского Китая с царством Гермея указывают находки монет этого правителя в Восточном Туркестане [Тагп, 1951, с. 338].

⁶ В связи с рассмотрением посреднической роли Армении в этой торговле М. М. Хвостов, ссылаясь на сообщения Зинобия Сирийского, привел данные о существовании в верховьях Евфрата индийского поселения, основанного во II в. до н. э. и просуществовавшего до IV в. н. э. [Хвостов, 1907, с. 288]. Однако из контекста этого источника не следует, что переселенцы из Индии принимали какое бы то ни было участие в торговле. Речь в нем идет об уничтожении Григорием Просветителем (которого и сопровождал Зинобий Сирийский) храмов языческих богов в основанном индийцами поселении (подробнее см. [Kennedy, 1904, с. 309—314]).

⁷ В Среднюю Азию египетские вещи проникали уже в ахеменидское время [Воробьева, 1958; Masson, 1966; Ставиский, 1975, с. 299—300]. О культурных взаимодействиях Египта с этими территориями в ахеменидский период см. [Дандамаев, Луконин, 1980].

⁸ О специфическом характере трансрегионального обмена мелкими предметами, как-то: бусы, амулеты и пр.— см., например, [Lamberg-Karlovsky, 1972, с. 222—229], где говорится, что эти предметы не являются свидетельствами прямых торговых контактов.

⁹ Позже в китайских источниках Египет носил название Дацинь [Pelliot, 1915; Shiratori, 1956; Вельгус, 1978, с. 16—19, 92—93].

¹⁰ Предполагается, что парфянские моряки умышленно исказили истину, стремясь отговорить китайского посла посетить Дацинь [Межгосударственные отношения, 1987, с. 265].

¹¹ Было высказано соображение, что в этом сообщении имелся в виду не Марк Аврелий, а Антонин Пий, так как посольство долго находилось в пути, прежде чем оно достигло китайской столицы [Межгосударственные отношения, 1987, с. 267].

¹² Известный в Китае один клад римских монет [Ferguson, Keynes, 1978, с. 590] скорее всего связан с функционированием торговых путей через Индию.

¹³ В. Шмиттеннер называет Гиппала «полумифической фигурой, в которой греческая традиция персонифицировала решающий шаг в развитии восточного мореплавания» (см. [Schmitthenner, 1979, с. 103], со ссылкой на [Pirgine, 1970, с. 101—119]).

¹⁴ Анализ известных изображений не дает информации о строительном материале, однако уже корабль Хеопса, обнаруженный у южной стены его пирамиды, был построен из кедр. Самая длинная планка обшивки корпуса имела длину 23 м при ширине 52 и толщине 14 см. Вес ее — около тонны. По форме корабль соответствует тем, что изготовлялись из папируса, с высоко поднятым носом и кормой. Возможно, конструкции кораблей предполагали использование обоих материалов, как у кораблей из Дер эль-Бахри [Landström, 1969, с. 8, 20]. При Птолемах кедр для строительства кораблей закупали в Сирии.

¹⁵ Порт Дхенукака В. Тарн идентифицирует с Сигерисом Плиния [Тагп, 1951, с. 372].

¹⁶ Д. Шлинглофф усматривает различия между индийскими кораблями и изображением из Борободура, а также сходство последнего с египетскими, что связано с устройством мачт, которые в индийских конструкциях состоят из одного ствола, укрепленного в палубе, в то время как борободурский и египетские несут сложные сооружения, состоящие из двух стволов, поставленных по диагонали киля, а вершины их совпадают [Schlingloff, 1976, с. 19].

¹⁷ Анализ источника см. [Бонгард-Левин, 1973, с. 23—26; везде цит. по Артхашастр]. О терминах см. [Ramachandran, 1970, с. 74—75].

¹⁸ Существовали и другие караванные дороги, соединяющие оба порта с торговыми пунктами на Ниле. Об их использовании в римское время см.

[Хвостов, 1907, с. 189—192, 380—381; Bell, Johnson, Whitcomb, 1984, с. 44, рис. 1].

¹⁹ Согласно расчетам Р. Бекера (на основании Плиния VI, 101 и сл.), путешествие из Египта в Индию начиналось в конце июня и длилось до конца сентября. Обратное плавание предпринималось с конца декабря до конца марта — начала апреля или с начала февраля до начала мая. Таким образом, каждый конец занимал около трех месяцев [Böcker, 1962, с. 410—411; карта трех направлений плавания на с. 407—408].

²⁰ По мнению П. М. Фрэзера, город был разрушен войсками Цезаря. См. [Fraser, 1972, I, с. 181].

²¹ Третью стадию развития навигационного искусства у Плиния М. М. Хвостов соотносит с периодом правления Августа, а четвертую относит ко времени Клавдия [Хвостов, 1907, с. 386—388]. П. М. Фрэзер разделяет эту точку зрения [Fraser, 1972, I, с. 181—184].

²² В Пакистане обнаружен клад республиканских денариев, однако существует мнение, что они вывозились и во II в. н. э. (см. гл. I, § 2).

²³ П. Эггермонт считает, что к началу нашей эры гидрологические условия Инда претерпели изменения. Восточное и западное русла его, занесенные илом, стали непригодными для навигации. Водный путь проходил по среднему руслу. Этим объясняется процветание Барбарикона во II в. н. э. [Eggermont, 1975, с. 40].

²⁴ Точная локализация этого пункта вызывает в литературе разногласия.

²⁵ В Ангавидже — буддийском тексте, который датируется приблизительно кушанским временем, специальное внимание уделяется лицам, связанным с торговлей. При этом из текста явствует, что традиционная кастовая система в это время претерпевала значительные изменения. По существу, общество разделялось на классы господ и рабов, причем каста шудр, в которую входили люди, занимавшиеся торговлей и предпринимательством, относилась к классу господ. Главным критерием положения в обществе считалось богатство, унаследованное или приобретенное. Такая социально-экономическая система сложилась стихийно: вхождение в единое государство способствовало культурному и торговому обмену между областями, населенными различными народами, живущими в условиях разных социально-экономических укладов, тем самым расширяло традиционную кастовую систему [Мукерджи, 1984, с. 63—65; Бонгард-Левин, Ильин, 1985, с. 477—479].

Надписи из Западной Индии периода кшатрапов и кушан сообщают о том, что ремесленники и торговцы объединялись в сообщества. Среди купцов выделялись владельцы стационарных лавок и караванщики, при этом специальным термином обозначались лица, связанные с морской торговлей. О развитой структуре этих объединений частных торговцев и ремесленников свидетельствует узкая специализация даже внутри отдельных ремесел. Так, торговцы предметами роскоши объединялись в сообщества по продаже жемчуга, ювелирных изделий, предметов из сандалового дерева и т. д. [Puri, 1965, с. 108—109; Литвинский, Седов, 1983, с. 121 и сл.].

²⁶ Этот индеец сопровождал Евдокса из Кизика в его первом вояже в Индию.

²⁷ Документально зафиксировано, что во времена Августа назначались стратеги, которые взымали красноморскую пошлину в Беренике и Миос-Гормосе [Thorley, 1969, с. 210].

Глава II

¹ О проникновении коптских тканей в Среднюю Азию свидетельствуют некоторые египетские сюжеты росписей на средневековых памятниках Согда [Распопова, 1985].

² Виссон упоминается в тексте на погребальной стеле гречанки из Египта, датированной I в. н. э.: «Тело твое будет одето в виссон, после того как вернется оно из *ndt*» [Hodjash, Berlev, 1982, с. 215—217].

³ Наиболее ранние хлопчатобумажные ткани, найденные в Судане, датируются римским временем [Лукас, 1958, с. 242—243].

⁴ В бактрийском городе Ай-Ханум, в сооружении, которое предположительно считается библиотекой, были обнаружены папирусы с сочинениями греческих философов школы Аристотеля и поэтов, относящиеся к III—II вв. до н. э. [Bernard, 1982, с. 157]. Однако этот факт нельзя ставить в один ряд с данными о предметах египетского вывоза в Индию, так как он свидетельствует не о торговых контактах, а о существовании греческой культурной традиции в Греко-Бактрийском царстве.

⁵ Ваза александрийского происхождения была обнаружена в гробнице, которая датируется не позднее II в. н. э., в китайской провинции Хонань [Rostowtzev, 1926, с. 513].

⁶ О генетической связи «финикийской школы стеклоделия» с египетской см. [Шапова, 1983, с. 109—111].

⁷ Страбон описывает Фаросский маяк как удивительную постройку в виде многоэтажной башни из белого мрамора, однако он не упоминает статуи (XIII, 1, 6). О Фаросском маяке с восторгом писал арабский путешественник Ибн Джубайр, посетивший Египет в конце XII в. [Джубайр, 1984, с. 16, 256, примеч. 17].

⁸ Об этой находке нам стало известно из устного сообщения Б. А. Литвинского.

⁹ Об этой находке нам стало известно от Э. В. Ртвеладзе, который любезно предоставил возможность воспользоваться фотографией этого амулета.

¹⁰ Точное местонахождение в пределах Средней Азии неизвестно. Предмет происходит из коллекции Б. Н. Кастальского. Хранится в Отделе Востока Государственного Эрмитажа, инв. № 9896. Отождествление проведено Б. Б. Пиотровским. Упомянут в статье Б. Я. Ставиского [Ставиский, 1975, с. 306].

¹¹ Раскопки под руководством Б. А. Литвинского в 1971 г. Первую публикацию этого предмета см. [Шеркова, 1981 б]. Полную публикацию материалов комплекса Туп-хона см. [Литвинский, Седов, 1984] (раскопки 1960—1961, 1969, 1971 гг.).

¹² Приношу глубокую благодарность Н. Б. Ланда за предоставленную возможность работать с этой коллекцией.

¹³ Согласно исследованиям М. М. Кобылиной, патеки имели облик уродливых карликов, однако отличный от рассматриваемых изображений. У патеков и круг атрибутов иной: корзины, кувшины, тимпаны, что связано, по мнению автора, с их функциями по обслуживанию жертвоприношений и пиров. Их связь с Хором-Гарпократом подчеркнута наличием локона детства и шейными украшениями в виде бутона цветка [Кобылина, 1978, с. 120, рис. 26].

¹⁴ Всего на этом памятнике вскрыто 242 погребения. По классификации Б. А. Литвинского, погребения с египетскими амулетами входят в тип III; см. [Литвинский, Седов, 1984, с. 41, 81—84].

¹⁵ Первую публикацию статуэтки см. [Haskin, 1954, с. 147, рис. 323, 325].

¹⁶ Первую публикацию статуэтки см. [Haskin, 1954, с. 147, рис. 322, 324].

¹⁷ Все эти показатели, весьма внушительные применительно к тому времени, становятся еще более выразительными сравнительно с объемом индоевропейской торговли XVIII и даже начала XIX в., к которому они приближаются [Хвостов, 1907, с. 409—410].

¹⁸ В Южной Индии обнаружены и медные римские монеты, которые использовались для мелких расчетов в римских факториях [Хвостов, 1907, с. 233], и местные подражания им [Vajpeji, 1951, с. 75—76].

¹⁹ В сводке, изданной П. Гуптой, зафиксировано 35 местонахождений кладов, содержащих от нескольких экземпляров до полутора тысяч римских монет. Упоминаются находки одной-двух монет ([Gupta, 1965], см. также публикации отдельных кладов [Gupta, 1955, с. 1—18; Gupta, 1957; Jain, 1957; Unithan, 1963, с. 22—28]).

²⁰ В это число не входят монеты из клада № 9, так как количество монет в этом кладе не определено. Это обстоятельство характеризует и ряд других кладов. Поэтому данные, приведенные в тексте, не абсолютно точны. Далеко не всегда из публикаций становится ясно распределение монет по чеканам императоров (см. табл. III).

²¹ Высказывалось предположение, что торговое мореплавание египтян

охватывало и Коромандельский берег Индостана до третьей четверти I в. н. э. [Begley, 1983, с. 478—480].

²² По мнению Д. Макдоуэла, формирование кладов из Хазро, Манглы и Ахин Поша произошло в середине II в. н. э., так как республиканские денарии находились в обращении и вывозились при Адриане и Траяне. Экземпляры из этих кладов сильно поношены. Исходя из этого, можно допустить, что и клад из Кохата, в котором имелись также сильно поношенные денарии республиканского чекана, был сформирован также во II в. н. э. [Macedowall, 1968, с. 147—149; Mac Dowall, 1974, с. 246—264; см. также Gupta, 1965, с. 47].

²³ Е. Вармингтон предположил, что и после реформы Нерона денарии продолжали вывозить, однако эти ухудшенные монеты переплавлялись, в то время как полноценные дореформенные монеты оставались в обращении [Warmington, 1974, с. 286].

²⁴ Автор предположил, что это перемещение было вызвано визитом Траяна в район Персидского залива для урегулирования торговли с этим регионом (о посольстве кушан к Траяну и о деятельности его по строительству канала в Арсиное см. [Warmington, 1974, с. 94—97]), последующей политикой Адриана, нацеленной на поддержание торгово-экономических отношений с Востоком, и, наконец, расцветом Пальмиры, давшим толчок для активизации сухопутной торговли [Warmington, 1974, с. 291].

²⁵ В музее истории народов Узбекистана хранится 164 римских монеты (из них 42 серебряные), местонахождение которых неизвестно. Однако, по мнению Е. В. Зеймалья, не все из них происходят из Средней Азии [Зеймалья, 1983, с. 63, примеч. 38].

²⁶ Здесь были найдены клады кушанских монет и отдельные монеты: в Ориссе — монеты Канишки, Хувишки и Васудевы [Banerji, 1951, с. 107—109], в Паталипутре и Бихаре — монеты Вимы Кадфиза, Канишки и Хувишки [Altekar, 1952; Gupta, 1953], около Матхуры (монеты Вимы Кадфиза, Канишки, Хувишки и Васудевы) [Sircar, 1956]. В Ориссе была найдена золотая монета — подражание римским и кушанским образцам [Altekar, 1950]. В Таксиле и на территории Центрального Декана были обнаружены глиняные заготовки и буллы, близкие римским монетам [Gupta, 1957, с. 3; Thakur, 1973, с. 278].

²⁷ По-видимому, для таких же целей в Аксумское царство для проживания там иностранцев из Римской империи вывозилось небольшое количество римских денариев (Перипл 6).

²⁸ В Омане была найдена медная кушанская монета (в слое IV в. н. э.) [Albright, 1982, с. 91—92, фиг. 83], однако она не может рассматриваться как свидетельство внешней торговли.

²⁹ Клад, найденный в Сузах, содержал две серебряные александрийские монеты — Адриана и Александра Севера [Raschke, 1978, с. 642, примеч. 759 на с. 828].

³⁰ Эти монеты хранятся в коллекции Азиатского общества в Бомбее [Raschke, 1978, с. 640, примеч. 674 на с. 799].

³¹ Это обстоятельство, по мнению авторов, противоречит факту находок значительного количества кладов имперских ауреев и денариев в Египте. В основном клады состоят из монет II в. н. э., причем, как и в Индии, в кладах «не смешивались» золотые и серебряные монеты.

³² О существовании в Египте «банков» см. также [West, 1941, с. 40].

³³ См., например, [Cunningham, 1892, с. 70; Chakraborti, 1966, с. 72; Bas-ham, 1953, с. 89—90; Scerrato, 1962, с. 18; Göbl, 1960, с. 509—511; Warming-ton, 1974, с. 298—299].

³⁴ Например, Афины со щитом [Göbl, 1957, с. 253].

³⁵ Это заключение базируется на исследовании С. Сковронка, посвященного анализу александрийского чекана римского времени. Однако, например, при рассмотрении монет с изображением Сарapis автор отмечает, что этот тип монет проникает в римский чекан под влиянием александрийского [Skowronek, 1967, с. 48—49].

³⁶ См., например, [Gardner, 1966, с. 149, № 109, табл. XXVIII/21; Cunningham, 1892, с. 154—155, табл. XIII, 8, 9; Göbl, 1957, с. 193, 197, 252, табл. 5/109; Rosenfield, 1967, с. 98, табл. III/57, IX/186, 187; Göbl, 1984, № 161/I на с. 170, № 185/2 на с. 170, № 370/1 на с. 171].

³⁷ Согласно Р. Гёблю, монеты с изображением Сарapisа входят в позднюю группу чекана Хувишки [Göbl, 1957, с. 194], однако предложенное им хронологическое членение монетного чекана этого царя не является общепризнанным [Rosenfield, 1967, с. 63—64].

³⁸ В письменных источниках сведения о Сарapisе появляются не ранее римского времени (Тацит IV, 83—84; Плутарх. Исида и Осирис 28). Анализ источников см. [Коростовцев, 1976, с. 243—254]. Существование культа Сарapisа при Птолемеях Сотере подтверждают эпиграфические материалы из Александрии [Fraser, 1967, с. 41—42].

³⁹ На отождествление Осириса и Сарapisа указывают эпиграфические памятники из Александрии птолемеевского времени [Fraser, 1972, I, с. 250; II, примеч. 471]. В римское время на многих погребальных памятниках Аби-доса — резиденции Осириса, где этот бог назван Сарapisом [Stambaugh, 1972, с. 37—39; см. также Fraser, 1967, с. 24; Fraser, 1972, I, с. 252].

⁴⁰ Слияние в одном персонаже образов нескольких богов отражают изображения на бронзовых александрийских монетах чекана Антонина Пия. На реверсе представлена голова Сарapisа, увенчанная калафом и лучистым венком Гелиоса с рогами Амона — Юпитера; рядом помещен трезубец Нептуна, обвитый змеей — атрибутом Асклепия [Dictionary, 1964, с. 598; Poole, 1892, с. 52, табл. XV/744, 1102].

⁴¹ В этой ипостаси божества — покровителя морских путешествий Сарapis представлен на некоторых монетах александрийского чекана Траяна, Антонина Пия и Марка Аврелия. Иногда Сарapis изображался вместе с Диоскурами, также почитавшимися в Александрии [Skowronek, 1967, с. 48].

⁴² Эти варианты иконографии, воплотившиеся в монетном чекане и на геммах, часто включаются в различные композиции с многими персонажами.

⁴³ В александрийском монетном чекане Сарapis впервые появляется на монетах Птолемея IV Филопатора (222—205 гг. до н. э.). Это профильное изображение головы Сарapisа и Исиды. Позднее, уже в римское время, существуют два варианта, воспроизводящие мемфисское и александрийское статуарные изображения (наряду с изображением головы и бюста божества), помещенные в различный сюжетный контекст: в окружении других богов и богинь, с императорами (иконография, послужившая прототипом для собственно римских монет), на триере, под сенью храма и пр. [Poole, 1892, с. 10].

⁴⁴ 1. Монеты с изображением Сарapisа появляются в городах Малой Азии не ранее имперского времени.

2. Монеты демонстрируют большое разнообразие типов: бог стоящий, сидящий на троне (в том числе в окружении богов или богинь), бюст Сарapisа (иногда вместе с Исидой), т. е. воспроизводит широкий круг типов иконографии, который известен в александрийском чекане.

3. Монеты с изображением Сарapisа, именно те, которые представляют бога в двух, интересующих нас иконографических вариантах, чеканились в целом ряде областей Малой Азии: в Ионии, Кари, Мисии, Эолии, Вифинии, Памфилии, Киликии, Лидии, Фригии, Галатии, Писидии, Каппадокии и Пафлагонии.

4. В хронологическом аспекте наиболее ранние изображения Сарapisа в монетных городских чеканах появляются в Писидии, а затем и других областях, как прибрежных, так и внутренних (здесь и далее речь идет только о двух основных «статуарных» иконографических вариантах).

5. Наиболее раннее появление сидящего на троне Сарapisа известно по монетам Клавдия из Писидии. Другой вариант известен на монетах также Клавдия, но уже из Галатии. В этих чеканах образ Сарapisа сохраняется на монетах II—III вв. н. э. (в Галатии — с конца II в. н. э.).

6. Во II—III вв. н. э. оба варианта имеются на монетах Памфилии (с конца II в. н. э.) и Киликии. Следует отметить, что в чекане Киликии известен только вариант с сидящим на троне Сарapisом, в то время как в различных городах Памфилии чеканились монеты, на которых божество запечатлено либо в обоих иконографических вариантах, либо только стоящим.

7. В целом же для областей Малой Азии образ Сарapisа характерен более всего для чеканов Флавиев. При Адриане в Пафлагонии появляются монеты с сидящим на троне Сарapisом, а затем этот же иконографический

вариант нашел отражение в чекане Антонина Пия, но уже не только в этой области, а и в чекане Пергамона. При этом же императоре в городах Лидии и Вифинии появляется и другой иконографический вариант — стоящий Сарапис, и оба сосуществуют долгое время в Вифинии — от Антонина Пия до Галлиена. При Марке Аврелии в ионийском городе Теосе, в Мисии и Эолии чеканились монеты, изображавшие бога сидящим на троне, а в Каппадокии в это же время — стоящим. В Магнесии (область Кария) оба иконографических варианта известны в чеканах от Септимия Севера до Гордиана. На монетах Коммода в Пергамоне чеканились изображения стоящего Сараписа. Этот вариант воплотился в чеканах Эолии, Мисии и Пафлагонии при Каракалле. На монетах Септимия Севера из Пафлагонии бог изображался сидящим. В течение III в. н. э. в ионийском Колофоне и Мисии чеканились монеты с сидящим на троне Сараписом.

Итак, подводя итоги, следует отметить, что в монетных чеканах городов Малой Азии оба иконографических варианта изображений Сараписа появляются одновременно и сосуществуют. Однако в некоторых областях отдавалось предпочтение одному из вариантов. Например, в Ионии, Мисии и Эолии Сарапис изображался только сидящим на троне, начиная с изображений на монетах Антонина Пия и до поздних воплощений в чекане Максимиана. В Лидии же, где образ Сараписа сохранился в монетном чекане до III в. н. э., начиная со времени Антонина Пия, города «специализировались» на чеканке монет только с одним иконографическим вариантом. При этом обнаруживается, что в целом образ стоящего Сараписа более характерен для чеканов III в. н. э. (будучи избранным в качестве единственного иконографического варианта в Каппадокии и Пафлагонии), в то время как александрийский вариант фиксируется в качестве доминирующего в чекане Флавиев (Иония, Мисия, Эолия, Пафлагония, хотя в первых трех областях эта особенность сохраняется и позже, вплоть до правления Максимиана, в то время как в Пафлагонии наиболее поздние образцы этого варианта принадлежат чекану Септимия Севера и сменяются мемфисским вариантом при последующих императорах, вплоть до Александра Севера).

Следовательно, из числа возможных прототипов для кушанских монет с изображением Сараписа, очевидно, следует исключить монеты Клавдия ввиду их немногочисленности и главным образом из-за того, что каждому из вариантов отдавалось предпочтение в разных областях. Таким же образом следует, видимо, рассматривать монеты из Ионии, Эолии, Мисии, и Киликии, на которых воспроизводился лишь александрийский иконографический вариант, а также монеты из Каппадокии, где известен только мемфисский вариант, и Пафлагонии, в которой варианты не сосуществуют, а сменяются один другим (более ранний — александрийский).

Существование обоих иконографических вариантов прослеживается в Вифинии (которая характеризуется большим числом типов монет с изображением Сараписа), Фригии, Лидии, Писидии, Памфилии и Галатии начиная с монет Адриана (Фригия) и Антонина Пия до Галлиена.

⁴⁵ Очевидно, гипотеза автора возникла под влиянием замечания Филострата о том, что во время своего пребывания в Индии Аполлоний Тианский вместе с индийскими мудрецами обнаружил алтари, которые были посвящены греко-эллинистическим богам (Филострат 2, 43; 3, 14).

⁴⁶ Можно сослаться на терракотовую статуэтку Сараписа из Хотана, представляющую божество сидящим на троне с корнукополой в левой руке. Это воплощение близко по манере исполнения не только фаюмским терракотам, но и всему кругу известных изделий мелкой пластики и монетных изображений, хотя предположительно хотанская статуэтка относится к местным воплощениям [Maillard, 1975, с. 228, рис. 1].

⁴⁷ Аналогичным образом решена прическа Шивы на монетах Васудевы [Rosenfield, 1967, табл. XI].

¹ Материалы, связанные с образом Иисиды в кушанской культуре, носят фрагментарный характер, поэтому специально не рассматриваются.

² Дж. Розенфильд устанавливает параллелизм между иранским лунарным божеством Мао и богом, который известен по монетной иконографии Канишки, сопровождается легендой SALENE и причисляется к сонму римско-эллинистических божеств [Rosenfield, 1967, с. 77, 98, табл. IV/73, V/92, VIII/156, II/31, V/90, VI—VII/115—131, V/91, V/85, II/90].

³ В свое время А. Каннингэм даже предположил, что возможно отождествление имени Сараписа с одним из эпитетов Шивы — Вишванатха («повелитель всего»). Вместе с тем, исходя из иконографического сходства Сараписа на троне с изображениями Плутона, автор предположительно рассматривал Сараписа как бога мертвых. Предмет в правой руке сидящего бога на монетах Хувишки он толкует не как венок, а как аркан (инд. *pasa*, от которого Яма получил эпитеты «*pasi*» и «*pasi-pasa*» — «с арканом в руке»). Таким образом, как божество нижнего мира Сарапис отождествляется автором и с индийским Ямой или Dharmā Raja, и с зороастрийским Bahman или Vohu-mano [Cunningham, 1892, с. 154—155].

⁴ По-видимому, такие представления в период правления Васудевы связывались с образом Шивы, который «вытеснил» из монетного пантеона других богов с теми же функциями.

⁵ Перечень и характеристику источников см. [Коростовцев, 1976, с. 119].
⁶ В этом смысле могла трактоваться фраза Владыки Вселенной из сказки «Тяжба Гора и Сета», обращенная к Гарпократу (Хору): «Ты немощен телом, а этот сан слишком высок для тебя, юноша, изо рта которого смердит!». Во всяком случае, А. Гардинер усматривает намек на это обстоятельство уже в первых строках изложения мифа, где говорится, что божественное дитя сидело перед Владыкой Вселенной. В пользу такого решения свидетельствует и иконография Гарпократа, который, как правило, изображался сидящим [Сказки, 1979, с. 108, 111, 262].

⁷ В магических текстах — заклинаниях, относящихся ко времени XIX—XX династий, говорится о том, что амулеты в виде карликов, стоящих на крокодилах, держащих змей, предотвращают желудочные заболевания. Ношение их должно было обеспечить защиту от различных несчастий, в том числе от укусов животных [Воплет, 1952, с. 584].

⁸ К числу таких напластований относятся траурные обряды, сопровождающиеся совместной трапезой, исчезновение святого, его расчленение, связь с водной стихией, что характерно для мифологем умирающих и воскресающих богов. Кроме того, отмечено сходство ряда атрибутов, например наличие красного цветка. Ярко проступают древние представления о первом земледельце — демурге, цикличности возрождения приполю и живого мира [Снесарев, 1969, с. 205 и сл.].

⁹ Как сообщает Филострат, на горе Ниса (к востоку от р. Кабул, в области Паропамисады) находилось святилище Диониса, расположенное в центре виноградника. В нем содержались золотые и серебряные серпы, корзины, точила, т. е. принадлежности Диониса-виноградара. В святилище возвышался кумир бога, изваянный из белого камня в облике молодого индуса (2, 8).

¹⁰ Впервые эта идея была сформулирована Н. И. Веселовским [Веселовский, 1905, с. 356—357].

¹¹ По наблюдениям и заключению А. К. Писарчик [Снесарев, 1969, с. 266].

¹² На одной фаянсовой подвеске в виде карлика с головой павиана Тота имеется амфорка, в точности воспроизводящая форму амфоровидной подвески. Она помещена на голове персонажа [Riefstahl, 1948, рис. 24].

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- БСЭ — Большая Советская Энциклопедия. Т. 17. М., 1974.
ВДИ — Вестник древней истории. М.
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М.
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР. М.
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. М.— Л.
МАК — Материалы по археологии Кавказа. М.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. М.— Л.
НАА — Народы Азии и Африки. М.
СА — Советская археология. М.
САГУ — Среднеазиатский Государственный Университет.
САИ — Свод археологических источников. М.
СГАИМК — Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры. М.— Л.
СГЭ — Сообщения Государственного Эрмитажа. Л.
ТГЭ — Труды Государственного Эрмитажа. Л.— М.
ХАЭЭ — Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция
ЦАКЭ — Центральная Азия в Кушанскую эпоху. Т. I. М., 1974
ЭВ — Эпиграфика Востока. Л.
АЖ — American Journal of Archaeology. N. Y.
Ага — Artibus Asiae. Ascona
BSOAS — Bulletin of the School of Oriental (and African) Studies London Institution (University of London). L.
EW — East and West. Rome
IHQ — Indian Historical Quarterly. Bombay
IsMEO — Istituto Italiano per il Medio ed Estremo Oriente. Rom
JA — Journal asiatique. P.
JESHO — Journal of the Economic and Social History of the Orient. Leiden
JIH — The Journal of Indian History. Varanasi
JNES — Journal of Near Eastern Studies. Chicago
JNSI — Journal of Numismatic Society of India. Bombay. Varanasi
JRAS — Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland. L.
JRS — Journal of Roman Studies. L.
MASI — Memoirs of the Archaeological Survey of India. Calcutta, Delhi
MDAFA — Mémoires de la Délégation Archéologique française en Afghanistan. Paris, Le Caire
NC — Numismatic Chronicle and the Journal of the Numismatic Society. L.
RE — Payly's Real — Encyklopädie der classischen Altertumswissenschaft. Neue Bearbeitung begonnen von G. Wissowa, hrsg. von W. Kroll. Stuttgart

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеева, 1970.— *Алексеева Е. М.* Классификация бус некрополя у дер. Ново-Отрадное.— МИА. № 155, 1970.
- Алексеева, 1972.— *Алексеева Е. М.* Предметы из египетского фаянса VI в. до н. э.— IV в. н. э. в Северном Причерноморье.— КСИА. Вып. 130, 1972.
- Алексеева, 1975.— *Алексеева Е. М.* Античные бусы Северного Причерноморья. Ч. 1. М., 1975.
- Алексеева, 1982.— *Алексеева Е. М.* Античные бусы Северного Причерноморья. Ч. 2. М., 1982.
- Амударьинский клад, 1979.— Амударьинский клад: каталог выставки. (Вступит. ст. и составитель каталога Е. В. Зеймаль). Л., 1979.
- Античная география, 1953.— Античная география. Под ред. М. С. Бондарского. М., 1953.
- Аравия, 1981.— Аравия: материалы по истории открытия. М., 1981.
- Арриан.— *Арриан*. Индия.— ВДИ. 1940, № 2.
- Артхашастра.— Артхашастра, или наука политики. Изд. подготовил В. И. Калянов. М.— Л., 1959.
- Археологические памятники, 1975.— Археологические памятники Прииссык-куля. Под ред. П. Н. Кожемяко и Д. Ф. Винника. Фрунзе, 1975.
- Баруздин, Брыкина, 1962.— *Баруздин Ю. Д., Брыкина Г. А.* Археологические памятники Баткена и Ляйляка. Фрунзе, 1962.
- Беленицкий, 1954.— *Беленицкий А. М.* Археологические работы в Пенджикенте.— КСИИМК. Вып. 55, 1954.
- Берзина, 1977.— *Берзина С. Я.* Мероз и Китай в I—VIII вв. н. э.— Мероз. М., 1977.
- Берзина, 1982.— *Берзина С. Я.* Древняя Индия и Африка.— Древняя Индия: историко-культурные связи. М., 1982.
- Берзина, 1984.— *Берзина С. Я.* Кушанские монеты в Аксуме.— Информационный бюллетень международной ассоциации по изучению культур Центральной Азии. Вып. 7. М., 1984.
- Берзина, 1986.— *Берзина С. Я.* На путях Сараписа, Исиды и Гарпократа.— НАА. 1986, № 4.
- Бикерман, 1985.— *Бикерман Э.* Государство Селевкидов. М., 1985.
- Бируни, 1957.— *Бируни Абурейхан*. Памятники минувших поколений. Пер. М. А. Салье. Таш., 1957.
- Бичурин, 1950.— *Бичурин И. Я. (Иакинф)*. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I—II. М.— Л., 1950.
- Богаевский, 1916.— *Богаевский Б. Л.* Земледельческая религия Афин. Пг., 1916.
- Богданова, 1980.— *Богданова Н. А.* Семантика и назначение некоторых амулетов из могильников первых веков н. э. юго-западного Крыма.— История и культура Евразии по археологическим данным. М., 1980.
- Боголюбов, 1879.— *Боголюбов Н. П.* История корабля. Т. I. М., 1879.
- Бонгард-Левин, 1973.— *Бонгард-Левин Г. М.* Индия эпохи Маурьев. М., 1973.
- Бонгард-Левин, 1981.— *Бонгард-Левин Г. М.* Древняя Индия и античность (общая характеристика традиций).— Древний Восток и мировая культура. М., 1981.
- Бонгард-Левин, Ильин, 1985.— *Бонгард-Левин Г. М., Ильин Г. Ф.* Индия в древности. М., 1985.

- Бонгард-Левин, Карпюк, 1982.— *Бонгард-Левин Г. М., Карпюк С. Г.* Сведения о буддизме в античной и раннехристианской литературе.— Древняя Индия. Историко-культурные связи. М., 1982.
- Борозна, 1975.— *Борозна Н. Г.* Некоторые материалы об амулетах — украшениях населения Средней Азии.— Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. М., 1975.
- Васильева, 1986.— *Васильева Г. П.* Магические функции детских украшений у туркмен.— Древние обряды, верования и культы народов Средней Азии. М., 1986.
- Вельгус, 1978.— *Вельгус В. А.* Известия о странах и народах Африки и морские связи в бассейнах Тихого и Индийского океанов (китайские источники ранее XI в.). М., 1978.
- Веселовский, 1905.— *Веселовский Н. И.* Курганы кубанской области в период римского владычества на Северном Кавказе. М., 1905.
- Виноградов, 1968.— *Виноградов В. Б.* Место египетских амулетов в религиозно-магической символике кавказцев.— Археолого-этнографический сборник. Т. II. Грозный, 1968.
- Воробьева, 1958.— *Воробьева М. И.* Изображение львов на ручках сосудов из Хорезма.— КСИЭ. Т. XXX, 1958.
- Воробьева, 1978.— *Воробьева М. И.* Античные традиции в памятниках искусства и художественного ремесла древнего Хорезма (по материалам коропластики).— Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов советского Востока. Л., 1978.
- Воронец, 1954.— *Воронец М. Э.* Археологические исследования Института истории и археологии Академии наук УзССР на территории Ферганы в 1950—1951 гг.— Труды Музея истории Узбекской ССР. Вып. II. Таш., 1954.
- Вязьмитина, 1954.— *Вязьмитина М. И.* Сарматские погребения у с. Ново-Филипповка.— Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1954.
- Гафуров, 1972.— *Гафуров Б. Г.* Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. М., 1972.
- Гаффеберг, 1975.— *Гаффеберг Э. Г.* Пережитки религиозных представлений у белуджей.— Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. М., 1975.
- Геродот.— *Геродот.* История в девяти книгах. Пер. и прим. Г. А. Стратановского. М., 1972.
- Голубцова, 1977.— *Голубцова Е. С.* Идеология и культура сельского населения Малой Азии I—III вв. М., 1977.
- Городище Топрак-кала, 1981.— *Городище Топрак-кала* (раскопки 1965—1975 гг.).— ХАЭЭ. Т. XII, 1981.
- Грач, 1984.— *Грач Н. Л.* Открытие нового исторического источника в Нимфее. (Предварительное сообщение).— ВДИ. 1984, № 1.
- Гуревич, 1986.— *Гуревич Н. М.* Заметки об экспортной специализации сельского хозяйства колониальных и зависимых стран Азии в XIX—первой половине XX в.— Зарубежный Восток: вопросы экономической истории. М., 1986.
- Дальверзинтепе, 1978.— *Дальверзинтепе: Кушанский город на юге Узбекистана.* Таш., 1978.
- Дандамаев, Луконин, 1980.— *Дандамаев М. А., Луконин В. Г.* Культура и экономика древнего Ирана. М., 1980.
- Джубайр.— *Джубайр ибн.* Путешествие. Пер. с араб., вступит. ст. и примеч. Л. А. Семенович. М., 1984.
- Древние авторы, 1940.— *Древние авторы о Средней Азии* (VI в. до н. э.— III в. н. э.). Хрестоматия. Под ред. Л. В. Баженова. Таш., 1940.
- Древний Хорезм, 1979.— *Древний Хорезм: Каталог выставок.* Сост. С. А. Трудиновская, В. Е. Войтов. М., 1979.
- Дьяконов, 1951.— *Дьяконов М. М.* Образ Сиявуша в среднеазиатской мифологии.— КСИИМК. Вып. XI, 1951.
- Дьяконова, Сорочкин, 1960.— *Дьяконова Н. В., Сорочкин С. С.* Хотанские древности: Каталог хотанских древностей, хранящихся в Отделе Востока Государственного Эрмитажа. Теракоты и штукатурки. Л., 1960.

- Жуков, 1960.— Жуков В. Д. Находка сестерция Нерона в кушанском слое в Южном Узбекистане.— ЭВ. 1960, т. XIII.
- Захаров, 1926.— Захаров А. А. Фрагмент египетского украшения с юга России.— В кн.: Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук. Труды отделения археологии Института археологии и искусствознания. Таш., 1926.
- Зеймаль, 1962.— Зеймаль Е. В. Клад римских денариев из Таджикистана.— Нумизматика и эпиграфика. Т. III. М., 1962.
- Зеймаль, 1963.— Зеймаль Е. В. Шива на монетах Великих Кушан.— Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы Государственного Эрмитажа за 1962 год. Л., 1963.
- Зеймаль, 1968.— Зеймаль Е. В. Кушанская хронология (материалы к проблеме). М., 1968.
- Зеймаль, 1974а.— Зеймаль Е. В. Начальная дата Канишки — 278 г. н. э.— ЦАКЭ.
- Зеймаль, 1974б.— Зеймаль Е. В. Существовал ли бог Ашаишх?— СГЭ. Вып. XXXVIII, 1974.
- Зеймаль, 1983.— Зеймаль Е. В. Древние монеты Таджикистана. Душ., 1983.
- Зелинский, 1964а.— Зелинский А. Н. Древние крепости на Памире.— Страны и народы Востока. Вып. III. М., 1964.
- Зелинский, 1964б.— Зелинский А. Н. Древние пути Памира.— Страны и народы Востока. Вып. III. М., 1964.
- Зограф, 1951.— Зограф А. Н. Античные монеты.— МИА. № 16, 1951.
- Иностранцев, 1909.— Иностранцев К. А. Сасанидские этюды. СПб., 1909.
- История Африки, 1979.— История Африки. Хрестоматия. М., 1979.
- ИДМ.— История древнего мира. Т. II—III. М., 1982.
- Источниковедение, 1982.— Источниковедение древней Греции: Эпоха эллинизма. М., 1982.
- Петтмар, 1986.— Петтмар К. Религии Гиндукуша. М., 1986.
- Кабанов, 1948.— Кабанов С. К. Археологические находки на Фархадстрое.— Известия АН АЗССР. № 5, 1948.
- Кабанов, 1981.— Кабанов С. К. Культура сельских поселений Южного Согда III—IV вв. Таш., 1981.
- Картер, 1959.— Картер Г. Гробница Тутанхамона. М., 1959.
- Качалов, 1959.— Качалов Н. Стекло. М., 1959.
- Кейпер, 1986.— Кейпер Ф. Б. Я. Труды по ведийской мифологии. М., 1986.
- Кинжалов, 1958.— Кинжалов Р. В. Эрмитажная статуэтка Исиды-Фортуны (К вопросу о позднелинистическом религиозном синкретизме).— ТТЭ. II. 1958. (Культура и искусство античного мира и Востока, I).
- Кобылина, 1978.— Кобылина М. М. Изображения восточных божеств в Северном Причерноморье в первые века н. э. М., 1978.
- Кой-Крылган-кала, 1967.— Кой-Крылган-кала — памятник культуры древнего Хорезма. IV в. до н. э.— IV в. н. э. М., 1967.
- Коровина, 1971.— Коровина А. К. Фаянсовые подвески из некрополей Тирамбы и Фанагории.— ВДИ. 1971, № 1.
- Коростовцев, 1957.— Коростовцев М. А. Древнеегипетские находки в СССР.— Вестник истории мировой культуры. № 2, 1957.
- Коростовцев, 1976.— Коростовцев М. А. Религия древнего Египта. М., 1976.
- Корпусова, 1983.— Корпусова В. Н. Некрополь Золотое: К этнокультурной истории европейского Боспора. Киев, 1983.
- Кошеленко, 1979.— Кошеленко Г. А. Греческий полис на эллинистическом Востоке. М., 1979.
- Кругликова, 1978.— Кругликова И. Т. Новые античные памятники Южной Бактрии. Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока. М., 1978.
- Кругликова, Пугаченкова, 1977.— Кругликова И. Т., Пугаченкова Г. А. Дильберджин: Раскопки 1970—1973 гг. Ч. 2. М., 1977.
- Крюков и др., 1983.— Крюков М. В., Переломов Л. С., Софронов С. В., Чебоксаров Н. Н. Древние китайцы в эпоху централизованных империй. М., 1983.

- Ксенофонт Эфесский.— *Ксенофонт Эфесский*. Повесть о Габрокоме и Антии. М., 1956.
- Культура древнего Рима, 1985.— *Культура древнего Рима*. Т. II. М., 1985.
- Литвинский, 1954.— *Литвинский Б. А.* Новые материалы по археологии Таджикистана.— КСИИМК. Вып. 55, 1954.
- Литвинский, 1958.— *Литвинский Б. А.* Предметы из погребения на Сталинабадских холмах.— Сообщения Республиканского краеведческого музея Тадж.ССР. Сталинабад, 1958.
- Литвинский, 1964.— *Литвинский Б. А.* Таджикистан и Индия: Примеры древних связей и контактов.— Индия в древности. М., 1964.
- Литвинский, 1973.— *Литвинский Б. А.* Украшения из могильников Западной Ферганы. М., 1973.
- Литвинский и др., 1959.— *Литвинский Б. А., Гулямова Э., Зеймаль Т. И.* Работы отряда по сбору материалов для составления археологической карты 1956 г.— Археологические работы в Таджикистане. Вып. 4, 1959.
- Литвинский, Пичикян, 1979.— *Литвинский Б. А., Пичикян И. Р.* Кушанские эроты: Один из аспектов античного влияния на центральноазиатскую культуру.— ВДИ. 1979, № 2.
- Литвинский, Седов, 1983.— *Литвинский Б. А., Седов А. В.* Тепан-шах: Культура и связи кушанской Бактрии. М., 1983.
- Литвинский, Седов, 1984.— *Литвинский Б. А., Седов А. В.* Культы и ритуалы кушанской Бактрии: Погребальный обряд. М., 1984.
- Лобачева, 1986.— *Лобачева Н. П.* К истории календарных обрядов у земледельцев Средней Азии.— Древние обряды, верования и культы народов Средней Азии. М., 1986.
- Лоция, 1865.— Лоция Индийского океана.— Отд. I. [Б. м.], 1865.
- Лубо-Лесниченко, 1985.— *Лубо-Лесниченко Е. И.* Великий шелковый путь.— Вопросы истории. М., 1985, № 9.
- Лукас, 1958.— *Лукас А.* Материалы и ремесленные производства древнего Египта. М., 1958.
- Майдель, 1900.— *Майдель Э. В.* Ветры и штормы Индийского океана. СПб. 1900.
- Мандельштам, Певзнер, 1958.— *Мандельштам А. М., Певзнер С. Б.* Работы кафирниганского отряда в 1952—1953 гг.— МИА. № 66, 1958.
- Маршак, 1959.— *Маршак Б. И.* Пещера Гори-Гур близ Пенджикента.— Труды АН ТаджССР. Т. I. Душ., 1959.
- Маслов, 1987.— *Маслов Ю.* Яшки — духи добрые и злые.— Азия и Африка сегодня. М., 1987, № 5.
- Массон, 1948.— *Массон М. Е.* Неопубликованные монетные находки, зарегистрированные на территории Киргизской ССР до 1947 г.— Труды Института языка, литературы и истории. Вып. II. Фрунзе, 1948.
- Массон, Пугаченкова, 1954.— *Массон М. Е., Пугаченкова Г. А.* Оттиски парфянских печатей из Нисы.— ВДИ. 1954, № 4.
- Матье, 1940.— *Матье М. Э.* Мифы древнего Египта. Л., 1940.
- Матье, Ляпунова, 1951.— *Матье М., Ляпунова К.* Художественные ткани коптского Египта. М., 1951.
- Межгосударственные отношения, 1987.— Межгосударственные отношения и дипломатия на древнем Востоке. М., 1987.
- Мифы древней Индии, 1975.— Мифы древней Индии. М., 1975.
- Мифы народов мира, 1982.— Мифы народов мира: Энциклопедия. Т. 2. М., 1982.
- Мукерджи, 1984.— *Мукерджи Б. Н.* К изучению социально-экономической истории Кушанской империи.— ВДИ. 1984, № 3.
- Мухиддинов, 1986.— *Мухиддинов И.* Обряды и обычаи Припамирских народностей, связанные с циклом сельскохозяйственных работ.— Древние обряды, верования и культы народов Средней Азии. М., 1986.
- Неверов, 1981.— *Неверов О. Я.* Магические амулеты императорской эпохи: Исследование феномена и опыт классификации.— Искусство и религия. Сборник научных трудов Государственного Эрмитажа. Л., 1981.
- Неверов, 1983.— *Неверов О. Я.* Геммы античного мира. М., 1983.
- Обельченко, 1957.— *Обельченко О. В.* Курганные погребения первых веков н. э.

- и кенотафы Кую-Мазарского могильника.— Труды САГУ. Н. сер. Вып. СХІ. Ист. науки. Кн. 25. Археология Средней Азии. Вып. IV, 1957.
- Павлов, Ходжаш, 1959.— *Павлов В. В., Ходжаш С. И.* Художественное ремесло древнего Египта. М., 1959.
- Павлов, Ходжаш, 1985.— *Павлов В. В., Ходжаш С. И.* Египетская пластика малых форм. М., 1985.
- Павсаний.— *Павсаний.* Описание Эллады. Т. I. М.—Л., 1938.
- Памятники, 1983.— Памятники культуры и искусства Киргизии: Каталог выставки: Древность и средневековье. Л., 1983.
- Пигулевская, 1951.— *Пигулевская Н.* Византия на путях в Индию: Из истории торговли Византии с Востоком в IV—VI вв. М.—Л., 1951.
- Пигулевская, 1979.— *Пигулевская Н. В.* Культура сирийцев в средние века. М., 1979.
- Пиотровский, 1931.— *Пиотровский Б. Б.* Египетские предметы в Северо-Кавказском крае.— СГАИМК. № 16, 1931.
- Пиотровский, 1958.— *Пиотровский Б. Б.* Древнеегипетские предметы, найденные на территории Советского Союза.— СА. 1958, № 1.
- Плутарх.— *Плутарх.* Морали: Об Исиде и Осирисе. Пер. с древнегреч. Н. Н. Трухиной.— ВДИ. 1977, № 3—4.
- Перипл.— *Псевдоарриан.* Плавание вокруг Эритрейского моря.— ВДИ. 1940, № 2. (Неизвестного автора «Перипл Эритрейского моря»).
- Пташникова, 1952.— *Пташникова И. В.* Бусы древнего и раннесредневекового Хорезма.— Труды ХАЭЭ. Т. I. М., 1952.
- Пугаченкова, 1966.— *Пугаченкова Г. А.* Халчаян: К проблеме художественной культуры Северной Бактрии. Таш., 1966.
- Пугаченкова, 1981.— *Пугаченкова Г. А.* Храм бактрийской богини на Дальверзин-тепе.— Древний Восток и мировая культура. М., 1981.
- Пугаченкова, 1982.— *Пугаченкова Г. А.* Бактрийско-индийские связи в памятниках искусства.— Древняя Индия: Историко-культурные связи. М., 1982.
- Пьянков, 1985.— *Пьянков И. В.* «Шелковый» путь от Гераполя в Серику: Азиатский участок.— Памироведение. Вып. II. Душ., 1985.
- Раевский, 1980.— *Раевский Д. С.* Эллинские боги в Скифии? К семантической характеристике греко-скифского искусства.— СА. 1980, № 1.
- Раевский, 1985.— *Раевский Д. С.* Модель мира скифской культуры: Проблемы мировоззрения ираноязычных народов евразийских степей I тысячелетия до н. э. М., 1985.
- Распопова, 1985.— *Распопова В. И.* Стекланные сосуды с росписью из Пенджикента.— СА. 1985, № 3.
- Ртвеладзе, 1977.— *Ртвеладзе Э. В.* Несколько древнеегипетских предметов из Северной Бактрии.— СА. 1977, № 2.
- Сарианиди, 1983.— *Сарианиди В. И.* Афганистан: Сокровища безымянных царей. М., 1983.
- Сарианиди, Кошеленко, 1982.— *Сарианиди В. И., Кошеленко Г. А.* Монеты из раскопок некрополя, расположенного на городище Тилля-тепе: Северный Афганистан.— Древняя Индия: Историко-культурные связи. М., 1982.
- Светоний.— *Светоний Транквила Гай.* Жизнь двенадцати цезарей. М., 1964.
- Сердитых, Кошеленко, 1982.— *Сердитых З. В., Кошеленко Г. А.* О некоторых новых публикациях по искусству Гандхары.— СА. 1982, № 4.
- Сказки, 1979.— Сказки и повести древнего Египта. Л., 1979.
- Снесарев, 1969.— *Снесарев Г. П.* Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969.
- Согомонов, 1985.— *Согомонов А. Ю.* Греческая колонизация Леванта: этнические и социокультурные контакты эпохи арханки.— ВДИ. 1985, № 1.
- Ставиский, 1960.— *Ставиский Б. Я.* «Ампула святого Мина из Самарканда».— КСИИМК. Вып. 80, 1960.
- Ставиский, 1964.— *Ставиский Б. Я.* Средняя Азия, Индия, Рим: К вопросу о международных связях в кушанский период.— Индия в древности. М., 1964.
- Ставиский, 1975.— *Ставиский Б. Я.* О культурных связях древней Средней

- Азии с домусульманским Египтом: К постановке вопроса. Древний Восток. Сб. I. М., 1975.
- Ставицкий, 1977.— *Ставицкий Б. Я.* Кушанская Бактрия: Проблемы истории и культуры. М., 1977.
- Страбон.— *Страбон.* География в 17 книгах. Пер. Г. А. Стратановского. М., 1964.
- Сымонович, 1961.— *Сымонович Э. А.* Египетские вещи в могильниках Неаполя Скифского.— СА. 1961, № 1.
- Тацит.— *Тацит Корнелий.* Сочинения. Т. I. Л., 1969.
- Толстов, 1948.— *Толстов С. П.* Древний Хорезм: Опыт историко-археологического исследования. М., 1948.
- Томсон, 1953.— *Томсон Дж. О.* История древней географии. М., 1953.
- Топрак-кала, 1984.— Топрак-кала: Дворец.— Труды ХАЭЭ. Т. 14. М., 1984.
- Тревер, 1940.— *Тревер К. В.* Памятники греко-бактрийского искусства. М.—Л., 1940.
- Тревер, 1958.— *Тревер К. В.* Золотая статуэтка из селения Хаит: Таджикистан: К вопросу о кушанском пантеоне.— ТГЭ. Т. II. Ч. I. 1958.
- Тревер, 1961.— *Тревер К. В.* Бактрийский бронзовый фалар с изображением Диониса.— ТГЭ. Т. V. 1961.
- Трудновская, 1952.— *Трудновская С. А.* Украшения позднеантичного Хорезма по материалам из раскопок на Топрак-кале.— Труды ХАЭЭ. Т. I. М., 1952.
- Уварова, 1900.— *Уварова П. С.* Могильники Северного Кавказа.— МАК. Вып. VIII, 1900.
- Филострат.— *Филострат Флавий.* Жизнь Аполлония Тианского. М., 1985.
- Фрэзер, 1980.— *Фрэзер Дж. Дж.* Золотая ветвь: Исследование магии и религии. М., 1980.
- Хвостов, 1907.— *Хвостов М. [М.]*. История восточной торговли греко-римского Египта: 332 г. до Р. Х.—284 г. по Р. Х. Казань, 1907.
- Шеркова, 1980.— *Шеркова Т. А.* Морская торговля римского Египта с Индией.— Всесоюзная школа молодых востоковедов: Тезисы докладов и сообщений молодых ученых. Т. II. Ч. 2. История. Идеология. Источниковедение. М., 1980.
- Шеркова, 1981а.— *Шеркова Т.* О характере контактов между Кушанским царством и Восточным Средиземноморьем: По археологическим материалам из Бактрии.— Информационный бюллетень Международной ассоциации по изучению культур Центральной Азии. Вып. I. М., 1981.
- Шеркова, 1981б.— *Шеркова Т. А.* Скульптурка египетского божества из могильника Туп-хона: Южный Таджикистан.— ВДИ. 1981, № 4.
- Шеркова, 1983а.— *Шеркова Т. А.* Морская торговля римского Египта с Индией.— НАА. 1983, № 4.
- Шеркова, 1983б.— *Шеркова Т. А.* О контактах Египта с Кушанской Бактрией: По археологическим материалам из Бактрии.— Древний и средневековый Восток: История. Филология. М., 1983.
- Шеркова, 1986.— *Шеркова Т. А.* Сарапис на монетах Хувишки.— Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур древнего и средневекового Востока. М., 1986.
- Шеркова, 1990.— *Шеркова Т. А.* Судьбы египетских вещей в кушанской культуре.— Проблемы интерпретации памятников культуры Востока. М., 1990.
- Шефер, 1981.— *Шефер Э.* Золотые персики Самарканда: Книга о чужеземных диковинах в империи Тан. М., 1981.
- Шифман, 1978.— *Шифман И. Ш.* К вопросу о датировке § 19 «Перипла Эритрейского моря».— Палестинский сборник. Вып. 26 (89). Л., 1978.
- Шапова, 1983.— *Шапова Ю. Л.* Очерки истории древнего стеклоделия: По материалам долины Нила, Ближнего Востока и Европы. М., 1983.
- Эллинистическая техника, 1948.— Эллинистическая техника. Сборник статей. М.—Л., 1948.
- Энциклопедический словарь, 1892.— Энциклопедический словарь. Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Эфрон. Т. VI. А. СПб., 1892.
- Юсупов, 1986.— *Юсупов Х.* Древности Узбоа. Аш., 1986.

- Adams, 1965.—*Adams R.* Land Behind Baghdad: A History of Settlement on the Diyala Plains. Chicago, 1965.
- Albright, 1982.—*Albright F. P.* The American Archaeological Expedition in Dhofar, Oman, 1952—1953. Washington, Dc, 1982 (Publications of the American Foundation for the Study of Man, vol. VI).
- Altekar, 1940.—*Altekar A. S.* The Relative Prices of Metals and Coins in Ancient India.—JNSI. 1940, vol. 2.
- Altekar, 1950.—*Altekar A. S.* A Unique Kushano-Roman Gold Coin of King Dharmadadhara (?).—JNSI. 1950, vol. 12, pt. I.
- Altekar, 1952.—*Altekar A. S.* Coins in Kumrah and Buladibad: Pataliputra, Excavations in 1912—1913.—JNSI. 1952, vol. 13, pt. II.
- Asthana, 1976.—*Asthana Shashi.* History and Archaeology of Indian Contacts with other Countries from Earliest Times to 300 B. C. Delhi, 1976.
- Auboyer, 1961.—*Auboyer J.* Daily Life in Ancient India from 200 B. C. to 700 A. D. 1961.
- Bagnal, 1976.—*Bagnal R. S.* The Florida Ostraka: Documents from the Roman Army in Upper Egypt. Durham Univ. Press, 1976.
- Banerjea, 1941.—*Banerjea J. N.* The Development of Hindu Iconography. Calcutta Univ. Press, 1941.
- Banerjea, 1950.—*Banerjea J. N.* Presidential Address.—JNSI. 1950 vol. XI, pt. II.
- Banerjee, 1921.—*Banerjee G.* India as Known to the Ancient World. L., etc., 1921.
- Banerji, 1951.—*Banerji A.* Kushānas in Eastern India.—JNSI. 1951, vol. XIII, pt. I.
- Barger, 1941.—*Barger E.* Excavations in Swat and Explorations in the Oxus Territories of Afghanistan.—MASI. 1941, № 64.
- Basham, 1953.—*Basham A. L.* New Study of the Saka-Kusāna Period.—BSOAS. 1953, vol. 15.
- Beck, 1928.—*Beck H. C.* Classification and Nomenclature of Beads and Pendants.—Archaeologia or Miscellaneous Tracts Relating to Antiquity. Ser. ser. Vol. XXVII. L., 1928.
- Beck, 1941.—*Beck H. C.* The Beads from Taxila.—MASI. 1941, № 65.
- Begley, 1983.—*Begley V.* Aricamedu Reconsidered.—AJA. 1983, vol. 87, № 7.
- Bell, 1954.—*Bell H. J.* Cults and Creeds in Graeco-Roman Egypt. Liverpool Univ. Press, 1954.
- Bell, etc., 1984.—*Bell L., Johnson J. H., Whitcomb D.* The Eastern Desert of Upper Egypt: Routes and Inscriptions.—JNES. 1984, vol. 43, № 1.
- Bernard, 1972.—*Bernard A.* Le Paneion d'el-Kanais: les inscriptions greque. Leiden, 1972, № 38.
- Bernard, 1982.—*Bernard P.* An Ancient Greek City in Central Asia.—Scientific American. 1982, vol. 246, № 1.
- Bersina, 1988.—*Bersina S.* In the Ways of Sarapis, Isis and Harpocrates.—Ancient and Mediaeval Monuments of Civilization of Southern Arabia. Investigation and Conservation Problems. Moscow, 1988.
- Bivar, 1970.—*Bivar A. D. H.* Trade Between China and Near East in the Sasanian and Early Muslim Periods.—A Colloquy Held 29 June to 2 July 1970. Colloquies on Art and Archaeology in Asia, № 1. Univ. of London. School of Oriental and African Studies. 1970.
- Blanchard, 1909.—*Blanchard R. H.* Handbook of Egyptian Gods and Mummy Amulets. Cairo, 1909.
- Böker, 1962.—*Böker R.* Monsunschiffahrt in Indien.—RE. Supplementband IX, 1962.
- Bongard-Levin, 1987/1988.—*Bongard-Levin G. M.* Ancient India and the Graeco-Roman World.—The Indian Historical Review. 1987/1988, vol. X, № 1—2.
- Bonner, 1946.—*Bonner C.* Harpokrates: Zeus Kasios of Pelusium.—Hesperia. Baltimore, 1946, vol. XV, № 1.
- Bonner, 1950.—*Bonner C.* Studies in Magical Amulets Chiefly Graeco-Egyptian. Ann Arbor. The Univ. of Michigan Press, 1950.
- Bonnet, 1952.—*Bonnet H.* Reallexikon de ägyptischen Religionsgeschichte. B., 1952.

- Book of Dead, 1951.—The Book of Dead. An English transl. of the Chapters, Hymns, etc. of the Theban Recension, with Introduction, Notes, etc. by E. A. W. Budge, M. A. Litt, D. Litt. N. Y., Barnes and Noble, 1951.
- Boyce, 1982.—*Boyce M.* A History of Zoroastrianism. Vol. II. Leiden-Köln, 1982.
- Budge, 1904.—*Budge E. A.* The Gods of the Egyptians or Studies in Egyptian Mythology. Vol. 1—2. L., 1904.
- Casson, 1959.—*Casson L.* The Ancient Mariners: Seafarers and Sea Fighters of the Mediterranean in Ancient Times. N. Y.: Macmillan, 1959.
- Casson, 1971.—*Casson L.* Ships and Seamanship in the Ancient World. Princeton, Princeton Univ. Press, 1971.
- Casson, 1983.—*Casson L.* Sakas Versus Andhras in the Periplus Maris Erythraei.—JESHO. 1983, vol. XXVI, pt. 2.
- Chakraborti, 1939.—*Chakraborti H.* Foreign Denominations of Ancient Indian Coins.—IHQ. 1939.
- Chakraborti, 1966.—*Chakraborti H.* Trade and Commerce of Ancient India: 200 B. C.—650 A. D. Calcutta: Acad. Publ., 1966.
- Charlesworth, 1924.—*Charlesworth M. P.* Trade Routes and Commerce of the Roman Empire. Cambridge, Univ. Press, 1924.
- Charlesworth, 1951.—*Charlesworth M. P.* Roman Trade with India: A Resurvey.—Studies in Roman Economic and Social History in Honour of Allan Chester Johnson. New Jersey, Princeton, 1951.
- Chavannes, 1907.—*Chavannes E.* Les pays d'Occident d'après le Heau Han chou.—T'oung Pao. Sér. II (Leide), 1907, vol. VIII.
- Chhabra, 1961.—*Chhabra B. Ch.* Navigation in Ancient India.—March of India. Delhi. 1961, vol. 13, № 10.
- Cimino, Scialpi, 1974.—*Cimino R. M., Scialpi F.* India and Italy. Rome, 1974.
- Clermont-Ganneau, 1903.—*Clermont-Ganneau C.* Inscription gréco-palmyrénienne d'Égypte.—Recueil d'archéologie orientale. 1903, vol. 5.
- Coarelli, 1962.—*Coarelli F.* The Painted Cups of Begram and the Ambrosian Iliad.—EW. N. S., 1962, vol. 13, pt. 4.
- Conrady, 1920.—*Conrady A.* Die Chinesischen Handschriften und Sonstigen Kleinfund Sven Hedins in Lou-Lan. Stockholm, 1920.
- Coomaraswamy, 1927.—*Coomaraswamy A. K.* History of Indian and Indonesian Art. London, Leipzig, New York, 1927.
- Cunningham, 1892.—*Cunningham A.* Coins of the Kushânas, or Great Yue-ti.—NC. 3-d ser., 1892, vol. XII.
- Czuma, Morris, 1985.—*Czuma S. I.* Introduction.—*Czuma S. I., Morris R.* Kushan Sculpture: Images from Early India. Cleveland, 1985.
- Dalton, 1964.—*Dalton O. M.* The Treasure of the Oxus. 3-d ed. L., 1964.
- Dani, 1965—1966.—*Dani A.* Shaikhan Dheri Excavation: 1963 and 1964 Seasons.—Ancient Pakistan. Peshawar, 1965—1966, vol. II.
- Dar, 1979.—*Dar S. R.* Toilet Trays from Gandhara and Beginning of Hellenism in Pakistan.—Journal of Central Asia. 1979, vol. 2, № 2.
- Daressy, 1905—1906.—*Daressy G.* Statues de divinités. Le Caire, 1905—1906. Service des antiquités de l'Égypte. Catalogue général de des antiquités égyptiennes du Musée du Caire. T. I—II.
- Dictionary, 1964.—Dictionary of Roman Coins, Commenced by the Late. Ed. by S. W. Stewenson, C. R. Smith, F. W. Madden. L., 1964.
- Digby, 1957.—*Digby A.* Boats and Ships.—A History of Technology. Ed. by Ch. Singer etc. Vol. I. Oxf., Clarendon Press, 1957.
- Dio Chrys., 1932—1940.—*Dio Chrysostomus.* With an English transl. by J. W. Cohoon and L. Crosby. L., 1932—1940.
- Dobbins, 1971.—*Dobbins K.* The Commerce of Kapisena and Gandhara after the Fall of Indo-Greek Rule.—JESHO. 1971, vol. XIV, pt. III.
- Dray, Myers, 1946.—*Dray E., Myers O. H.* Glazed Quartz Beads of the Romano-Arab Period.—The Journal of Egyptian Archaeology. 1946, vol. 32.
- During-Caspers, 1981.—*During-Caspers E. C. L.* The Indian Ivory Figurine from Pompei. A Reconsideration of its Functional Use.—South Asian Archaeology 1979. Ed. by H. Härtel. B., 1981.
- Eggermont, 1968.—*Eggermont P. H. L.* The Date of the Periplus Maris Erythraei.—Papers on the Date of Kanishka. Submitted to the Conference on

- the Date of Kaniska. London, 20—22 April, 1960. Ed. by A. L. Basham. Leiden, 1968.
- Eggermont, 1970.—*Eggermont P. H. L.* Alexander's Campaign in Gandhāra and Ptolemy's List of Indo-Scythian Towns.—*Orientalia Lovaniensia Periodica*. 1. [Leuven], 1970.
- Eggermont, 1975.—*Eggermont P. H. L.* Alexander's Campaigns in Sind and Baluchistan and the Siege of the Brahmin Towns of Harmatelia. Leuven, Univ. Press, 1975. (*Orientalia Lovaniensia Analecta*, 3).
- Faccenna, 1962.—*Faccenna D.* Sculptures from the Sacred Area of Butkara I: Swat, Pakistan. Pt. 2—3.—*IsMEO. Reports and Memoirs*, vol. II/2, 1962.
- Ferguson, Keynes, 1978.—*Ferguson J., Keynes M.* China and Rome.—*H. Temporini*. Hsbg. Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt. II.9.2. B., 1978.
- Frank, 1940.—*Frank T.* An Economic survey of Ancient Rome. Vol. V. Baltimore, 1940.
- Frankfort, 1979.—*Frankfort H.-P.* Les Palettes du Gandhara.—*MDAFA*. T. XXIII, 1979.
- Fraser, 1967.—*Fraser P. M.* Current Problems Concerning the Early History of the Cult of Sarapis. *Opuscula Atheniensia*, VII. Lund, 1967.
- Fraser, 1972.—*Fraser P. M.* Ptolemaic Alexandria. Vol. I—III. Oxf., 1972.
- Gardner, 1966.—*Gardner P.* The Coins of the Greek and Scythic Kings of Bactria and India in the British Museum. Chicago, 1966 (reprint).
- Gibson, 1958.—*Gibson C. E.* The Story of the Ship from Earliest Day to the Present. London—New York, 1958.
- Göbl, 1957.—*Göbl R.* Münzprägung der Kusān von Vima Kadphises bis Bahram IV.—*Altheim F., Stiehl R.* Finanzgeschichte der Spätantike. Frankfurt am Mein, 1957.
- Göbl, 1960.—*Göbl R.* Roman Patterns for Kushāna Coins.—*JNSI*. 1960, vol. XXII.
- Göbl, 1965.—*Göbl R.* La relazioni numismatiche tra Roma e l'impero dei Kushana.—*Congresso International di Numismatica*, Roma 11—16 Settembre, 1961. Rome, 1965.
- Göbl, 1968.—*Göbl R.* Numismatic Evidence Relating to the Date of Kaniska.—*Papers on the Date of Kaniska*. Submitted to the Conference of the Date of Kaniska. London, 20—22 April, 1960. Ed. by A. L. Basham. Leiden, 1968.
- Göbl, 1984.—*Göbl R.* Münzprägung des Kusānreiches. System und Chronologie der Münzprägung des Kusānreiches. Wien, 1984. *Osterreichische Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse. Veröffentlichungen der numismatischen Kommission Sonderband*.
- Goetz, 1974a.—*Goetz H.* Studies in the History, Religion and Art of Classical and Medieval India. Wiesbaden, Franz Steiner Verlag, 1974.
- Goetz, 1974b.—*Goetz H.* An Unfinished Early Indian Temple at Petra, Transjordan. —*EW*. 1974, vol. 24.
- Golénisheff, 1891.—*Golénisheff W.* Ermitage imperial Inventaire de la collection égyptienne. SPb., 1891.
- Grant, 1954.—*Grant M.* Roman Imperial Money, L., 1954.
- Grenet, 1982.—*Grenet F.* Trois Documents Religieux de Bactriane Afghane.—*Studies Iranica*. Leiden, 1982, vol. 11.
- Grimm, 1975.—*Grimm G.* Kunst der Ptolemäer und Römerzeit im Ägyptischen Museum Kairo. Mainz, 1975.
- Grünwedel, 1912.—*Grünwedel A.* Altbuddhistische Kultstätten in Chinesisch-Turkistan: Bericht über Archäologische Arbeiten von 1906 bis 1907 bei Kuča, Qarašahr und in der Oase Turfan. Berlin, Reimer: Kgl. Preussische Turfan Expeditionen, 1912.
- Gupta, 1953.—*Gupta P.* The Date of Kushana Currency in the Eastern India.—*JNSI*. 1953, vol. XV, pt. II.
- Gupta, 1955.—*Gupta P. L.* Bibliography of the Hoard of Punch-Marked Coins of Ancient India.—*JNSI*. 1955, vol. XVII, pt. 1, № 2.
- Gupta, 1957.—*Gupta P. L.* Nasthulapur Hoard of Silver Roman and Punch-Marked Coins.—*JNSI*. 1957, vol. XIX.
- Gupta, 1965.—*Gupta P. L.* Roman Coins from Andhra Pradesh. Andhra Pradesh Government Museum Series. № 10. Hyderabad, 1965.

- Hackin, 1935.—*Hackin J.* Répartition des monnaies anciennes en Afghanistan.—*JA*, 1935, t. 226.
- Hackin, 1954.—*Hackin J.* Nouvelles Recherches archéologiques à Begram: 1939—1940.—*MDAFA*, T. XI, 1954.
- Hans, 1968.—*Hans E., Wulff H. S., Koch L.* Egyptaans Faience.—*Archaeology*, 1968, vol. 21, № 2.
- Harden, 1970.—*Harden D. B.* Ancient Glass, II.—*The Archaeological Journal*, 1970, vol. 126.
- Hariharan, 1965—1966.—*Hariharan K. V.* Some Aspects of Ancient Indian Ship-building and Navigation.—*Journal of the University of Bombay*, July 1965—January 1966. New Ser. Vol. XXXIV, pt. 1—4.
- Haws, 1975.—*Haws D.* Ships and the Sea: A Chronological Revue. New York, Crowell, 1975.
- Herrmann, 1938.—*Herrmann A.* Das Land der Seide und Tibet im Dichten der Antike. Lpz., 1938.
- Hodjash, Berlev, 1982.—*Hodjash S., Berlev O.* The Egyptian Reliefs and Stelae in the Pushkin Museum of Fine Arts. Moscow—Leningrad, 1982.
- Hornbostel, 1973.—*Hornbostel W.* Sarapis Leiden, 1973. (Studien zur Überlieferungsgeschichte den Erscheinungsformen und Wandlungen der Gestalt eines Gottes).
- Huntingford, 1980.—*Huntingford G. W. B.* (ed. and tr.). The Periplus of the Erythrean Sea. L., 1980.
- Ingholt, 1957.—*Ingholt H.* Gandharan Art in Pakistan. N. Y., 1957.
- Jain, 1957.—*Jain B.* Inventory of the Hoards and Finds of Coins and Seals from Madhya Pradesh.—*JNSI*, 1957, vol. XIX, pt. 1, № 5.
- Johnson, 1936.—*Johnson A.* Roman Egypt to the Reign of Diocletian.—*An Economic Survey of Ancient Rome*. Vol. II. Baltimore, 1936.
- Kangle, 1972.—*Kangle R. P.* Kautiliya Arthasāstra. Pt. 2. An Engl. Transl. with Critical and Explanatory Notes. Sec. ed. Bombay, 1972.
- Kater-Sibbes, 1973.—*Kater-Sibbes G. J. F.* Preliminary Catalogue of Sarapis Monuments. Leiden, 1973.
- Kennedy, 1904.—*Kennedy J.* The Indian in Armenia: 130 B. C.—300 A. D.—*JRAS*, 1904 (aprel).
- Kennedy, 1913.—*Kennedy J.* A Passage in the Periplus.—*JRAS*, 1913.
- Knight, 1915.—*Knight A. E.* Amentet: An Account of the Gods, Amulets, Scarabs of the Ancient Egyptians. London, Longmans, Green, 1915.
- Krishnam, 1958.—*Krishnam K. G.* Literary and Epigraphical References to the Coinage in Ancient Tamiland.—*JNSI*, 1958, vol. I, pt. I.
- Kurz, 1954.—*Kurz O.* Begram et l'occident gréco-roman.—*Hackin J.* Nouvelles Recherches archéologiques à Begram.—*MDAFA*, T. XI, 1954.
- Lamberg-Karlovsky, 1972.—*Lamberg-Karlovsky C. C.* Trade Mechanisms in Indus-Mesopotamian Interrelations.—*Journal of the American Oriental Society*, 1972, vol. 92, pt. 2.
- Landström, 1969.—*Landström B.* Sailing Ships in Words and Pictures from Papyrus Boats to Full-Riggers. L., 1969.
- Lanzone, 1881.—*Lanzone R. V.* Dizionario di mitologia egizia. Per Ridolfo. Vol. I. Toronto, 1881.
- Litvinsky, Pichikyan, 1983.—*Litvinsky B. A., Pichikyan I. R.* Monuments of Art from the Sanctuary of Oxus: Northern Bactria.—*Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae*. Budapest, 1983, vol. XXVIII.
- L'Orange, 1953.—*L'Orange H. P.* Studies on the Iconography of Cosmic Kingship in Ancient World. Oslo: Aschehou, 1953.
- Mac Dowall, 1960.—*Mac Dowall D. W.* The Weight Standards of the Gold and Copper Coinage of the Kushana Dynasty from Wima Kadphises to Vasudeva.—*JNSI*, 1960, vol. 32, pt. 1—2.
- Macedowall, 1968.—*Macedowall D. W.* Numismatic Evidence for the Date of Kaniska.—*Papers on the Date of Kaniska*. Submitted to the Conference on the Date of Kaniska. London, 20—22 april, 1960. Ed. by A. L. Basham. Leiden, 1968.
- Mac Dowall, 1974.—*Mac Dowall D.* Implications for Kushan Chronology of the Numismatic Context of the Nameless King.—*ЦАКЭ*.

- Mac Dowall, Maddei, 1978.—*Mac Dowall D. W., Maddei M.* The Pre-Muslim Period.—The Archaeology of Afghanistan from Earliest Times to the Timurid Period. London etc., 1978.
- Maddowall, Wilson, 1970.—*Maddowall D. W., Wilson N. G.*, The References to the Kušānas in the Periplus and Further Numismatic Evidence for its Date.—*Numismatic Chronicle*, Ser. 7, vol. 10, 1970.
- Magie, 1953.—*Magie D.* Egyptian Deities in Asia Minor.—*AJA*. 1953, vol. 57, № 3.
- Maillard, 1975.—*Maillard A.* A propos de deux statuettes en terre rapportées par la mission Ōtani: Sarapis et Harpocrates en Asie Centrale.—*JA*. 1975. T. CCLXIII.
- Margabandhu, 1965.—*Margabandhu C.* Trade Contacts between Western India and Graeco-Roman World in the Early Centuries of the Christian Era.—*JESHO*. 1965, vol. VIII, pt. III.
- Marshall, 1951.—*Marshall J.* Taxila: An Illustrated Account of Archaeological Excavations. Vol. I—III. Cambridge, Univ. Press, 1951.
- Masson M. E., 1967.—*Masson M. E.* Two Palmyrene Stelai from the Merv Oasis—*EW*. New ser., 1967, vol. 17.
- Masson, 1966.—*Masson V. M.* I monumenti archeologici dell'Asia Centrale. Influenze e relazioni greco-romane.—*Le Persia e il mondo greco-romano*, Roma 11—14 aprile, 1965. Accademia Nazionale dei Lincei, Anno 363, 1966, quaderno, № 76.
- Meile, 1940.—*Meile P.* Les Yavanas dans l'Inde Tamoule.—*JA*. 1940, T. 232/1.
- Mercer, 1949.—*Mercer S. A.* The Religion of Ancient Egypt. L., 1949.
- Michałowski, 1960.—*Michałowski K.* Palmyre: Fouilles Polonaises 1959. Warszawa — Paris, 1960.
- Michalowski, 1962.—*Michalowski K.* Palmyre. Fouilles Polonaises 1960. Warszawa — Paris, 1962.
- Mookerji, 1912.—*Mookerji R. A.* Indian Shipping: A History of the Sea: Born Trade and Maritime Activity of the Indians from the Earliest Times. Bombay etc., 1912.
- Mordini, 1967.—*Mordini A.* Gold Kushana Coins in the Convent of Dabra Dammo.—*JNSI*. 1967, vol. XXIX, pt. II.
- Mukherjee, 1978.—*Mukherjee B. N.* A Note on Reverse Devices of Coins of Kaniska I and his Successors.—*Numismatic Digest*, vol. II, pt. II.—*Numismatic Society of Bombay*. Bombay, 1978.
- Mukherjee, 1980—1981.—*Mukherjee B. N.* Revenue, Trade and Society in the Kušāna Empire.—*Indian Historical Review*, 1980—1981, vol. VII, № 1—2.
- Mukherjee, 1982.—*Mukherjee B. N.* Kušāna Silver Coins: Indian Museum. Calcutta, 1982.
- Narain, 1962.—*Narain A. K.* The Indo-Greeks. Oxf., Clarendon Press, 1962.
- Newburg, 1949.—*Newburg F.* Glass in Antiquity. L., 1949.
- Otto, 1913.—*Otto W.* Hippalos.—*RE*. Sechzehnter Halband, 1913.
- Parlasca, 1983.—*Parlasca K.* Eine Harpocratesstatuette aus Afghanistan im Brooklyn Museum.—*Artibus Aegypti (Separatum)*. Bruxelles, 1983.
- Pelliot, 1915.—*Pelliot P.* Li-kien autre nom du Ta-Ts'in: Orient Méditerranéen.—*T'oung Pao*. 2 ser., 1915, t. 16.
- Petrie, 1886.—*Petrie W. M. F.* Naukratis, pt. I, 1884—85. L., 1886 (Third memoir of the Egypt Exploration Fund).
- Petrie, 1905.—*Petrie W. M. F.* Roman Ehnasya (Herakleopolis Magna) 1904. L., 1905.
- Petrie, 1909.—*Petrie W. M. F.* The Palace of Apres (Memphis II). L., 1909.
- Petrie, 1910.—*Petrie W. M. F.* Meydum and Memphis (III). L., 1910.
- Petrie, 1914.—*Petrie W. M. F.* Amulets. L., Constable, 1914.
- Petrov, 1983.—*Petrov A. M.* Foreign trade on Ancient and Medieval studies.—The 31st International Congress of Human Sciences in Asia and Africa. Aug. 31st—Sept. 7th 1983. Tokyo. Sect. 7. Kyoto, 1983.
- Pirrene, 1970.—*Pirrene J.* Le Développement de la Navigation Egypte-Inde dans l'antiquité.—*Actes du 8e Coll. d'hist. Maritime*. L., 1970.
- Plinius, 1944.—*Plinius Caius Secundus*. Natural History (With an English Transl. by H. Rackham. In 10 vols. Cambridge, Harvard Univ. Press; Lon-

- don, Heinemann, 1944). The Loebclassical Library. Ed. by T. E. Page and others.
- Poole, 1892.—*Poole R. S.* Catalogue of the Coins of Alexandria and the Nomes. L., 1892.
- Prinsep, 1832.—*Prinsep J.* On the Ancient Roman Coins in the Cabinet of the Asiatic Society.—The Journal of the Asiatic Society of Bengal. Vol. I. Calcutta, 1832.
- Ptolemaios, 1971.—*Ptolemaios.* Geographie, VI, 9—21. Ed. J. Ronca. Teil I.—IsMEO. 1971.
- Puri, 1965.—*Puri B. N.* India under Kūshāṇas. Bombay, Bharatiya Vidya Bhavan, 1965.
- Ramachandran, 1970.—*Ramachandran K. S.* Ancient Indian Maritime Ventures.—India's Contribution to World Thought and Culture. Madras, 1970.
- Raschke, 1975.—*Raschke M. G.* Papyrological Evidence for Ptolemaic and Roman Trade with India.—Proceedings of the XIV International Congress of Papyrologists. Oxf., 1975.
- Raschke, 1978.—*Raschke M. G.* New Studies in Roman Commerce with the East.—*H. Temporini.* Hsgb. Aufstieg und Niedergang der römischen Welt. II.9.2. B., 1978.
- Rawlinson, 1916.—*Rawlinson H. G.* Intercourse between India and the Western World from the Earliest Times to the Fall of Rome. Cambridge, Univ. Press, 1916.
- Ray, 1988.—*Ray H. P.* The Yavana presence in ancient India.—JESHO. 1988, vol. XXXI, pt. III.
- Reinaud, 1966.—*Reinaud M.* Relations politiques de l'empire romain avec l'Asie orientale: l'Hyrcanie, l'Inde, La Bactriane et la Chine. Osnabrück Otto Zeller, 1966 (Reimpression de l'édition 1863).
- Reisner, 1907.—*Reisner G. A.* Amulets. Vol. I—II. Le Cairo, 1907.
- Rekha, 1983.—*Rekha M.* Review of «Les palettes du Gandhara» by H. P. Frankfort.—Bibliotheca Orientalis. 1983, Bd. 40.
- Reuther, 1926.—*Reuther O.* Die Innenstadt von Babylon. Merkes. Textband.—Ausgrabungen der Deutschen Orient-Gesellschaft in Babylon, III, 47. Wissenschaftliche Veröffentlichung der Deutschen Orient-Gesellschaft. Lpz., 1926.
- Riefstahl, 1948.—*Riefstahl E.* Glass and Glazed from Ancient Egypt. N. Y., 1948.
- Roberts, 1947.—*Roberts C. H.* The Greek Papyri.—The Legacy of Egypt. Oxf., 1947.
- Rodewald, 1976.—*Rodewald C.* Money in the Age of Tiberius. Manchester, Univ. Press, 1976.
- Roeder, 1956.—*Roeder G.* Ägyptische Bronzefiguren. Staatliche Museen zu Berlin Mitteilungen aus der ägyptischen Sammlung. Bd. VI. Tafelband. B., 1956.
- Rosenfield, 1967.—*Rosenfield I. M.* The Dynastic Arts of the Kushans. Berkeley—Los Angeles, Univ. of California Press, 1967.
- Rostowtzev, 1926.—*Rostowtzev M. I.* The Social and Economic History of the Roman Empire. Oxf., Clarendon Press, 1926.
- Rostovtzeff, 1932.—*Rostovtzeff M. I.* Caravan Cities. Oxford: The Clarendon Press, 1932.
- Rostovtzev, 1932.—*Rostovtzev M. I.* Foreign Commerce of Ptolemaic Egypt.—Journal of Economic and Business History. Cambridge, Mass., 1932, vol. 4.
- Rowland, 1971.—*Rowland B.* Art in Afghanistan: Objects from the Kabul Museum. L., 1971.
- Sandman-Holmberg, 1946.—*Sandman-Holmberg M.* The God Ptah. Lund, 1946.
- Sankalia etc., 1960.—*Sankalia H. D., Deo Sh. Bh., Ansari Z. D.* From History to Prehistory at Nevasa. Poona, Univ. Publ., 1960.
- Sarianidi, 1985.—*Sarianidi V.* Bactrian Gold from the Excavations of the Tillja—Tepe Necropolis in Northern Afghanistan. Leningrad, Aurora, 1985.
- Scerrato, 1962.—*Scerrato U.* On a Silver Coins of Traianus Decius from Afghanistan.—EW. 1962, vol. 13.
- Schlingloff, 1976.—*Schlingloff D.* Kalyāṇakārin's Adventures: The Identification of an Adjanta Painting.—ARa. 1976, vol. XXXVIII, pt. 1.

- Schmittener, 1979.—*Schmittener W.* Rome and India: Aspects of Universal History During the Principate.—JRS. 1979, vol. 69.
- Schoff, 1912a.—*Schoff W. H.* First Century Intercourse between India and Rome.—*Monist*. Chicago, 1912, vol. XXII, № 1.
- Schoff, 1912b.—*Schoff W. H.* Periplus of the Erythraean Sea. L., 1912.
- Schoff, 1914.—*Schoff W. H.* Parthian Stations of Isidore of Charax: An Account of the Overland Trade Route between the Levant and India in the First Century B. C. Filadelfia, 1914.
- Schoff, 1974.—*Schoff W. H.* The Periplus of the Erythraean Sea: Travel and Trade in the Indian Ocean by a Merchant of the First Century. Transl. from the Greek, annot. by W. H. Schoff. 2-nd ed. New Delhi: Oriental Books Repr. Corp., 1974.
- Sedlar, 1980.—*Sedlar J. W.* India and the Greek World: A Study in the Transmission of Culture. New Jersey, 1980.
- Seligman, 1938.—*Seligman C. G., Beck M. C.* Far eastern Glass: Some Western Origin.—*Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities*. № 10, pt. 12, Stockholm, 1938.
- Seshadri, 1966.—*Seshadri M.* Roman Contacts with South India.—*Archaeology*. 1966, vol. 19, № 3.
- Seton-Williams, 1966.—*Seton-Williams V.* The Town of the Cobra Goddess of Lower Egypt.—*Archaeologia*, 1966, vol. 3.
- Seyrig, 1949.—*Seyrig H.* Antiquities Syriennes: 41. Nouveaux monuments palmyréniens de Baalshamin.—*Syria*. 1949, vol. 26.
- Seyrig, 1950.—*Seyrig H.* Palmyra and the East.—JRS. 1950; vol. 40.
- Shiratori, 1956.—*Shiratori K.* A Study on T'iao-chih.—*Memoirs of the Research Department of the Toyo Bunko*. The Oriental Library, № 15. Tokyo, 1956.
- Singh, 1961.—*Singh M. M.* Indian's Overseas Trade as Known from the Buddhist Canon.—*IHQ*. 1961, vol. 37, № 2—3.
- Sircar, 1956.—*Sircar D. C.* Presidential Address of the Numismatic Society of India, Agra Session December 1956.—*JNSI*. 1956, vol. XVIII, pt. II.
- Sircar, 1960.—*Sircar D. C.* Studies in Geography of Ancient and Medieval India. Delhi: Motilal Banarsidass, 1960.
- Sircar, 1966.—*Sircar D. C.* Early Western Satraps and the Date of the Periplus.—*NC*. Ser. 7, 1966, vol. VI.
- Skowronek, 1967.—*Skowronek S.* On the Problem of the Alexandrian Mint. Warszawa, 1967.
- Spence, 1925.—*Spence L.* Myths and Legends of Ancient Egypt. L., 1925.
- Stambaugh, 1972.—*Stambaugh J. E.* Sarapis under the Early Ptolemies. Leiden, Brill, 1972.
- Stein, 1907.—*Stein A.* Ancient Khotan. Vol. I—II. Oxf., Clarendon Press, 1907.
- Stein, 1921.—*Stein A.* Serindia. Vol. I—IV. Oxford, Clarendon Press, 1921.
- Stein, 1928.—*Stein A.* Innermost Asia. Vol. I—IV. Oxf., Clarendon Press, 1928.
- Taddei, 1965.—*Taddei M.* On a Hellenistic Model Used in Some Gandharan Reliefs in Swat.—*EW*. 1965, New ser., vol. 15, № 3—4.
- Taddei, 1969.—*Taddei M.* Harpocrates — Brahma — Maitreya: A Tentative Interpretation of a Gandharan Reliefs from Swat.—*Extratto della Rivista Dialoghi di Archaeologia*. Roma: Casa Editrice il Saggiatore, 1969, vol. III.
- Tarn, 1951.—*Tarn W. W.* The Greeks in Bactria and India. Sec. ed., Cambridge; Univ. Press, 1951.
- Thakur, 1973.—*Thakur U.* Early India Mints.—*JESHO*. 1973, vol. XVI, pt. II—III.
- Thakur, 1980.—*Thakur U.* Source of Gold for Early Gold Coins of India.—*EW*. 1980. New ser., vol. 30.
- Thorley, 1969.—*Thorley J.* The Development of Trade Between the Roman Empire and the East under Augustus.—*Greece and Rome*. Sec. ser. Vol. XVI, № 2. Oxf., 1969.
- Toll, 1946.—*Toll N. P.* The Necropolis: The Excavations at Dura-Europos.—*Preliminary Report on the Ninth Season of Work 1935—1936*. Pt. II. New Haven, 1946.
- Toll, 1949.—*Toll N. P.* The Excavations at Dura-Europos: Final Report IV. New Haven, 1949.

- Tomaschek, 1896.—*Tomaschek W.* Bactrianoi.—RE. II, 1896.
- Torr, 1964.—*Torr C.* Ancient Ships.—Sec. ed. Chicago, 1964.
- Toshihiko Sono, Shinji Fukai, 1968.—*Toshihiko Sono, Shinji Fukai.* Dailaman III: The Expeditions at Hasani Mahale and Ghabekuti 1964.—The Tokyo University Iraq-Iran Archaeological Expedition, Report 8. Tokyo, 1968.
- Touraieff, 1911.—*Touraieff B.* Objects égyptiens et égyptisants trouvés dans la Russie méridionale.—Revue archéologique. P., 1911. IV ser., t. XVIII.
- Unithan, 1963.—*Unithan N. G.* Eyyal Hoard of Silver Punch: Marked and Roman Coins.—JNSI. 1963, vol. XXV, pt. 1.
- Unithan, 1964.—*Unithan N. G.* Dinara in South India.—JH. 1964, vol. 42.
- Walburg, 1985.—*Walburg R.* Antike Münzen aus Sri Lanka/Ceylon.—Studien zu Fundmünzen der Antike. B., 1985, Bd. 3.
- Warmington, 1974.—*Warmington E.* The Commerce between the Roman Empire and India.—Sec ed. London etc., 1974.
- Welles, 1962.—*Welles C. B.* The Discovery of Sarapis and the Foundation of Alexandria.—Historia. Wiesbaden, 1962, Bd. XI, Hf. 3.
- West, 1941.—*West L. C.* Gold and Silver Coins Standards in the Roman Empire. N. Y., 1941.
- West, Johnson, 1944.—*West L. C., Johnson A. C.* Currency in Roman and Byzantine Egypt. Princeton, Univ. Press, 1944.
- Wetzel etc., 1957.—*Wetzel F., Schmidt E., Mallwitz A.* Das Babylon der Spätzeit.—62 Wissenschaftliche Veröffentlichung der Deutschen Orient Gesellschaft. Ausgrabungen der Deutschen Orient Gesellschaft in Babylon, VIII. B., 1957.
- Wheeler, 1946.—*Wheeler M.* Roman Coins First Century B. C.—Fourth Century A. D., Found in India and Ceylon.—Ancient India. 1946, vol. II, July.
- Wheeler, 1955.—*Wheeler M.* Rome beyond the Imperial Frontiers. L., 1955.
- Whitcomb, Johnson, 1980.—*Whitcomb D. S., Johnson J. H.* Qossier el-Qadim und die Rote—Meer Handel.—Altertum. 1980, Bd. 26, № 2.
- Whitcomb, Johnson, 1981.—*Whitcomb D., Johnson J. H.* Egypt and the Spice Trade.—Archaeology. 1981, vol. 34, № 6.
- Widengren, 1965.—*Widengren G.* Die Religionen Irans.—Die Religionen der Menschheit. Bd. 14. Stuttgart, 1965.
- Wojtilla, Wojtilla, 1976.—*Wojtilla J., Wojtilla A.* Reed-Symbolism in Ancient Egypt and India.—Studia Aegyptica. II, Budapest, 1976.
- Yelvin, 1933.—*Yelvin S.* The Tombs Found at Seleucia: Seasons 1923—1930 and 1931—1932.—Second Preliminary Report upon the Excavations at Tel-Umar, Iraq. Conducted by the University of Michigan, the Cleveland Museum of Art. Ed. by L. Waterman. Ann Arbor, 1933.
- Ying-Shih Yü, 1967.—*Ying-Shih Yü.* Trade and Expansion in Han China: A Study in the Structure of Sino-Barbarian Economic Relations. Berkeley and Los Angeles: Univ. of California Press, 1967.

- Шаерман, 1950.—*Шаерман Е. М.* Латинские надписи, опубликованные в 1944—1949 гг.—ВДИ. 1950, № 4.
- Casson, 1984.—*Casson L.* Egypt, Africa, Arabia, and India: Patterns of Seaborne Trade in the First Century A. D.—Bulletin of the American Society of Papyrologists. 1984, vol. XXI, № 1—4.
- Casson, 1986.—*Casson L. P.* Vindob G 40822 and the Shipping of Goods from India.—Bulletin of the American Society of Papyrologists. 1986, vol. XXIII, № 3—4.
- Casson, 1989.—*Casson L.* The Periplus Maris Erythraei: Text with Introduction, Translation, and Commentary. Princeton, 1989.
- Harrauer, Sijpesteijn, 1985.—*Harrauer H., Sijpesteijn P. J.* Ein neues Document zu Roms Indienhandel. P. Vindob. G 40822.—Östereichische Akademie der Wissenschaften. Wien, 1985, Bd. 122. (Philosophisch-Historische Klasse).
- Thür, 1987.—*Thür G.* Hypotheken-Urkunde lines Seedarlehens für eine Reise nach Muziris und Apographe für die Tetarte in Alexandria (zu P. Vindob. G. 40.822).—Tyche. Wien, 1987, Bd. 2.
- Thür, 1988.—*Thür G.* Zum Seedarlehen κατά Μουσειῶν P. Vindob. G. 40822.—Tyche. Wien, 1988, Bd. 3.

SUMMARY

T. A. Sherkova. *Egypt and the Kushan Kingdom (Commercial and Cultural Contacts)*. The Roman province of Egypt and the Kushan kingdom, though vastly apart geographically, conducted trade by land and sea as part of the international commerce between the Roman empire, on the one hand, and India and Central Asia, on the other. Egyptian merchants set much premium on the monsoon routes across the Indian Ocean discovered by the ancient seafarers; they could thereby be in brisk and direct trading contact with India, part of which was included into the Great Kushans state, via the Barbaricon or Barygaza on Hindustan's Malabar coast. From there, overland routes branched in various directions off the Great Silk Route, including to China via the Kushan kingdom.

International commerce was maintained through mutual embassies and merchants, sailors, craftsmen, and trading agents who spent a lot of time staying abroad. Direct contact facilitated familiarization with customs, traditions, religious, ideological, and aesthetic views of different peoples. There was a great deal of cultural interchange between East Mediterranean and North India of the classical authors (now part of Afghanistan, India, and Pakistan) which had a form of cultural borrowing. Egyptian culture claims notable credit for that.

An outpost of Roman sea trade in Asia in the 1st century A. D., Egypt evolved into a trading lifeline between East and West and Alexandria into an international cultural and commercial centre. Egypt was also the Roman empire's principal exporter to the East, possessing rich natural deposits and long-standing traditions of handicrafts. Its items were in demand even in remote countries. The most prized were glassware, fabrics, and incense. *The Periplus of the Erythrean Sea* provides a detailed list of goods exported from the Roman empire, mainly from Egypt, and exchanged for Indian merchandise. There is no mention, however, of Egyptian faience, amulets and beads, which, on archaeological evidences, were intensively exported, including to the Kushan kingdom.

Roman coin troves from India, Pakistan, and Afghanistan provide extensive clues to the nature, scale, and geographical spread of Indo-Roman commercial ties. In the 1st century A. D. Rome conducted a most extensive trade with South and East India. These areas provided Rome with gem stones and spices in exchan-

ge for gold and silver coins exported on a large scale. In the latter half of the 1st century, however, exportation of coins plunged, with Indo-Roman trade tending towards the peninsula's northern areas. In the next century, items from India and inland regions of Central Asia, including Chinese silk exported via Bactria, were traded for the empire's handicrafts, Egyptian for the most part. Although no Egyptian coins from Alexandria have been found in India or adjacent areas, some coins of the Kushan King Huviska bear an image of the Graeco-Egyptian deity Sarapis and a legend rendering his name in Bactrian.

Foreign iconographic borrowings testify to cultural rather than commercial contacts, and there are recurring Kushan archaeological finds suggesting the borrowing and artistical reinterpretation of Egyptian iconography in Kushan Kingdom. In addition to local imitations of imported items, they made it possible to establish the ways and mechanisms of Egyptian borrowings in the Kushan culture. As there were plain iconographic borrowings, just as surely there were borrowings artistically reinterpreted in the context of local ideological and aesthetic ideas. This concerns both popular beliefs and official religious ideas in the Kushan kingdom.

A combination of sources suggests the existence of direct contacts between Egypt and the Kushan kingdom in a quite narrow chronological framework of the turn of the 1st and 2nd centuries to the 3rd century A. D.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ В КОНТЕКСТЕ ЕГИПЕТСКО-КУШАНСКИХ КОНТАКТОВ	15
§ 1. Посольства	15
§ 2. Торговые пути	19
§ 3а. Муссонное мореплавание	30
§ 3б. Египетское мореплавание	34
§ 3в. Индийское мореплавание	38
§ 4. Порты, гавани, рынки	42
ГЛАВА II. ЕГИПЕТСКИЕ ИЗДЕЛИЯ И ИХ ИМИТАЦИИ В КУШАНСКОЙ КУЛЬТУРЕ	52
§ 1. Продукция египетских ремесел	52
§ 2. Египетский фаянс	62
§ 3. Предметы изобразительного искусства	92
§ 4. Индо-римская торговля по данным кладов римских монет в Индии и Центральной Азии	103
§ 5. Иконографические параллелизмы в александрийском и кушанском монетных чеканах. Сарапис на монетах Хувишки	123
ГЛАВА III. ЕГИПЕТСКИЕ БОГИ В КУШАНСКОМ ЦАРСТВЕ: ОБРАЗ И ИКОНОГРАФИЯ (ОПЫТ МОДЕЛИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ЗАИМСТВОВАНИЙ)	136
§ 1. Сарапис	138
§ 2. Гарпократ, Бес, Птах-Секер-Осирис	144
§ 3. Фигурные амулеты и бусы	156
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	164
ПРИМЕЧАНИЯ	168
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	176
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	177
Summary	191

ЕГИПЕТ и КУШАНСКОЕ ЦАРСТВО

«Переправившись через Гидра-от и миновав земли нескольких племен, достигли они Гифаса, а еще на тридцать стадиев дальше обнаружили алтари со следующими надписями: „Отцу Амону“, и „Брату Гераклу“, и „Афине-Провидице“, и „Зевсу Олимпийскому“, и „Кабирам Самофракийским“, и „Гелиосу Индийскому“, и „Аполлону Дельфийскому“. Еще рассказывают, что рядом находился медный столб, на коем было начертано: „Александр остановился здесь“. Можно предположить, что алтари эти воздвиг Александр, дабы отметить таким образом предел своей державы; а вот столб, по-моему, поставили индусы, обитающие за Гифасом, теша свою гордость тем, что Александр не пошел дальше».

Флавий Филострат 3, 43

